

С. Алексеев

ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ

ЖЗЛ

ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ

Сергей
Алексеев

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

Князь Игорь Святославич Новгород-Северский (1151—1201) вошел в историю благодаря единственному событию — неудачному походу против половцев в 1185 году, в результате которого впервые пятеро русских князей оказались в плену на чужбине. Поход этот описан в двух летописных повестях, а главное, в эпической поэме «Слово о полку Игореве». Именно она принесла Игорю славу — едва ли вполне заслуженную, ибо это был лишь один из многих удельных правителей того времени, не самый заметный и не самый выдающийся.

На страницах книги доктора исторических наук Сергея Алексева действуют не поэтические герои, а исторические персонажи — Игорь и Святослав, «Буй Тур» Всеволод и его тезка Большое Гнездо, Кончак и Ярославна. Это не классическая биография, а портрет персонажа второго плана, простирающийся на фоне бурной, насыщенной событиями эпохи междоусобных войн и походов в Степь, благородных деяний и клятвопреступлений. Самый заметный из его поступков, давший русской культуре и истории «Слово о полку Игореве», стал для князя самым злосчастным, но обессмертил его имя.

-
- [Сергей Алексеев](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [Глава четвертая.](#)
 - [Глава пятая.](#)

- [Глава шестая.](#)
- [Глава седьмая.](#)
- [Глава восьмая.](#)
- [Глава девятая.](#)
- [Глава десятая.](#)
- [Глава одиннадцатая.](#)
- [Глава двенадцатая.](#)
- [Приложение.](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)

- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)

- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)

- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)

- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)

- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)

- [315](#)
 - [316](#)
 - [317](#)
-

Сергей Алексеев
ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
55

«Молодая гвардия», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории Древней Руси до монгольского нашествия есть не одно яркое имя, с детства известное нашим современникам. В основном это правители, великие князья: киевские — воитель Святослав, креститель Руси и прототип былинного персонажа Владимир Святой, внук византийского императора Владимир Мономах; ростовские и владимирские — Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский. Когда-то хорошо помнили церковных деятелей — первого русского митрополита Илариона, основателей крупнейшего киевского монастыря Антония и Феодосия Печерских, монаха-летописца Нестора. Но в этом созвездии имен есть одно, не менее известное, принадлежащее не самому выдающемуся и не самому положительному персонажу той эпохи. Игорь Святославич Новгород-Северский, правитель окраинного удельного княжества, «прославился» разве что сварам с другими князьями и кочевниками, а особенно — самым большим поражением в своей жизни, едва не обернувшимся крахом для всей Руси. Пожалуй, его история на слуху не меньше, а возможно, и больше, чем свершения киевского «самовластца» Ярослава Мудрого или Всеволода Большое Гнездо, «царствовавшего» во Владимире. Последний, кстати, жил в одно время с нашим героем — но едва ли не пропадает в его тени.

Причина этой невероятной славы северского князя, показавшейся бы абсурдом любому его современнику, ясна. Чаще всего имя князя упоминается в сочетании «Слово о полку Игореве». Не знающая равных в литературе домонгольской поры, сразу после публикации заморозившая почитателей и обретшая недоброжелателей поэма моментально сделала своего главного персонажа героем большой Истории.

Стоит оговориться, что автор этих строк, как теперь уже большинство ученых в России и за рубежом, считает «Слово» подлинным памятником средневековой литературы, источником для изучения событий XII столетия. В этом качестве оно и будет использоваться на страницах нашей книги. Проблема достоверности «Слова», как и любого источника, стоит — но это не проблема «мистификаций» и «подлогов»...

Средневековое прошлое сделало Игоря героем поэмы, а Новое время — оперы «Князь Игорь». И как «Слово» с момента публикации стремительно превратилось в самый известный памятник литературы Древней Руси, так и опера А. П. Бородина стала, без преувеличения, самым известным творением композиторов-романтиков на древнерусскую тему. Мог ли при этом герой поэмы и оперы оставаться второстепенным персонажем истории? Сам непрекращающийся спор о подлинности «Слова», о «темных» его местах десятилетие за десятилетием возрождал интерес к этой фигуре.

Случайное обстоятельство истории... Игорь не был единственным эпическим героем Древней Руси XII — начала XIII века. «Песнотворцы» слагали сказания и о павших в битве на реке Калке «храбрах»-дружинниках владимирских и киевских князей — но обрывки этих сказаний были записаны в прозе только в начале XV столетия и сейчас известны в основном специалистам. В это же время зарождались сказания о богатырях, героях будущих русских былин, но самые ранние их формы известны нам лишь в искаженных пересказах. Их, видимо, и вовсе не записывали до самого конца Средневековья. Сказывали-пели и о князьях. Уже в «Повести временных лет» есть ритмические фрагменты о Святославе и Владимире, весьма напоминающие «Слово». Среди современников Игоря объединивший юго-западные русские земли Роман Галицкий, политик и полководец с очевидностью более достойный, чем князек из Новгорода-Северского, заслужил похвалу от придворных летописцев своего сына. Но эпических сказаний о Романе Мстиславиче не сохранилось, а «Слово» — песнь о военачальнике, побежденном из-за собственного неразумия, — дожило до Нового времени, пусть и в единственном списке.

Святослав Всеволодович Киевский — несомненно, гораздо более значимая фигура в истории Руси, чем его двоюродный брат Игорь. Ему первому со времен Владимира Мономаха удалось продержаться на главном русском престоле дольше десятилетия. Мудрый и по необходимости ловкий политик, успешный воитель, пользовавшийся даже моральным — редкость в ту эпоху! — авторитетом среди князей-сородичей. Именно таким он предстает в «Слове», и ему в уста вкладывает сказитель «златое слово» — собственные мысли о необходимости сплочения князей. Для автора поэмы Святослав — в большей степени герой эпохи, чем Игорь. Но если бы не «Слово», само

имя Святослава знали бы сейчас только исследователи удельного периода.

Странный, парадоксальный случай... Из этого парадокса проистекают многие сложности в жизнеописании Игоря Святославича. Ранние летописи, даже при их немногочисленности, вполне позволили бы составить связные биографии их главных персонажей: Всеволода Большое Гнездо, Рюрика Ростиславича, тех же Святослава Всеволодовича или Романа Мстиславича. Однако Игорь — не из их числа. Его биография, как она видна нам, — серия не слишком значимых для всей Руси (или значимых, но не слишком выделяющих самого Игоря) эпизодов. Вот князь участвует в усобице — чаще всего на вторых ролях, — а вот рубится с половцами в своем захолустном порубежье... Событие середины 1180-х годов — большая половецкая война, вылившаяся для Игоря в позорное поражение, — на время поставила его в центр русской истории. Но потом он вновь ушел на свои задворки, и даже его короткое пребывание под конец жизни на великокняжеском престоле в Чернигове прошло почти незаметно.

Какой же будет его биография? Она неизбежно становится описанием жизни не только Игоря. Жизни его крупного, но не всегда заметного вершителям судеб Руси удела. Жизни всей Руси в бурную и трагическую эпоху княжеских распрей и войн со Степью. Жизни дома Рюриковичей, считавших Русь своим общим достоянием — и год за годом раздиравших ее на части. Каждый из тех эпизодов, которые высвечивают роль Игоря в истории, по-своему достоин описания. Все они создают картину той эпохи, которая породила величественный и щемящий пафос «Слова». Может быть, в этом и есть некий смысл того, что в памяти людской остался именно Игорь Святославич Новгород-Северский — амбициозный, неудачливый, безрассудный. Один из тех многих, кто готов был положить голову за свою землю и свою славу, — и тем самым только приближал катастрофу, которая грянула над Древней Русью всего через три с половиной десятка лет после его смерти...

Глава первая.

РУСЬ УДЕЛЬНАЯ

XII столетие от Рождества Христова — трагический век для Руси. Единое Киевское государство распалось почти на десяток независимых и враждующих уделов. Войны между Рюриковичами раз за разом охватывали русские земли. Князья «наводили» на родную страну наемных или союзных кочевников. Не раз и не два брат шел на брата, сын выходил из воли отца, а распря между ближней родней и свойственниками не было числа. Все поучения и призывы мудрых политиков, духовных лиц, провидцев пропадали втуне. Русь будто спешила подготовиться к грядущей угрозе, пришедшей с востока в следующем веке, — но не к противостоянию ей, а к погибельному поражению.

Может быть, именно тогда Русь более всего была схожа с Западной Европой — краем постоянных междоусобных браней, сильных страстей и долгих личных счетов. Как ни странно, западноевропейская история Высокого Средневековья известна российской публике гораздо лучше, чем своя, благодаря, в том числе, десяткам классических романов. Наверное, для русских историков и писателей, сколь угодно романтически настроенных, в удельном периоде было нечто пугающее. «Слово о полку Игореве» — едва ли не единственная тема, касающаяся этих веков, которая удостаивалась постоянного и широкого, то есть не узкоспециального интереса. И в эпоху Российской империи, и в советские годы исследователи как будто старались особо не задерживаться в столетиях потрясения моральных норм и отсутствия цельного государства. Однако именно в такие эпохи, когда спадают цепи условностей, натура отдельных людей и всего народа проявляется ярче всего.

XII век — не только время усобиц. Это время, когда цивилизация Руси обретает собственное «я», перестает быть амальгамой из наследия древней племенной эпохи и облагораживающих византийских влияний. Прежде, в IX—XI столетиях, государство только строилось, зарождалась городская жизнь. Искренняя христианская вера, новая культура, славянская грамотность и книжность оставались

принадлежностью крайне узкого слоя правящей элиты, и то поначалу не слишком твердого в восприятии новых начал. Для большинства же населения они оставались чуждыми, заемными, «греческими». В XII столетии Русь — страна уже христианская, при всех чертах двоеверия, столь ярко отразившихся в «Слове о полку Игореве». Православная вера, христианская культура стали своими. Памятники литературы X века нам неизвестны, в XI веке их единицы, в XII столетии только сохранившиеся насчитываются десятками. В едва родившихся городах по вчерашним окраинам строятся монументальные храмы — Успенские соборы во Владимире-на-Клязьме и Галиче, Михайловская церковь в Новгороде-Северском, Борисоглебский и Спасский соборы в Старой Рязани, Борисоглебский храм в Новгородке Литовском... Развивается русская иконопись. Помимо росписей стен соборов, до наших дней сохранились и некоторые иконы XI—XII веков, в основном новгородской и владими́ро-суздальской школ: «Богоматерь Знамение», «Спас Нерукотворный», «Спас Златые Власы», ряд икон святого Георгия и др.

Русь, невзирая на усобицы князей, продолжает богатеть и процветать. Растут города, строятся новые. Ко времени монгольского нашествия городских поселений на Руси было несколько сотен^[1]. И на взгляд извне Русь остается если и не единым, то мощным государством, с которым считаются соседи. Русские князья — полезные союзники, с ними лестно породниться. С Русью выгодно торговать, и в эти десятилетия ее международная торговля переживает расцвет. Так что и в материальном смысле удельная Русь не похожа на страну, лежащую в хаосе внутренней смуты.

Чтобы лучше это понять, стоит рассмотреть причины удельной раздробленности. В едином государстве столичные города — Киев, отчасти Новгород — крепили за счет периферии. Киев прямо забирал себе доходы и людскую силу окраин, подавлял любые попытки их самостоятельного развития. Неудивительно, что местная знать раз за разом использовала удельный строй для того, чтобы противопоставить одних Рюриковичей другим, освободив тем самым «свои» земли от киевского диктата. Это позволило бы всей Руси развиваться равномерно. И череда драматических событий, начало которой было положено в середине XI века, позволила — тяжелой, кровавой ценой — эту задачу решить.

В 1054 году умер «самовластец» Киевской Руси, князь Ярослав Владимирович, прозванный Мудрым. Почти два десятка лет он почти единодержавно владел огромным государством, соперничавшим размерами и могуществом с Византией и Священной Римской империей. С правлением Ярослава связан наивысший расцвет Руси древней, Киевской, оставшийся непревзойденным до создания нового единого государства во главе с Москвой.

А тогда, в середине XI столетия, согласно древнему родовому закону, неизменно соблюдавшемуся Рюриковичами, Ярослав завещал Русь своим сыновьям, которым еще при жизни выделил уделы — Изяславу, Святославу, Всеволоду, Вячеславу и Игорю. Последние двое вскоре скончались, и до 1073 года Русью правили старшие отпрыски Ярослава во главе с Изяславом. Ярослав завещал сыновьям блюсти единство рода и страны, слушаться старшего брата. Но, как и прежде бывало между Рюриковичами, всё это осталось благими пожеланиями. В разделенной на уделы стране уже спустя десять лет после смерти мудрого князя разгорелись новые междоусобные войны. Сначала Ярославичи воевали со своим двоюродным племянником, полоцким князем Всеславом, а в 1073 году закономерно вступили в распрю между собой. Первая череда войн за границы уделов и власть в Киеве длилась более двадцати лет — до 1086 года. Единство созданной Ярославом и его отцом Владимиром державы было похоронено навсегда.

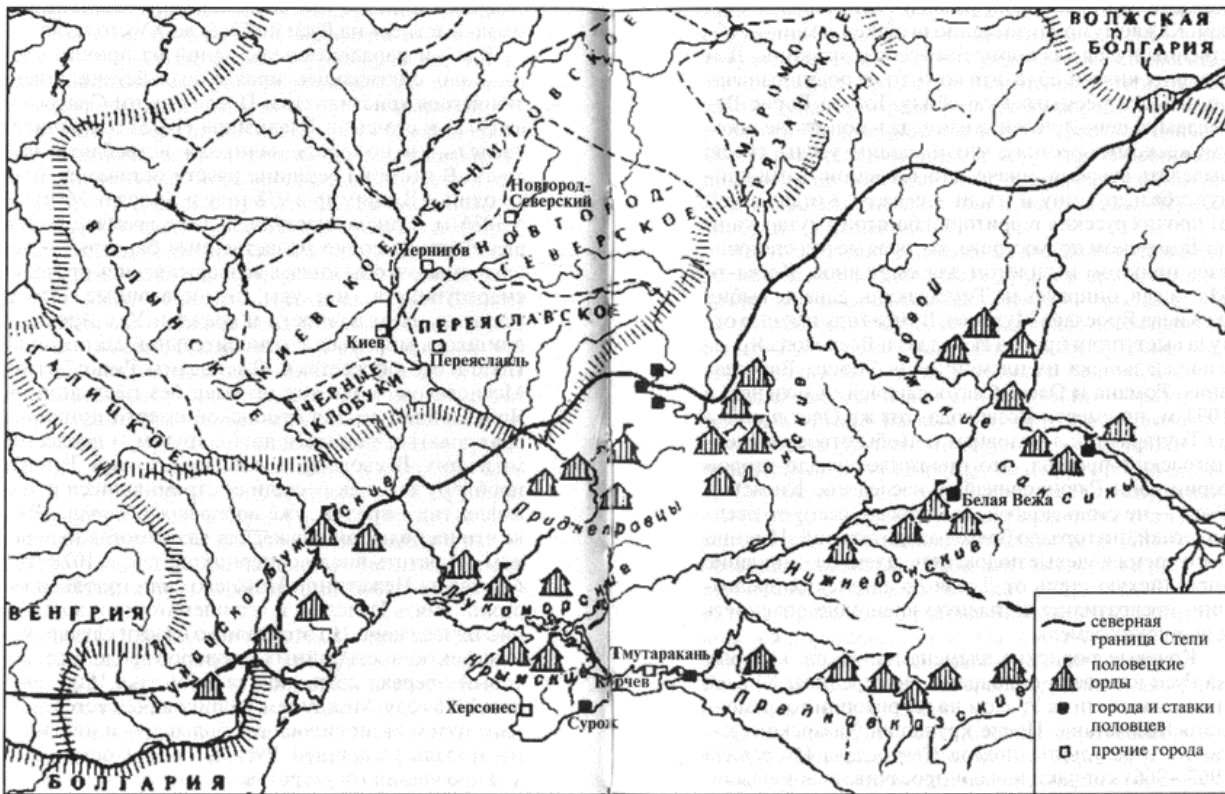
Сначала Ярославичи пытались сдержать дробление страны, под разными предлогами лишая наследства племянников — сыновей умерших братьев. Но после гибели в 1078 году Изяслава Ярославича в бою с «сыновцами» пришлось с такими опытами быть осторожнее. Итог был предсказуем — удельная раздробленность Руси стала постоянной. Мог еще появиться — и, как увидим, появился — сильный правитель, бывший в состоянии подмять под себя большинство удельных князей; но подлинных «самовластцев» на Руси не было до XV столетия.

Как ни парадоксально, одной из причин этого стало смягчающее нравы воздействие утвердившегося христианства. После смерти Святослава (972) и его сына Владимира (1015) оставшиеся наследники попросту начинали истреблять друг друга. В итоге на вершине власти оставался только один — Владимир в 978 году и Ярослав Мудрый в 1036-м. Однако наступало иное время, ставившее более высокие

нравственные барьеры — достаточные, чтобы князья воздерживались от явных смертоубийств, но, увы, недостаточные, чтобы удержать их от алчности и вражды. Уже Ярославу пришлось мириться с относительной автономией Полоцкого княжества и 12 лет делить Русь с братом Мстиславом, пока тот не умер без наследников. Ярославичам со дня отцовской смерти пришлось враждовать и мириться друг с другом, а последнему из них, Всеволоду, — с племянниками. Решить проблему так, как решали ее стремившиеся к «самовластию» предки, уже воспрещала мораль. Разве что на поле боя княжеская удача могла ненароком сократить число соперников; так, в 1078 году в битве на Нежатиной Ниве сложили головы и великий князь Изяслав, и его племянник и враг Борис Вячеславич. Но это было во власти случая, как и эффективность тайных заговоров вроде того, который прервал жизнь князя Ярополка Изяславича в 1086 году. Между тем Рюриковичей естественным путем становилось всё больше — и ни закон, ни мораль тогдашней Руси не могли остановить ход дробления государства.

РУССКИЕ ЗЕМЛИ И КНЯЖЕСТВА В XII - НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

(по материалам, С. А. Плетневой)

Вся Русская земля была для Рюриковичей сферой их ответственности и их общим владением. Каждый из них по праву рождения становился князем. Каждому причиталась доля общей земли — собственный удел для кормления себя и дружины. Для старших князей обделить кого-то из родни означало нанести несмываемую обиду. Тот же Борис Вячеславич ценой своей жизни дал понять великокняжескому престолу, что младшим уделы лучше выделять вовремя, иначе «князья-изгои» сами найдут себе и дружину, и земли — скажем, в отдаленной от прочих русских территорий богатой Тмутаракани на Таманском полуострове, которая не раз становилась приютом и оплотом для смутьянов. Когда-то Мстислав, опираясь на Тмутаракань, едва не выбил из Киева Ярослава Мудрого. В 1078 году именно оттуда выступили против Изяслава и Всеволода Ярославичей войска их племянников Бориса Вячеславича, Романа и Олега Святославичей. А позднее, в 1094-м, по смерти Всеволода, тот же Олег пришел из Тмутаракани с половцами, чтобы отвоевать черниговский престол, что положило начало второй серии войн Рюриковичей за

наследство Киевской Руси — не столь долгой, как первая, всего-то десятилетней, но гораздо более разорительной. Именно в это время кочевые половецкие племена, занявшие евразийскую степь от Дуная до алтайских предгорий, превратились в главную внешнюю опасность для русских земель.

Кочевые тюркские племена кипчаков, которых на Руси называли половцами, до середины XI века населяли степи за Уралом на территории современного Казахстана. После крушения Хазарского каганата в результате похода Святослава Игоревича (965—966) кипчаки начали просачиваться в междуречье Урала и Волги, тесня западных соседей — торков и печенегов. Когда в 1036 году киевский князь Ярослав Мудрый разгромил печенегов и отбил их от границ Руси, их земли ненадолго заняли торки. Но уже к середине 1050-х в европейских степях стали хозяйничать половцы. Вся Великая степь от низовий Дуная до предгорий Алтая вскоре уже именовалась Половецкой степью — Дашт-и-Кипчак. Остатки печенегов, торков и других кочевников, противников половцев, позднее перешли на службу к киевским князьям; они известны как «черные клобуки» (каракалпаки).

Половцы жили племенным укладом и делились на несколько независимых друг от друга, иногда враждовавших племенных союзов — орд. Если бы не это обстоятельство, они, конечно, представляли бы для Руси гораздо большую угрозу. Русские князья использовали разрозненность половцев с меньшей выгодой, чем сами половцы — раздробленность Руси. Бывали случаи, когда половцы сражались в русских междоусобицах не просто на противоположных сторонах, но и друг против друга.

Первое нападение половцев на Русь случилось в 1061 году — они разгромили правившего в Переяславле князя Всеволода Ярославича. В 1068-м половецкий правитель Шара-хан (Шарукан в русских летописях) с большим войском вторгся на Русь, в битве на реке Альте разбил Ярославичей и опустошил южнорусские земли. Однако в том же году в битве под Сновском его одолел черниговский князь Святослав Ярославич и первое крупное нашествие половцев было отражено.

В последующие годы половцы не раз совершали набеги на русские приграничные города. В это же время русские князья вступили в сношения с опасными соседями и начали использовать их силы в своих интересах. Первыми в 1077 году наняли половцев себе в помощь

Всеволод и его сын Владимир (будущий главный борец против половецкой угрозы), а на следующий год половцы сражались на стороне мятежных князей против Всеволода и его брата Изяслава на Нежатиной Ниве.

В 1092 году между Русью и половцами разгорелась большая война. Воспользовавшись смертью киевского князя Всеволода, степняки в 1093-м вторглись в русские земли, разгромили княжескую дружину на Стугне и разграбили окрестности Киева. Помощью половцев воспользовался князь Олег Святославич, в те годы чаще всего прибегавший к их услугам, чтобы выбить Владимира Мономаха из Чернигова. В 1096 году половцы под водительством хана Боняка, прозванного в русских летописях Шелудивым, вновь подступили к самому Киеву.

Осознав внешнюю угрозу и решив сплотиться для ее отражения, внуки Ярослава на съезде в Любече в 1097 году всё же постановили: «Каждый да держит отчину свою». Это означало закрепление за ветвями княжеского рода собственных уделов, окончательный раздел Руси на отдельные княжества. Почти сразу после съезда киевский князь Святополк приказал ослепить Василька Тербовльского, и междоусобица продолжилась. Завершилась она только в 1104 году.

Тем не менее князья все-таки действительно осознавали необходимость сплочения сил против кочевников. Это осознание в конечном счете и примирило их, и позволило начать общую борьбу с половцами. Разгром части половецких орд и гибель нескольких видных ханов ослабили натиск степняков. В 1101 году половцы предпочли заключить мир, а с 1103-го князья уже сами перешли в наступление, отгоняя противника от своих границ. В 1111 году на реке Сальнице русская рать нанесла сокрушительное поражение объединенным силам половецких ханов.

В борьбе с половцами выдвинулся переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах, прозванный так по родовому имени своей матери — византийской принцессы. В 1113 году после смерти непопулярного князя Святополка Изяславича Владимир занял киевский стол. Его восшествие на трон прекратило вспыхнувший в Киеве бунт. Мономах принял новое законодательство — Устав Владимира Всеволодовича, ограничивший возможность обращения в рабство за долги и произвол ростовщиков.

Обретя, наконец, великое княжение, от которого некогда — после смерти отца — вынужден был отказаться, Владимир продолжил добиваться сплочения сил Руси против половцев. Он совершил ряд успешных походов на Степь. В 1120 году половцев выбили за Дон. В результате междоусобных конфликтов 1116—1119 годов, подчинив своей власти одних князей и изгнав других, Владимир на время обеспечил единство государства. Он устроил брак своей дочери Марии с греком-самозванцем, выдававшим себя за наследника византийского престола Льва Диогена — «царевича Девгенича». Владимир надеялся использовать это для расширения влияния Руси на Балканах. Однако война 1116—1118 годов — последнее вооруженное противостояние Руси с Византией — закончилась для первой неудачно.

Князь придавал немалое значение обоснованию и возвеличиванию своих деяний и сам составил первую в русской литературе автобиографию — летопись своих походов. Главным же его сочинением было «Поучение» — наставление сыновьям в христианском благочестии и искусстве властвовать.

Владимир Мономах правил в Киеве 12 лет — довольно долго по тем временам, а после его смерти (1125) власть наследовал его сын Мстислав, прозванный Великим. Ему вновь пришлось иметь дело с сепаратизмом уделов, но в 1126—1130 годах он сломил сопротивление строптивых родственников. Киевский князь захватил даже живший наособицу Полоцк. На южных рубежах половцы были потеснены за Волгу или даже за Урал. Но княжение Мстислава было недолгим — в 1132 году он умер.

«Разодралась вся Русская земля», — отметил в связи с начавшимися событиями новгородский летописец. Действительно, вместе с Мстиславом единая Киевская Русь была погребена окончательно. Сразу же восстал и отложился Полоцк. Вскоре началась борьба за Киев между Мономашичами и черниговскими Ольговичами. Усобица между княжескими родами продолжалась без перерыва более тридцати лет. Менялись участники и их альянсы. Клан Мономашичей почти тотчас раскололся, и к началу 1150-х годов за великокняжеский стол сражались Изяслав Мстиславич и его дядя Юрий Долгорукий, княживший на северо-востоке Руси.

Среди этих смут Новгород стал самоуправляемой республикой. Еще в 1136 году отсюда изгнали Всеволода Мстиславича, племянника

великого киевского князя Ярополка Владимировича, и призвали на его место Святослава Ольговича. С этих пор Новгородом правило местное боярство, выбиравшее из своей среды глав городского самоуправления — посадника и тысяцкого. Князей призывали и изгоняли решениями вечевых собраний, хотя иногда и под давлением извне.

Сразу после смерти Мстислава в 1132 году орды степняков вернулись к границам Руси и охотно ввязались в междоусобные распри русских князей. К этому времени их ханы уже неоднократно роднились с Рюриковичами и в жилах некоторых князей текла половецкая кровь. К середине XII века кочевники вновь начали самостоятельно нападать на русские земли, не дожидаясь приглашения от князей-союзников. Они мешали русской торговле, грабя проезжавшие степью купеческие караваны. Сильнейшими половецкими ордами стали Донецкая во главе с Атраком, сыном Шарукана, и Лукоморская, которую уже в 1170-х годах возглавил хан Кобяк.

В ходе распрей, последовавших за кончиной Мстислава Великого, великокняжеская власть окончательно превратилась из высшего авторитета в яблоко раздора. Ни один из сменявших друг друга князей не продержался в Киеве и десяти лет. Между тем крупнейшие удельные княжества были гораздо более стабильны. «Отчины» удельных князей, служа тылами претендентам на великокняжеский престол или вовсе не участвуя в затянувшейся смуте, превратились к середине XII столетия в настоящие государства в государстве.

Князь являлся единоличным правителем своей «земли» — во всяком случае, настолько, насколько пребывал в согласии с ближней родней, боярством и городскими общинами. Он издавал законы, водил в поход дружину. Передача княжеской власти зиждилась на двух принципах. С одной стороны, престол должен был переходить по «лестнице» к старшему в роде — от брата к брату, а в следующем поколении — по тому же старшинству к их сыновьям и т. д.

Но, с другой стороны, право на престол давали «отчина и дедина», то есть правление на том же столе отца и деда. Потому преждевременная смерть старшего из сыновей князя исключала его потомков из очереди на наследование. Так лишились прав на Киев сначала полоцкие князья, потомки Изяслава Владимировича, а потом предки галицких князей, происходившие от Владимира Ярославича. В

обоих случаях родоначальники умерли раньше своих отцов — Владимира Святого и Ярослава Мудрого соответственно.

Уже из этого примера ясно, что крупные удельные княжества в своем устройстве повторяли в миниатюре Киевскую Русь. Они тоже делились на уделы между сыновьями старших князей. Княжество считалось родовым владением конкретного княжеского дома, как Русь в целом — родовым владением всех Рюриковичей. Но на практике младшие удельные князья точно так же полновластно распоряжались своими землями, могли вступать в уособицы из-за границ и наследства, как и старшие. В границах Черниговского княжества, например, уже в первой половине XII века выделились практически самостоятельное Новгород-Северское княжество и вовсе не зависимое Муромо-Рязанское, в свою очередь, делившиеся на более мелкие уделы. Неудивительно, что главы сильнейших княжеских домов со временем начали ощущать себя великими князьями наподобие киевских, тем более что княжеская власть в старших уделах все-таки была стабильнее, чем в Киеве. Первыми, еще в XI веке, приняли титул великих князей полоцкие властители. В середине XII столетия их примеру последовали черниговский князь Владимир Давидович и могущественный правитель Галича Ярослав Владимирович Осмомысл.

Князя окружали бояре. Изначально, в эпоху единого государства, это слово болгарского происхождения означало потомственных княжеских дружинников, советников и соратников своего вождя. Но уже в первые десятилетия удельного периода ситуация стала меняться. В уделах боярство пополнилось местными аристократами, помнившими по своим родовым преданиям времена независимости племен от Киева. Для боярства удельных княжеств Рюриковичи так и остались пришельцами, чуждой династией. Но оно было склонно использовать «своих» удельных князей в целях достижения независимости от Киева. Дальше всего по этому пути зашел давний и главный соперник Киева — Новгород. Там, как мы видели, почти вовсе избавились от княжеской власти. Собственно, такая боярская «республика» являлась пределом мечтаний для бояр других русских земель. Почти везде они, закрепив независимость своих родных краев от столицы, начали бороться с самовластием собственных князей, недавних союзников в борьбе против Киева. Так, владимиро-суздальский князь Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого,

вопреки воле отца в 1155 году призванный на княжение своими собственниками боярами Кучковичами, в 1174-м сам погиб от их рук...

С XI века бояре разными путями, не всегда известными современным историкам, обзаводились обширными земельными владениями. Очевидно, происходили и княжеские пожалования, и скупка или прямые захваты общинных земель. В итоге крупные города, центры боярского влияния, обрастали «боярскими селами». Бояре не только получали не зависевшие от князя источники дохода, но и имели свои дружины. Они переставали быть дружинниками князя в прямом смысле слова, но по-прежнему являлись его советниками и по его зову выступали (в идеале) на войну во главе собственных полков. В их руках сосредоточивались военное и гражданское управление столичными городами, а также воеводские посты в княжеской рати.

Костяк княжеской дружины теперь составляли лично преданные правителю и живущие на его «дворе», всецело зависевшие от его щедрот «милостники». Из них, а также из обширного штата княжеских холопов, которых и прежде использовали на административной службе, на протяжении XII века складывался новый общественный слой, получивший название «дворяне». Из числа «милостников» набиралось княжеское чиновничество. Противостояние перемещавшихся вместе с князьями из удела в удел и часто наживавшихся за счет службы чиновников с привязанными к «земле» боярами и духовными лицами — корень многих конфликтов той эпохи.

В этом противостоянии бояре и духовенство, естественно, опирались на поддержку городов — самых очевидных жертв грабежа со стороны «перелетных» князей и их присных. Поскольку города Руси в ту пору росли и богатели, соответственно, возрастала роль городских общин, всё настойчивее требовавших уважения к себе со стороны властей предрежащих. Посадские люди — торговцы и ремесленники — хорошо осознавали, что именно они поставляют князю войско помимо его собственной дружины и оплачивают его утехи и щедроты. Потому неудивительно, что XII век стал порой мощных городских восстаний против князей и чиновничества. Помимо Новгорода, в разное время восставали Киев, Полоцк, Галич, Смоленск.

Чаще всего во главе городских движений, как в Новгороде в 1136 году, явно или скрыто вставали бояре. Они больше всего выигрывали от

усиления городской автономии, поскольку стояли во главе самоуправления. Боярство, в отличие от князей, было крепко связано со своими городами.

Однако вовсе освобождаться от Рюриковичей ни один город, даже Новгород, не спешил. Городская верхушка прекрасно понимала, что только «свой» князь может обеспечить городу авторитет и влияние за пределами собственных рубежей, подчинить другие общины. Города соперничали между собой за статус «стольных», за власть над своими «землями». Особенно ревниво верхушка «старых» городов следила за возвышением «новых», которые князья нередко отстраивали и населяли выходцами из других краев Руси именно в надежде освободиться от боярской опеки. Неудивительно, что внутренние войны на Руси в XII веке становились гораздо ожесточеннее, затрагивали интересы гораздо большего числа людей.

В предыдущем столетии междоусобицы были делом князей, хотя и втягивавших в них по возможности «всю землю». Князья боролись за престолы, за власть. В этом смысле смуты после смерти Ярослава Мудрого или Всеволода Ярославича, карательные акции Владимира Мономаха и Мстислава Великого мало отличались от распри сыновей Владимира Святого. Но уже после смерти Мстислава, когда города впервые ощутили свою силу, ситуация начала меняться. В новых условиях бояре превращались в «делателей князей», а для закрепления в этой роли им требовалась опора в лице горожан. Первыми предвестиями нового порядка вещей стали восстания в Полоцке и Новгороде. А в 1146 году, после смерти великого князя Всеволода Ольговича, уже в самом Киеве горожане выступили против черниговского дома, поддержав Мономашичей. Новый князь Игорь Ольгович был сначала низложен и заточен, а через год убит киевлянами. В 1157 году киевский посад выступил уже на стороне черниговского претендента Изяслава Давидовича против суздальцев, приближенных князя Юрия Долгорукого, только что внезапно умершего после трапезы у боярина Петрилы. Город становился самостоятельной политической силой, способной наравне с князьями участвовать в борьбе за власть, даже диктовать им свою волю, сводить неугодных и призывать выгодных. Воевали уже не только и не столько князья, но и поддерживающие их боярские группировки и городские общины. Междоусобные войны превращались в гражданские.

Ярче всего проявилось это во второй половине XII века, когда соперничество городов и князей начало раздражать уже и новые великие княжества. После гибели Андрея Боголюбского (1174) влиятельное суздальское и ростовское боярство попыталось подчинить и унижить разросшиеся при Андрее и ставшие опорой его самовластия новые стольные города — Владимир и Переславль-Залесский. Знать призвала на княжение изгнанных князем Андреем племянников, Ростиславичей, свойственников сильного соседа Глеба Рязанского. Рязанцы и привезенные Ростиславичами с юга Руси чиновники беззастенчиво разоряли те города, которые пользовались покровительством прежнего князя. На поддержку владимирцев, в свою очередь, опирались братья Боголюбского Михалко и Всеволод. После трех лет усобицы Всеволод, позднее прозванный Большим Гнездом, одержал победу и сделал Владимир столицей Северо-Восточной Руси. Подобную же распря вскоре пережила на другом конце Руси и Галицкая земля. Тамошние бояре после смерти (1187) могущественного князя Ярослава Осмомысла, не раз враждовавшего с ними, отказали во власти его сыну Владимиру. Гражданская война в Галицком княжестве продлилась три года. В нее оказались втянуты не только русские князья, но и зарившиеся на эти земли соседи — венгры и поляки. В конечном счете с помощью Всеволода Большое Гнездо Владимир утвердился у власти.

Итак, усобицы становились ожесточеннее, а ставки в них — выше, затрагивая интересы разных слоев общества. Но все-таки следует помнить, что все эти слои в совокупности составляли меньшинство населения Руси. Основной массой его были селяне, лично свободные «люди» и зависимые от князей или бояр «смерды», далекие от политических тревожений эпохи. Их разоряли усобицы и чужеземные вторжения, их могли призвать под княжеские знамена в большой войне — но в целом распри властей предержавших и возвышавшихся над округой городов мало меняли их жизнь. Может быть, именно в этом заключается одна из главных причин кажущегося парадоксальным соседства кровавой сумятицы внутренних войн и стабильного роста экономики и культуры. Большая часть населения Руси мирно трудилась, не обращая внимания на пронсящие над ней ратные бури или принаравливаясь к ним, вырабатывая основу для общего процветания.

Стоит отметить еще одно отличие этой «большой Руси» от выхватываемой взором историка Руси городской. Город уже стал

христианским — по крайней мере внешне. В XII веке там больше не сеяли смуту волхвы, росла образованность жителей, храмы не пустовали даже в дни древних народных увеселений, на что сетовал летописец XI столетия. И хотя часть высших церковных иерархов по-прежнему составляли греки и митрополитов киевских обычно присылали из Константинополя, росло число местного духовенства, новая вера говорила с Русью уже на родном языке. Однако деревня оставалась языческой — все приметы этого доносит до нас археология: и погребения в курганах, и исправное функционирование языческих капищ с совершаемыми на них древними ритуалами, вплоть до человеческих жертвоприношений.

Именно в это время создавались поучения против язычества и «двоеверия», и рисуемая ими картина весьма печальна для христианина. Повсеместно совершались языческие обряды. Люди верили и в Христа, и в Перуна со Сварожичем, «тайно по окраинам» поклонялись идолам на капищах. Все эти заблуждения не миновали и людей образованных, к которым, собственно, и обращали свои нравоучения в основном анонимные авторы. Имена богов, описания ритуалов в то время еще явно не были для бояр, грамотных горожан и духовных лиц Руси забытыми фактами из прошлого, а кое для кого из них по-прежнему составляли часть повседневности. Среди читателей поучений было немало «двоеверов». Поэтому нет ничего удивительного, что имена языческих богов говорят о многом не только полемицировавшим с таким мировоззрением авторам различных «Слов об идолах», но и автору «Слова о полку Игореве».

К середине XII века границы государств, сложившихся на развалинах Киевской Руси, уже определились и разные ветви династии Рюриковичей более или менее прочно закрепились в своих новых владениях. Под управлением сменявших друг друга великих киевских князей оставались только южная и юго-западная часть Среднего Поднепровья. При этом левобережье Днепра с центром в Переяславле составляло особый, почти независимый удел, постепенно становившийся оплотом владими́ро-суздальских князей на юге Руси. В Припятском Полесье, также формально подчиняясь Киеву, сохранили владения потомки Святополка Изяславича, род которого Мономах лишил киевского наследства. Их главными стольными градами были Туров и Пинск. В древности здесь обитал славянский племенной союз

дреговичей, и в первой половине XII века их потомки еще сохраняли особенности жизненного уклада и племенное имя.

К западу от Киевского княжества располагалось Волынское, одно время тоже считавшееся его уделом. Это была «отчина» Изяслава Мстиславича, на которую он опирался в долгой борьбе за великокняжескую власть. После смерти Изяслава (1154) и захвата Киева его врагами — сначала Изяславом Черниговским, а затем Юрием Долгоруким — Волынь обособилась. Здесь стали править сыновья Изяслава.

Еще западнее, в верховьях Днестра и Прикарпатье, лежали галицкие земли. Единое Галицкое княжество создал в 1140—1144 годах Владимир Володаревич, правнук и тезка старшего сына Ярослава Мудрого. В 1153 году власть наследовал Ярослав Осмомысл, принявший великокняжеский титул и быстро ставший одним из сильнейших правителей Руси. Он вступил в союз с волынскими князьями и поддерживал претензии «Мстиславова племени» на киевский престол.

К северо-востоку от Киева раскинулась обширная Черниговская земля, где и разворачивались основные события, которым посвящено наше повествование. Огромные владения разросшегося потомства Святослава Ярославича были в первой половине XII века крупнейшим после Новгородчины, но и самым непрочным из больших «княжений» Руси. Черниговом и простиравшейся к востоку от его округи Северной землей правили потомки Давыда и Олега Святославичей. Северская земля и ее крупнейший город Новгород-Северский получили название от долго сохранявших племенной уклад и языческие традиции племен северы, и едва ли это наследство, еще живое в начале XII века, полностью расточилось за несколько десятилетий. Чернигово-Северские земли дробились на уделы, слабо подчиненные власти великого князя. А далеко на северо-востоке, в Муромо-Рязанской земле, правили независимые потомки Ярослава Святославича. Они больше тяготели к своим северным соседям — владимиристо-суздальским князьям. Наконец, в состав черниговских владений входили племенные земли вятичей на Верхней Оке и радимичей на Соже, долго сохранявшие автономию.

В географическом центре русских земель, Смоленске, укрепился Ростислав Мстиславич, внук Мономаха. Впоследствии Ростиславичи

правили Смоленским великим княжеством на протяжении нескольких веков. Сам Ростислав активно участвовал в борьбе за киевский стол, в конечном счете завладел им и сидел на нем до самой смерти в 1167 году. Именно с его утверждением у власти на Руси настало временное затишье — правда, оно лишь закрепило новый строй государственной жизни.

К востоку, в «залесских» краях с центрами в Суздале, Ростове и Владимире, закрепились другая ветвь Мономашичей. Оттуда тянул свои «долгие руки» к Киеву Юрий Владимирович и туда же вскоре после его вокняжения в Киеве вернулся, вопреки отцовской воле, его сын Андрей. Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский заложили основы будущего величия Северо-Восточной, «Великой» Руси. И весьма символично, что именно с их княжениями связаны первые летописные упоминания о Москве...

К западу же от Смоленской земли располагалась Полоцкая, часто именовавшаяся «Кривичи» по древним племенам, населявшим центральные и северо-западные области Руси. Древнее племенное имя княжество носило недаром — здесь сознательно отторгали почти всё, связанное с Киевом и Рюриковичами. Полоцкие князья предпочитали выводить свой род не от Владимира Святого, а от убитого им еще в языческие годы Рогволода, на дочери коего Рогнеде великий князь затем женился. После того как в 1069 году Всеслав Полоцкий при попытке занять киевский стол потерпел неудачу, полоцкие князья старались не вступать в чужие распри, но оберегали от посягательств рубежи своих владений. Неудивительно, что в Полоцке дольше и прочнее, чем в других землях, сохранялись, в том числе и при княжеском дворе, пережитки язычества.

Наконец, север Руси и многие сопредельные, только осваивавшиеся русскими землепроходцами и выселенцами края были владениями Новгорода. «Господин Великий Новгород» — так именовали вольный город на Руси. Владения новгородцев, простиравшиеся на север до Беломорья и на восток до Уральских гор, превосходили по размерам территорию любого русского княжества. Правда, по окраинам они были еще слабо заселены и недостаточно освоены. С другой стороны, и в Новгородской земле, как и в других, имело место соперничество городов. Сильнейший и богатейший после

Новгорода северный город, Псков, уже с 1136 года время от времени призывал собственных князей и претендовал на независимость.

Такова была Русь в первые годы жизни Игоря Святославича.

Глава вторая.

СПОР О «СЛОВЕ»

Не достойно ль нам будет, братия,
Начать словесами старыми
Повесть горькую о полку Игорево,
Игоря Святославича.
Начаться же песни той
По былинам сего времени,
А не по замыслу Боянову!
Боян ведь вещий,
Если кому хотел песнь творить,
Растекался белкою по древу,
Серым волком по земле,
Сизым орлом под облака.
Помнил ведь, рекут,
Прежних времен усобицы.
Тогда пускал десять соколов
На стадо лебедей.
Которую настигали,
Та первой песнь запева
Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Что зарезал Редю
Пред полками касожскими^[1],
Красному Роману Святославичу
Боян же, братия,
Не десять соколов на стаю лебедей пускал,
Но свои вещие персты на живые струны возлагал,
Они же сами князьям славу рокотали...^[2]

Образованная Россия впервые получила возможность прочесть «Слово о полку Игорево» в 1800 году, когда графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным, известным антикваром, была

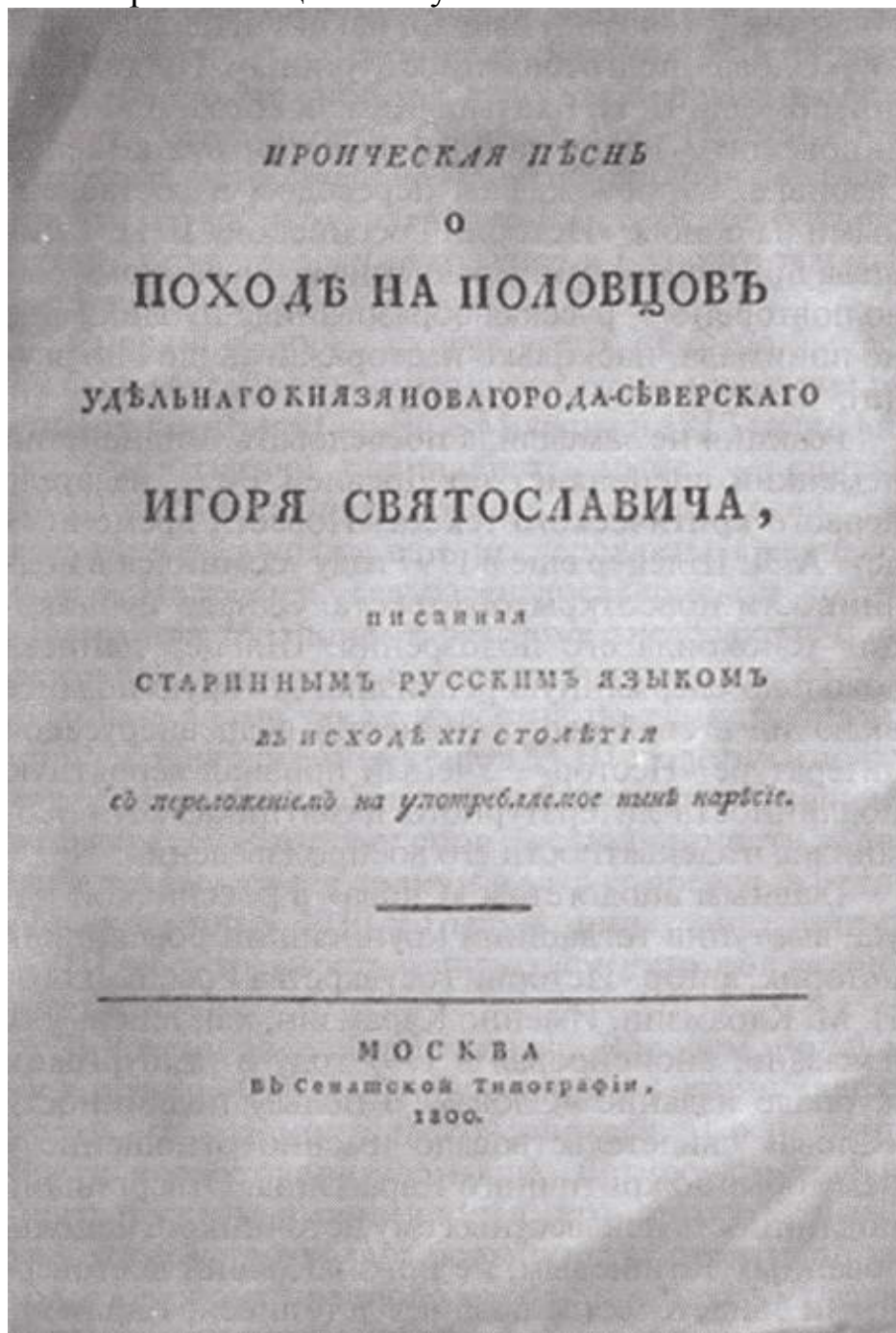
выпущена «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича». Обстоятельства обнаружения, издания и гибели рукописи «Слова» многократно описаны и хорошо известны^{2}, поэтому ограничимся напоминанием основных вех.

Мусин-Пушкин приобрел рукописный сборник, включавший «Слово», в конце 1780-х годов. Ранее сборник принадлежал настоятелю упраздненного в ходе реформ Екатерины II ярославского Спасо-Преображенского монастыря Иоилю (Быковскому). Сборник состоял из нескольких произведений древнерусской литературы. Собственно, как установили первые исследования, речь шла о двух сборниках в одном переплете. Первая часть включала летописные памятники и относилась, видимо, к началу XVII века; вторая состояла из четырех произведений светской и нравоучительной литературы: «Сказания об Индейском царстве», «Повести об Акире Премудром», «Слова» и «Девгениева деяния». Последние два памятника тогда были совершенно неизвестны. Вторая часть сборника датировалась, с позиций тогдашней науки, в диапазоне XIV—XVI веков. Современные ученые, признающие средневековое происхождение «Слова», в целом согласны, что литературная часть сборника Мусина-Пушкина была списана в XVI веке.

«Словом» заинтересовалась императрица Екатерина II. Для нее был сделан перевод на современный язык, а в 1795 году снята копия с оригинального текста. Как и первая, выполненная самим Мусиным-Пушкиным для себя, эта копия вводила в текст пунктуацию и разделение слов; при копировании не ставилась задача палеографически точно воспроизвести оригинал.

В 1797 году в Гамбурге вышла статья, в которой ее русский автор сообщал об открытии «Слова» и обещал его публикацию. При этом он малоудачно сравнивал памятнике «Песнями Оссиана», опубликованными Дж. Макферсоном, модными в России, тогда как на Западе уже начали подозревать в них подделку. В 1800 году вышло, наконец, первое издание «Слова», подготовленное Мусиным-Пушкиным при помощи Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского. Текст, данный в мусин-пушкинской разбивке, сопровождался переводом и составленными на основе «Истории Российской» В. Н. Татищева примечаниями. Сравнение с «Оссианом»

было повторено — русская образованная публика еще не понимала, насколько настораживающе оно звучит.

Титульный лист первого издания «Слова о полку Игореве». 1800 г.

Реакция не замедлила последовать. Виднейший немецкий специалист по Древней Руси, издатель первого критического текста «Повести временных лет» А.Л. Шлёцер еще в 1797 году усомнился в подлинности новооткрытого текста. Однако публикация успокоила его подозрения. Шлёцер написал довольно сдержанную рецензию, которую позднее включил в свой свод сочинений о древнерусской литературе «Нестор»^{3}. Ученый признал вероятную подлинность литературного памятника, хотя усомнился в адекватности его воспроизведения.

Главным апологетом «Слова» в российской науке выступил тогдашний крупнейший российский историк, автор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин. Именно Карамзин, как теперь уже доказано, анонсировал в 1797 году в гамбургском журнале издание «Слова». В пользу подлинности «Слова» свидетельствовало именно отношение к нему обычно критичного Карамзина. Отвергавший подлинность неизвестных ему источников, использованных Татищевым, не признававший достоверными свидетельства поздних летописей, Карамзин безоговорочно счел «Слово» древним и достоверным памятником, даже невзирая на собственную датировку его списка XVI столетием. Точно так же он на основе мусин-пушкинского сборника признал древность «Девгениева деяния» — и с этим сейчас мало кто спорит. Следом за Карамзиным отстаивал подлинность «Слова» и А. С. Пушкин, для которого исторические занятия отнюдь не были просто случайным увлечением. Есть основания полагать, что в последний год жизни Пушкин задумывал научное издание «Слова»^{4}.

Спора о «Слове», скорее всего, не было бы, если бы не судьба его оригинала. Мусин-Пушкинский список погиб при пожаре Москвы в 1812 году. Всё, чем располагают специалисты ныне, — списки XVIII века и выписки ранних исследователей. Эта ситуация не уникальна в исследовании Средневековья. Например, судьба англосаксонской поэмы «Битва при Мэлдоне» о разгроме англосаксов норвежскими викингами отчасти напоминает судьбу «Слова»: поэма также известна по единственному списку, обнаруженному еще в XVIII столетии и почти сразу после копирования и публикации погибшему в пожаре. Но в Англии спор о ее подлинности за два века почему-то так толком и не разгорелся, а после обнаружения в 1930-х годах копии-транскрипции XVIII века древность оригинала никто под сомнение не ставил.

В России дело обстоит иначе. Впрочем, поначалу критики «Слова» больше спорили о принадлежности его к домонгольской эпохе, чем о подлинности в собственном смысле. Датировка списка, подтвержденная видевшими его авторитетными учеными, не позволяла большинству скептиков заходить в своих предположениях позднее XVI века. Единственным заметным исключением являлся журналист и востоковед О. И. Сенковский. Известный своими нетривиальными суждениями о древнерусской истории и крайним скепсисом по поводу всех русских средневековых памятников, включая «Повесть временных лет», он и «Слово» счел подлогом XVII—XVIII веков. Хлесткие инвективы Сенковского прибавили ему скандальной славы (как и объявление им гомеровских поэм средневековым славянским сочинением) — но не оказали влияния на научный мир.

В качестве достоверного исторического источника рассматривал и использовал «Слово» и С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен». Для него поэма о новгородсеверском князе являлась бесспорным древним памятником — хотя, возможно, и небезупречной сохранности. Соловьев ставил «Слово» как источник информации о походе Игоря вровень с летописями или выше их. Стоит отметить, что легковерием и отсутствием критического подхода Соловьев страдал еще в меньшей степени, чем творивший на заре эпохи романтизма Карамзин.

Решающее значение для признания ранней датировки «Слова» имели два обстоятельства. Во-первых, очень рано параллель к поэме, воспринятая как цитата из нее, отыскалась в выходной записи писца Домида в псковском «Апостоле» (1307). Домид писал о шедшей в то время войне Михаила Тверского и Юрия Московского: «...при сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наши в князех которы и вечи скоротишася человеком»^[5]. В «Слове»: «Тогда при Олзе Гориславиче сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука, в княжих крамолах вечи человеком скратишась». Во-вторых, в середине XIX века была открыта еще одна древнерусская героическая поэма, «Задонщина», о Куликовской битве. «Задонщина» содержит множество параллелей со «Словом», причем очевидно выглядит вторичной по отношению к нему — менее выразительной с точки зрения поэтики, с потерей смысла ясных в «Слове» метафорических оборотов. Кроме того, «Задонщина» — ярко

выраженный памятник христианской культуры, тогда как для автора «Слова» языческие верования были еще частью реальности.

Однако основания для скепсиса накапливались. Правда, носили они в большей степени психологический, чем академический характер. Неумные сравнения первых апологетов «Слова» с «Песнями Оссиана» слишком соответствовали извечному со времен Петра I стремлению русских «сделать не хуже» и не могли не возбудить подозрений в сознательном «оссианизме». Именно это насторожило сначала Шлёцера, а вслед за ним западных да и русских ученых второй половины XIX века, когда подложность макферсоновских «Песен»: уже ни у кого не вызывала сомнений. Не отыскалось ни одного нового списка «Слова». Еще в 1815 году было признано, что первая «новооткрытая» рукопись поэмы оказалась фальшивкой, изготовленной А. И. Бардиным. Позже выяснилось, что он же сделал еще несколько поддельных списков. Наконец, в 1870—1890-х годах были разоблачены подлоги известного деятеля чешского национального возрождения В. Ганки, выдававшие им за древнечешские памятники, в том числе «Краледворская рукопись» — собрание эпических сказаний о древней Чехии, несколько десятков лет обладавшая сходным со «Словом» культовым статусом. Невольно возникали новые подозрения: не было ли «Слово» таким же плодом интереса к славянским древностям на волне национального романтизма?

Сомнения были суммированы в концепции французского ученого А. Мазона. Его монография, вышедшая в Париже в 1940 году^[6], была первой попыткой доказать подложность поэмы на академических основаниях. Мазон исходил из гипотезы своего соотечественника Л. Леже, что «Слово» не являлось источником «Задонщины», а было создано на ее основе в Московской Руси. Однако Мазон полностью отверг возможность появления «Слова» в Средние века. Наблюдения над эволюцией «Задонщины» и более позднего памятника Куликовского цикла — «Сказания о Мамаевом побоище» — привели его к выводу, что «Слово» является подделкой XVIII века. Подделка, по мнению Мазона, была создана человеком образованным, интересующимся древнерусской литературой и фольклором, не сумевшим, однако, при подлоге избежать «галлицизмов». Первоначально Мазон склонялся к тому, что фальсификатором являлся сам А. И. Мусин-Пушкин, но в итоге предпочел Н. Н. Бантыш-Каменского. Поскольку эти концепции

авторства не получили поддержки, в поздних работах 1960-х годов Мазон согласился с гипотезой А. А. Зимина об авторстве Иоиля (Быковского).

Теория подлога нашла отклик у французских ученых, хотя и не получила развития, а уже в первые послевоенные годы встретила жесткий отпор и в русской эмигрантской, и в советской науке. Первое время оппоненты не уходили от политических упреков — свежа была память о Второй мировой войне, и разгоралась война холодная. Профессор Колумбийского университета, филолог-эмигрант Р. О. Якобсон подробно разобрал лингвистическую и литературную составляющие «Слова». Исходя из языка поэмы, он обосновал точку зрения на нее как на памятник домонгольской эпохи, сохраненный списком XV или XVI столетия. Якобсон и поддержавшие его американские коллеги сформулировали ключевой аргумент в пользу подлинности «Слова»: предполагаемому фальсификатору XVIII века следовало обладать современными по знаниями в области языка, фольклора и древнерусской словесности^{7}. Выступление Якобсона в защиту «Слова» вызвало обвинения его в «коммунизме», и он был вынужден в 1949 году покинуть университет.

Ю. М. Лотман в специальной работе показал невероятность помещения «Слова» в литературный контекст XVIII века. Многие присутствующие в поэме образы и темы вошли в обиход несколько позже, уже под ее влиянием. В литературе XVIII столетия «Слово» явиться не могло — даже в начале XIX столетия оно оставалось явлением совершенно чуждым и изолированным^{8}.

Большое значение для исследования «Слова» имело открытие и изучение новых памятников древнерусской литературы и особенно новгородских берестяных грамот, чрезвычайно расширивших представления о живой древнерусской речи. Они дали сторонникам «Слова» в России и за рубежом дополнительную лингвистическую аргументацию. Мнение филологов о «Слове» с этого времени более или менее солидарно. А. Мазон до Дж. Феннела оставался единственным крупным специалистом среди сторонников теории подлога.

Когда на Западе дискуссия о «Слове» на время прекратилась — или в связи с потеплением международной обстановки из нее ушло идейное ожесточение, — в СССР с критикой «Слова» выступил видный историк-источниковед А. А. Зимин, крупный специалист по истории

XIV—XVI веков. Размышляя вслед за Мазоном над соотношением «Слова» и «Задонщины», а также версий «Задонщины» между собой, он пришел к выводу, что первое создано на основе второй в XVIII столетии, среди других его источников были Ипатьевская летопись и «История Российская» В. Н. Татищева, а также народная поэзия. Автором же слова был Иоиль (Быковский); А. И. Мусин-Пушкин внес свой вклад в работу над текстом, в частности — цитату из выходной записи псковского «Апостола». Свои выводы Зимин подкрепил, как ему представлялось, текстологическим анализом, но не смог квалифицированно опровергнуть уже достаточно развитую со времен книги Мазона лингвистическую аргументацию в пользу подлинности памятника. Создание поэмы, по мнению Зимина, было связано с историческими событиями 1760—1780-х годов, в частности с Русско-турецкими войнами в Северном Причерноморье^{2}.

Дискуссия по первому варианту книги Зимина о «Слове» прошла в отделении истории Академии наук СССР в 1964 году. Выступления многих его коллег-оппонентов (а оппонентами выступили практически все ведущие историки и филологи) были выдержаны в научном ключе, но общие обстоятельства и последствия дискуссии придали ей характер «проработки». Работа Зимина не была опубликована до начала XXI века. Впрочем, отдельные ее части он затем издавал в виде статей и его точка зрения на «Слово» получила широкую известность. Зимин продолжал работать в Московском государственном историко-архивном институте, где под его руководством сложилась крупная научная школа, но большая часть подготовленных им монографий вышла лишь посмертно (как было сказано, двумя десятилетиями ранее в США спор о «Слове» стоил Якобсону кафедры, но с публикацией своих трудов он проблем не испытывал).

Выступление А. А. Зимина придало актуальность новым исследованиям «Слова» в советской и мировой науке. Среди специалистов, приводивших доказательства в пользу средневековой принадлежности памятника, были крупнейшие исследователи древнерусской истории и литературы В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, О. В. Творогов.

Г. Н. Моисеева рассмотрела историю псковского «Апостола» 1307 года и установила, что А. И. Мусин-Пушкин не имел возможности ознакомиться с текстом «Апостола» в начале 1790-х годов, как

утверждал Зимин. Вместе с тем в теории последнего этот вывод имел важное значение, поскольку позволял объяснить уникальную параллель «Слова» с записью Домида^{10}.

Советские лингвисты также внесли лепту в поддержку подлинности «Слова». В течение 1940—1970-х годов особое внимание уделялось тюркским элементам в поэме. Обобщающее исследование на эту тему принадлежит Н. А. Баскакову, пришедшему к выводу, что «Слово» — памятник домонгольской эпохи^{11}.

Исследованием соотношения «Задонщины» и «Слова», а также текстуальной историей самой «Задонщины» занимались в 1960-х годах Р. О. Якобсон совместно с американским ученым Д. Уортом^{12}, а также многие советские ученые. Итогом работы последних стали несколько коллективных исследований и статей^{13} с выводами: соотношение редакций «Задонщины» не свидетельствует против «Слова»; кирилло-белозерский список «Задонщины» не содержит древнейшую редакцию (противоположное утверждение лежало в основе гипотез Мазона и Зимина); зависимость от «Слова» ощутима во всех версиях «Задонщины», ее вторичность не подлежит сомнению.

Немалый вклад в раскрытие «темных мест» «Слова» внесли исследования в области древнеславянской культуры и мифологии. Виднейшие специалисты в этой области В. В. Иванов и В. Н. Топоров использовали «Слово» как источник для реконструкции славянских мировоззренческих представлений и мифов, демонстрируя его согласие с другими данными, в том числе лингвистическими^{14}.

Выступление А. А. Зимина способствовало также оживлению дискуссии и изучения «Слова» за рубежом. В поддержку Зимина выступили английский филолог Дж. Феннел и его итальянский коллега А. Данти. Первый, в частности, попытался доказать, что название реки «Каяла» в «Задонщине» — ошибочное написание «Калки», однако не сумел убедительно объяснить странного совпадения этой описки с Ипатьевской летописью. С другой стороны, подлинность «Слова», помимо Якобсона и Уорта, признавали и другие западные историки и филологи, в том числе итальянский лингвист Р. Пиккио^{15}.

В целом к концу XX века в мировой науке более или менее утвердилась точка зрения на «Слово» как на памятник Средневековья. Правда, попытки выдвинуть новые доказательства подлога время от времени повторялись. Так, в 1970-х годах австрийские исследователи К.

Трост и М. Хендлер тщились обосновать принадлежность «Слова» перу Н. М. Карамзина, однако их позиция не нашла широкой поддержки даже в среде скептиков, поскольку противоречила всему, что известно о Карамзине и его тщательном, временами гиперкритичном отношении к историческим источникам.

В 2003 году в дискуссию включился американский историк Э. Кинан, прославившийся попыткой оспорить авторство и датировку переписки Ивана Грозного с князем Курбским. Г. Н. Моисеевой был установлен факт знакомства с рукописью «Слова» видного деятеля чешского романтизма и национального возрождения Й. Добровского, учителя В. Ганки и одного из первых апологетов «Краледворской рукописи». Всё это позволило Кинану выдвинуть гипотезу об авторстве Добровского, тем более что уже Сенковский и Мазон заподозрили наличие в языке «Слова» западнославянских черт. Гипотеза Кинана — самое последнее достижение скептиков — ставит «Слово» в контекст национально-романтических движений в славянском мире^{16}. Его работа практически сразу собрала критические рецензии.

Выход книги Кинана и посмертная публикация итоговой версии работы А. А. Зимина подвигли сторонников подлинности поэмы на подтверждение и обновление своей аргументации. В этом смысле этапной и итоговой, отвечающей современному уровню науки, является фундаментальная монография крупнейшего отечественного лингвиста А. А. Зализняка^{17}. В ней показана полная органичность «Слова» с точки зрения средневекового языка — в объеме, недоступном для любой реконструкции XVII или XVIII века; продемонстрировано наложение на первоначальную основу диалектных черт, связанных с Северо-Западной Русью (вспомним псковский «Апостол»); выявлен языковой и сюжетный параллелизм «Слова» с летописными источниками, а не с татищевской «Историей Российской». Наконец, Зализняк убедительно опроверг предположение Кинана об авторстве Добровского — грамматика и орфография «Слова» противоречат лингвистическим теориям чешского ученого.

Подводя итог спору о подлинности «Слова», можно суммировать аргументы в его защиту.

1. Язык «Слова» — язык средневековой Руси. Среди специалистов, занимающихся изучением древнерусского языка на основе всех

имеющихся источников (литературы, надписей, берестяных грамот), нет противников подлинности «Слова».

2. «Слово» являлось частью богатой письменной и устной традиции домонгольского времени. Оно перекликается не только с памятниками фольклора и литературы позднейших веков. Известно «Слово о князьях» XII столетия, содержащее идейно пересекающееся с укорами «Слова» осуждение княжеских распрей. Известно «Слово о гибели земли Русской» XIII века, которое не только имеет стилистические и сюжетные пересечения со «Словом о полку Игореве», но и выполнено в том же жанре поэтической элегии. После публикации этих памятников стало неуместно говорить об идейном и жанровом одиночестве «Слова о полку Игореве» в литературе XII—XIII столетий. Типологически, в том числе по богатству метафорами, языческой символике, эти памятники схожи с германской и кельтской дружинной поэзией IX—XII веков, еще почти неисследованной в России ко времени обнаружения «Слова».

3. «Слово» содержит ряд данных о древнерусской культуре и верованиях, неизвестных в момент его издания. Так, на момент публикации «Слова» еще не были изданы другие источники, называющие среди славянских языческих богов Дива и Трояна. Если Див мог хотя бы быть домыслен на основе невнятных, явно вторичных по отношению к «Слову» пассажей «Задонщины», то Трояна мы там не встречаем. По поводу статуса этих персонажей славянской мифологии до сих пор идут споры, однако в любом случае сам факт наличия параллельных свидетельств не позволяет считать их пустым вымыслом какого-либо мистификатора, тем более что исследования в XX веке существенно расширили знания об обоих мифологических именах. Див встал в целый ряд обозначений мифологических существ в поверьях разных славянских народов, а мотив его падения на землю истолковывается в контексте индоевропейских мифов о богах луны. Последнее хорошо проясняет метафору «Слова», непонятую и потерянную в «Задонщине»: Див «вверху древа» — луна в небе, на вершине Мирового древа; «свергнулся на землю» — заход луны. Троян, причем именно в таком произношении, оказался персонажем не только восточно-, но и южнославянской мифологической традиции. Восходит он, очевидно, действительно к римскому императору Траяну, но переосмысленному в славянских мифах как враждебный и грозный бог

потустороннего мира. Он трехлик, как западнославянский Триглав или подземный бог на восточнославянском Збручском идоле, держащий землю. Едва ли какой-нибудь автор XVII—XVIII веков мог провидеть все эти аллюзии и параллели.

4. Множество мелких генеалогических и исторических деталей «Слова» проясняется исследованиями, никак не относящимися ко времени его публикации. Приведем только один, но убедительный пример. Поражение Игоря рассматривается в «Слове» как месть за хана Шарукана: «Готские красные девы... лелеют месть Шаруканову». Но в XVIII веке ни одному даже самому сведущему в русской истории ученому мужу не было известно, что победитель Игоря хан Кончак — внук Шарукана, потому что в русских источниках сведений об этом нет и Ипатьевская летопись ограничивает родословную Кончака его отцом Отроком. О том, что Отрок (Атрак) был сыном Шарукана, сообщают лишь грузинские летописи, свидетельства которых стали известны в России только в XIX столетии.

5. «Задонщина» — памятник вторичный по отношению к «Слову». Для иллюстрации приведем два примера. Если в «Слове» Див, «кличущий» вверху древа, а затем «свергнувшийся» на землю, — ясный образ, то в «Задонщине» — явно не понимаемая подражателем метафора предшественника: «диво кличет под саблями татарскими», а потом опять же «свергается». Вспомним и упоминание в «Задонщине» реки Каялы, которую поэт XIV века отождествил с Калкой, местом поражения русских князей от татар в 1223 году. Кроме «Слова» и «Задонщины» Каяла упоминалась единственный раз в Ипатьевской летописи как место поражения Игоря. Однако никаких свидетельств знакомства автора «Задонщины» с Ипатьевской летописью нет, как нет и других упоминаний Каялы в древнерусской литературе. Трудно представить и причины, которые побудили бы его упомянуть безвестную Каялу вместо хорошо известной Калки, если только он не имел дело с уже сложившимся метафорическим употреблением этого названия, которое мы и находим в «Слове».

6. Эрудиция предполагаемого мистификатора потрясает. Он должен был не только провести детальное исследование, к примеру, генеалогии русских княжеских домов по неопубликованным пока летописям (например Ипатьевской), но и быть знакомым с немалым числом также неопубликованных до XIX, а то и до XX века памятников

древнерусской литературы; причем некоторые, как «Задонщину», он брал за основу всего построения своего небольшого произведения, а из других заимствовал одно-два слова (например, «бебряный [рукав]» — из перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия). Не иначе как он располагал «библиотекой Ивана Грозного»! Кроме того, он неплохо знал фольклор, прежде всего ритмику и метафоры народной поэзии. И вместо того, чтобы предать эти сокровища огласке и навеки прославиться, он использовал их для написания небольшой поэмы-стилизации... Фантастическая картина. Не проще ли признать, что никакого мистификатора не было?

7. Давно отмечено, что, судя по выпискам Н. М. Карамзина из «Девгениева деяния», этот текст в сборнике переписывался тем же писцом, что и «Слово». Или «Слово» представляло собой стилизацию под «Деяние», выполненную на уровне современной филологии, или «Слово» и «Деяние» — действительно творения одного писца. Если этот писец — фальсификатор XVIII века, то и «Деяние» является его подделкой. Однако это не так — в XIX столетии были обнаружены другие его списки.

8. Одним из решающих аргументов против критиков «Слова» является их неспособность согласиться с доводами друг друга. Скептики за 200 лет так и не сформулировали единой точки зрения не только на авторство «Слова», но даже на доказательства его подложности. Что все-таки «не так» с языком «Слова» — «галлицизмы» в нем, «германизмы», «полонизмы»? Почему критики расходятся во мнениях? Почему, к примеру, авторство Быковского абсолютно принимается одними и столь же безоговорочно исключается другими? Не потому ли, что мы имеем дело с индивидуальными «оригинальными теориями», а не со стройной, приемлемой для научного мира системой доказательств? Между тем основания для признания подлинности «Слова» никогда не пересматривались, а только дополнялись новыми разысканиями. Такое обычно случается, когда в научной полемике одна сторона стоит на прочных основаниях, а другая развивает альтернативу «из принципа», порождая всё новые аргументы и концепты взамен разгромленных старых, при этом новые прямо противоречат старым. Не логичнее ли признать свою неправоту? Стремление некоторых критиков подлинности «Слова» записать в свои сторонники приверженцев средневековой, но более поздней даты его

создания (так, к единомышленникам Сенковского или Мазона были несправедливо причислены Каченовский и Леже) также свидетельствует не в их пользу.

9. «Слово» резко отличается содержанием от наиболее известных мистификаций XVIII—XIX веков. И для «Песен Оссиана», и для «Краледворской рукописи», и для российских подделок А. И. Сулакадзева («Песнь Бояна» и др.) характерны переплетение воспринятых из первоисточников сюжетов с авторскими, далекий уход от оригиналов и по стилистике, и по сюжетике. Существенно, что они имеют дело с «непроверяемым» легендарно-мифологическим прошлым, «Слово» повествует о реальных исторических событиях и добросовестно воспроизводит их ход, отраженный и в летописи. В литературный контекст XVIII века, вопреки всем противоположным утверждениям, «Слово» поставить невозможно, в литературный контекст XVII века — крайне маловероятно.

Итак, принадлежность «Слова» к средневековой русской литературе и к подлинной древней традиции можно на сегодняшний день считать доказанной. Однако это, конечно, не значит, что все загадки памятника решены. Одним из много дискутирующихся в науке, а еще более в исторической публицистике является вопрос об авторе «Слова». Заинтересованные энтузиасты — чаще всего непрофессионалы — примеряли «Слово» на самых разных исторических персонажей эпохи. Была перебрана едва ли не вся семья князя Игоря, включая его самого; пытались приписать авторство поэмы дочери киевского князя Святослава Всеволодовича Болеславе. Все эти остроумные догадки могут пробуждать любознательность — но вывести их за пределы вольной игры ума не получается. Сторонникам единого авторства «Слова», как правило, требуется весьма тщательно выявлять даже цель и смысл написания поэмы. Из нее в первую очередь почти невозможно понять, одобряет или осуждает певец предприятие князя.

Поэтому академическая наука с крайней осторожностью относится к отождествлениям автора с каким-то историческим лицом. В свое время академик Б. А. Рыбаков предложил считать автором киевского боярина Петра Бориславича, с личным творчеством которого связывал и значительную часть Киевской летописи.^{18} Эта концепция, однако, имела вес лишь в связи с авторитетом ее создателя и не получила

поддержки в научных кругах. Б. И. Зотов видел автором «Слова» крупнейшего церковного писателя XII века Кирилла Туровского^{19}, однако подавляющее большинство специалистов оснований для этого не нашли.

Все попытки определить конкретного автора «Слова» заходят в тупик по простой причине — нет никаких поводов думать, что его имя вообще должно быть нам известно. Мы знаем поименно мало русских людей XII—XIII веков и еще меньше тех, о внутреннем мире и взглядах коих ведомо нашим современникам. Автор «Слова», вероятно, был образованным дружинником или клириком, а может, и вправду князем из Рюриковичей, но только нет ни малейшего шанса конкретизировать его. Чем больше мы уверяемся, что «Слово» было подлинной частью обширной традиции, тем меньше оснований полагать, что его автор был человеком для своей эпохи исключительным, неизбежно прославленным, и найти его имя на страницах летописи. Далеко не все «песнотворцы» упоминаются в исторических источниках. Бояна мы знаем только из «Слова» и «Задонщины», Ходыну — только из «Слова», Софония Рязанца, с которым часто связывается создание «Задонщины», — только из нее. Большая часть произведений древнерусской литературы безнадежно анонимна. Желание, чтобы со «Словом» было иначе, понятно, только для обоснованных выводов одного желания мало.

Другой проблемой исследования «Слова» остается его датировка. Большинство сторонников подлинности поэмы относят ее создание к концу XII — началу XIII столетия. Но точно ли это так? Уже вскоре после открытия поэмы видный представитель «скептической школы» тогдашней исторической науки М. Т. Каченовский, считавший домонгольские летописи сомнительными компиляциями московской эпохи, публично усомнился в древности памятника. Каченовский расценивал «Слово» (и многие другие древнерусские источники) как сознательный подлог — правда, средневековый, возможно, XIV столетия. Этот взгляд поддержал церковный историк митрополит Евгений (Болховитинов), который полагал, что «Слово» почти синхронно сохранившему его сборнику и относится к XV веку. Именно это воззрение гораздо больше, чем теория подлога, преобладало среди российских скептиков первой половины XIX столетия.

Открытие «Задонщины» привело к пересмотру взглядов на «Слово» в российской науке в пользу большего доверия — но оно же вызвало к жизни концепцию французского ученого Л. Леже. Тот не соглашался ни со считавшими «Слово» подделкой XVIII века, ни с принимавшими раннюю датировку памятника и отстаивал идею, что «Слово» создано неким эрудированным ученым мужем на основе «Задонщины» в XIV или XV столетии и могло быть доработано перед публикацией.^{20} Идеи Леже о вторичности «Слова» по отношению к «Задонщи-не» были подхвачены А. Мазоном, А. А. Зиминим и другими сторонниками теории подлога — вопреки крайне осторожной и до конца не проработанной точке зрения самого Леже.

В российской науке рубежа XIX—XX веков близкие к «промежуточной» датировке взгляды разделял А. А. Шахматов. Он признавал первичность «Слова» по отношению к «Задонщине» и, следовательно, раннее его происхождение, однако полагал, что существующий список подвергся сильной переработке и искажению. Следовательно, в дошедшем до нас виде «Слово» может принадлежать скорее XV—XVI, чем XII—XIV векам.^{21} Ни Леже, ни Шахматов специальных работ, посвященных «Слову», не писали и его углубленным изучением не занимались.

С появлением книги А. Мазона исследователи «Слова» четко разделились на сторонников его древнего, домонгольского происхождения и позднего подлога, так что дискуссии о «промежуточной» дате, и без того негромкие, прервались окончательно. Только Л. Н. Гумилев, недалеко отходя от традиционной датировки, высказал оригинальную идею: «Слово» являлось политическим памфлетом XIII века, связанным с установлением монгольского владычества, и в его персонажах и событиях зашифрованы реалии именно этого периода. При этом источником поэмы могла быть и более ранняя традиция, отраженная в летописных повестях, но она была препарирована автором-«западником» в своих целях.^{22}

Только в последнее время, по мере ослабления позиций крайних скептиков под воздействием языковедческих аргументов, стали чаще появляться новые «промежуточные» варианты. А. Г. Бобров предполагает, что «Слово» является компиляцией древнего «дружинного фольклора» и авторских идей, относящейся к XV веку. Авторство памятника он приписал Ефросину Белозерскому, с именем

которого связан Кирилло-Белозерский сборник — древнейший список «Задонщины»; его, в свою очередь, исследователь отождествляет с князем Иваном Шемячином — принявшим монашество отпрыском мятежной ветви московского княжеского дома^{23}.

Д. М. Володихин считает возможным признавать «Слово» литературной стилизацией, созданной в тех же кругах, что и «Задонщина», в последних десятилетиях XIV века. Содержание «Слова», по мнению ученого, могло быть откликом на политические запросы того времени. При этом он не исключает возможности авторства Софония Рязанца.

Однако при всем том Володихин предлагает и далее считать традиционную датировку «базовой»^{24}.

Стоит отметить, что если изначально сторонники поздней даты видели в «Слове» обычно подлог-стилизацию, то в последнее время, даже говоря о «стилизации», они имеют в виду запись некой подлинной песенной традиции. Однако это не отменяет нескольких ключевых возражений на утверждения о позднем времени создания/записи «Слова».

1. Поэма явно находится вне культурного кон текста XIV—XVI веков. Это памятник еще живой дружинной культуры, создававшийся в условиях живого же «двоеверия». Уже в эпоху «Задонщины» первое умирало, а второе — умерло. «Задонщина», судя и по содержанию, и по чертам поэтики (например, по сохранности размера), — памятник иной, более поздней эпохи, чем «Слово». «Сказание о Мамаевом побоище» фиксирует уже деградацию той традиции, к которой принадлежали «Слово» и «Задонщина», — утрату поэтической формы и покорность летописно-житийным канонам, что нельзя не связать с исчезновением прежней дружинной среды.

2. Всё, что требовалось бы от автора «мистификации», должно было быть присуще и автору «стилизации». Он точно так же должен был бы располагать громадным объемом исторической и филологической информации о домонгольском времени. Если речь идет о точной записи или компиляции точных записей домонгольских устных текстов, то это возражение снимается лишь отчасти, поскольку примеры таких записей абсолютно неизвестны.

3. Уже автору «Задонщины», как мы видели, была совершенно непонятна языческая образность «Слова», расшифровываемая лишь

новейшими исследованиями. Во времена «Задонщины» богов «Слова» уже не помнили. Имя Дажьбога, помимо «Слова», употребляется без искажений только в летописи и в русском переводе византийской хроники Иоанна Малалы VI века. Имя Хорса — в летописи, «Беседе трех святителей» и поучениях против язычества. Имя Стрибога — только в летописи. Имя Трояна — в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» и одном из поучений. Даже при зыбкости дат некоторых антиязыческих текстов все остальные перечисленные памятники надежно относятся к XI—XII столетиям. Единственные исключения — Див («Диво» в «Задонщине») и популярный в народных поверьях Севера Белее.

4. В литературе XIV—XVI веков совершенно отсутствуют параллели «Слову». Мы не знаем ни других «записей» такого рода, ни других «стилизаций», так что заявления о соответствующих литературных увлечениях московской эпохи остаются голословными. Нам известна одна «запись» дружинного домонгольского сказания этой эпохи — сохранившееся в двух сильно расходящихся списках XV и XVII веков «Описание об Александре Поповиче». Судя по использованию его в летописании уже начала XV столетия, создано оно было не позже XIV века. Это прозаический текст, сухое изложение, совершенно лишенное метафор и бедное на образность.

5. Сторонникам концепции о поздней дате создания «Слова» не удалось убедительно опровергнуть его внешней датировки. «Слово» было создано не только до «Задонщины», но и до выходной записи псковского «Апостола» 1307 года. Считать, что писец Домид цитировал некий «расхожий оборот», нельзя, поскольку нигде, кроме его записи и «Слова», этот оборот не «ходит». Версия же о том, что сам Домид был создателем «Слова», обоснованно не получила поддержки среди сторонников позднего создания поэмы.

6. Сторонникам концепции о поздней дате создания «Слова» не удалось убедительно опровергнуть и внутренней его датировки. В начале поэмы Игорь называется «нынешним», в конце провозглашается здравица ему, его сыну Владимиру и брату Всеволоду. В древнерусской литературе неизвестны примеры такого отношения к давно умершим князьям. Неизвестны и примеры настолько рабской «записи» устного источника, сохраняющей все его элементы. Или, как допускают некоторые авторы, речь идет о составной части сознательной подделки

под старину? Тогда можно сказать, что и примеры столь тщательных подделок XIV—XVI веков нам равным образом неизвестны.

Однако один исходный посыл новейших приверженцев поздней датировки заслуживает самого пристального внимания. Обычно, даже признавая принадлежность «Слова» к дружинной поэзии, сторонники ранней даты его создания тем не менее исходят из его абсолютной цельности и говорят о едином «авторстве» — отсюда и периодически возникающее желание определить «автора». Между тем то, что «Слово» родилось в устном бытовании и было записано не сразу, явно следует из его текста, обращенного скорее к слушателям-дружинникам, а не к читателю. Отсюда естественны попытки оценить временную дистанцию между записью и созданием поэмы. Отсюда же и логичный вывод: «Слово» является сводом нескольких эпических песен, посвященных одной теме. Такой вывод объясняет наличие явных вставных эпизодов — публицистического «Златого слова» Святослава Всеволодовича и лирического «Плача Ярославны», а также нечеткость политических симпатий поэмы, то ли осуждающей, то ли одобряющей действия Игоря.

Первым четко сформулировал идею о составном характере «Слова» украинский поэт и литературовед И. Я. Франко. Он полагал, что поэма соединяет в себе несколько первоначально независимо бытовавших эпических песен и включает явные прозаические фрагменты^{25}. Схожую концепцию отстаивал русский историк-эмигрант Е. А. Ляцкий, один из самых жестких критиков теории А. Мазона. Ляцкий придерживался очень ранней датировки «Слова», но при этом считал его памятником, хотя и созданным по горячим следам событий, но составным, включающим, помимо как минимум двух песен о походе, фрагменты более ранних эпических произведений^{26}. Стоит отметить, что с присутствием в «Слове» фрагментов древней поэзии не спорили и советские ученые Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц. К ним явно относятся отрывки, посвященные Всеславу Полоцкому и Олегу «Гориславичу».

Наиболее четко теорию устного происхождения «Слова» сформулировал уже на рубеже XX— XXI веков американский исследователь славянского фольклора и древнерусской литературы Р. Манн. По его мнению, «Слово» — памятник чисто устного происхождения, записанный спустя продолжительное время и

вобравший в себя предшествующую эпическую традицию, а потому любые постановки вопроса о его «авторстве» и «датировке» будут отдавать условностью. Итоговая запись, по мысли Манна, не содержит следов явных литературных влияний и точно отражает устный прообраз (прообразы); последний же, в свою очередь, мог литературные влияния испытывать^{27}. Эта теория получила определенное распространение и признание в зарубежной науке; российские ученые встретили ее со скепсисом.

В то же время сама идея, что между сложением «Слова» (либо эпических песен, вошедших в его состав) и его записью могло пройти заметное время, иногда признаётся. Так, А. А. Инков, рассматривающий поэму как ценный первоисточник, пишет: «Среди распространенных дат создания “Слова” называются также 30—40-е гг. XIII века. По нашему мнению, в это время поэма была лишь записана, устная же версия “Слова” вполне могла быть создана при дворе черниговского князя уже в 1185 г. или несколько позже»^{28}.

Отметим, что аргументы в пользу первичной записи «Слова» во второй-третьей трети XIII века есть. Это, прежде всего, языковое лицо памятника, несущего, как отмечалось, не только в орфографии, но и в лексике черты северо-западного диалекта. Не было ли «Слово» записано на Псковщине либо каким-то беженцем с юга России, либо с его голоса после монгольского нашествия? Это объяснило бы сам редкий для Древней Руси факт записи героической поэмы стремлением сохранить ее после гибели породившей ее среды. Однако показания самого памятника — финальная здравица в честь князей — все-таки вселяют сомнения. Сохранилась бы она при позднейшей записи? Вопрос остается открытым. Во всяком случае, запись «Слова» следует датировать не позднее 1307 года, когда его уже знал псковский писец Домид.

Б. А. Рыбаков в свое время произвел любопытный эксперимент, частично «вмонтировав» «Слово о гибели земли Русской» в «Слово о полку Игореве». Опыт демонстрирует на самом деле нечто иное, чем пытался показать ученый, допустивший, что «Слово о гибели» — выпавший из поэмы отрывок. «Отрывок» довольно органично встал «на место» как раз по той причине, что принадлежал к той же поэтической, в значительной степени устной традиции, а «Слово» — по крайней мере отчасти — создавалось (как писанный текст) именно

способом творческой компиляции. «Слово о погибели», имея оно отношение к событиям конца XII века, вполне могло бы войти в состав «Слова о полку Игореве», как были включены в него «Златое слово» от лица Святослава или «Плач Ярославны».

* * *

Эпоха, в которую жил и действовал новгородсеверский князь, на первый взгляд освещена источниками весьма неплохо, по крайней мере по сравнению с предыдущим столетием. В XI веке на Руси еще очень мало писали. Кое-что известно нам лишь из отрывочных свидетельств иностранцев, иногда же ход исторических событий воссоздается только бессловесными свидетельствами археологии.

В XII столетии история Руси уже становится в полном смысле слова документированной. До нас дошли сотни деловых и личных, а также некоторое количество официальных актов того времени. Основной их массив стал доступен уже в XX веке благодаря открытию археологами берестяных грамот. Однако для нашей темы эта богатейшая сокровищница древнерусских источников мало что дает. Подавляющее большинство берестяных грамот найдено в Новгороде и Новгородской земле. Находки в других областях единичны, причем в Южной Руси были сделаны всего три — в Звенигороде Галицком. С Новгородом же связаны и немногие грамоты XII века, сохранившиеся в пергаментных подлинниках или позднейших списках, и большинство законодательных актов (кстати, среди последних — церковный устав новгородского князя Святослава Ольговича, отца Игоря).

Из всех источников документального характера в связи с биографией Игоря и историей Черниговской земли важны разве что единичные надписи, а также церковные поминальные записи — синодики. Правда, синодики часто подновлялись и переделывались в поздние века, нередко вбирая в себя легендарные сведения. Однако Любечский синодик относится к числу наиболее древних и достоверных. Он включает перечень лиц, поминавшихся в Антониевом Любечском монастыре, в том числе чернигово-северских князей XI—XIV веков.

Несмотря на уже довольно большое число памятников литературы Руси XII—XIII веков, Игорь является действующим лицом только «Слова о полку Игореве». Черниговская земля вообще была, вероятно, относительно бедна писателями — или же их творчество совершенно не дошло до нас. Отдельные события истории Черниговщины при этом упоминаются, например, в житиях русских святых, прежде всего в созданном в XIII столетии Киево-Печерском патерике — собрании сказаний об отцах Киево-Печерского монастыря.

Нет упоминаний об Игоре и в зарубежных источниках. Он не был настолько значимой фигурой, чтобы слава о его деяниях достигла других цивилизованных стран. К тому же иностранцев в те десятилетия беспокоили только те русские события, которые непосредственно влияли на их государства: войны, дипломатические интриги, династические союзы. Чернигово-Северская земля в этом смысле оказывалась как бы на отшибе — единственным ее внешним, нерусским соседом была Половецкая степь. Среди зарубежных хронистов есть только одно исключение — поляк Ян Длугош, работавший в XV веке; но он пользовался не дошедшей до нас южнорусской летописью.

Так что, за вычетом «Слова», источником сведений о жизни Игоря Святославича и его княжества являются для нас только русские летописи. В Чернигове своего летописания опять-таки то ли не велось, то ли оно не сохранилось. Поиски его отрывков в летописях других земель не кажутся убедительными. С этим, конечно, и связана фрагментарность наших данных об Игоре. Летописцы его родной земли, естественно, уделили бы ему больше внимания.

Наиболее достоверными историческими источниками о событиях на Руси второй половины XII столетия являются пять летописных памятников. Ипатьевская летопись, известная в нескольких списках, включает в себя Киевский летописный свод 1199 года и Галицкую летопись конца

XIII века. Для нас полезна Киевская летопись — официальная история великих князей, во множестве подробностей описывающая сложные перипетии истории Южной Руси. Она, с одной стороны, трактует некоторые события довольно субъективно, поскольку составлялась при дворе заинтересованного лица — великого князя Рюрика Ростиславича, участника многих усобиц. Однако, с другой

стороны, созданный придворными историками свод включил летописание, ведшееся при многих предшествующих князьях, сменявших друг друга на киевском столе, что придало летописи невольную объективность.

Другие летописи создавались на севере и северо-востоке Руси и содержат меньше свидетельств о событиях на ее юге. Однако они подчас сообщают их точные даты и важные подробности. Новгородская первая летопись — официальный летописный свод Новгородской республики, создававшийся по воле архиепископов и посадников — в дошедшем до нас виде была переписана в середине XIII века; единственный список так называемого старшего извода — древнейший сохранившийся до наших дней летописный кодекс.

Остальные три летописи — продукт наиболее плодovитого, на взгляд из современности, или лучше всего сохранившегося летописания Владимиро-Суздальской земли. Интересующие нас факты в них в основном совпадают. Радзивилловская летопись, известная нам в двух списках XV века, содержит Владимирский летописный свод начала XIII столетия, ставший источником сведений об удельной эпохе для многих позднейших летописцев. Близкий к ней Летописец Переславля-Суздальского, также сохранившийся в списке XV века, был составлен, как явствует из его названия, в Переславле-Залесском в 1215 году. Оба памятника прямо или через не дошедшее до нас посредство использовались создателями Лаврентьевской летописи — Владимирского летописного свода начала XIV века. Он сохранился в списке 1377 года, переписанном суздальским монахом Лаврентием, — это второй по старшинству из имеющихся в нашем распоряжении летописных подлинников.

Летописцы второй половины XIV—XV века сравнительно мало внимания уделяли эпохе ранней раздробленности, в основном копируя, а нередко сокращая предшествовавшие тексты. Некоторое исключение представляли новгородцы, но их дополнения, почерпнутые из не дошедших до нас источников, касаются почти исключительно собственной истории. Позднее, в XVI веке, немало «нового» об удельном периоде, как и о других этапах русской истории, сообщили составители монументальной Никоновской летописи. Но многие из ее сведений давно поставлены под сомнение как домыслы, даже

вымыслы; в любом случае конкретно для нашей темы они почти ничего не дают.

Сложен вопрос о несохранившихся летописях, которые мог использовать виднейший русский историк XVIII столетия В. Н. Татищев. Он обращался с источниками достаточно свободно. Сейчас доказано, что он без ограничений и с минимальными оговорками вносил в повествование собственные домыслы — или морализующие, или обосновывающие его политические позиции, или придающие событиям связность. Татищев поддавался — иногда вполне сознательно — на мистификации или полумистификации своих добровольных помощников. Так произошло, вероятно, в случае так называемой Иоакимовской летописи, в которой он пожелал увидеть достоверный источник по истории Киевской эпохи — хотя признавал всю сомнительность ее происхождения. Однако в тех случаях, когда Татищев ссылается на конкретные летописные памятники и ссылки его могут быть проверены, он обычно точен. Подавляющее большинство перечисленных им летописных источников известно современной науке, и, вопреки всем скептикам, нет существенных оснований подозревать его в выдумывании или фальсификации каких-либо из ныне неизвестных. Поэтому, с определенными оговорками, те татищевские известия, которые содержат точную ссылку на источник происхождения, привлекать вполне возможно.

Для нас некоторый интерес могли бы представлять цитаты из так называемой Раскольничьей летописи, доведенной до 1198 года и содержащей более подробные сведения по истории Руси, чем очень близкая к ней Ипатьевская, тоже известная Татищеву по одному из списков. Многие ученые закономерно предположили, что Раскольничья летопись была полным списком Киевского свода 1199 года, который галицкие создатели Ипатьевской летописи несколько сократили. Впрочем, немногочисленные выписки Татищева из Раскольничьей летописи (ко второй половине XII века относятся всего две) добавляют лишь малые детали к истории Руси описываемой эпохи. Гораздо больше случаев, когда источник неизвестен и факт его существования, говоря по чести, маловероятен. Татищев либо украшает повествование (к примеру, отсутствующими в летописях, особенно нарочито и наивно «славянскими» женскими именами), либо пытается додумать причины

и следствия каких-то событий. Некоторые из таких случаев нам встретятся при исследовании жизненного пути Игоря.

Таковы источники по истории Чернигово-Северской земли XII столетия и биографии князя Игоря. Теперь вполне ясно, что его классического жизнеописания, выстраивающего путь героя год за годом, представить просто невозможно. Игорь является в истории проблесками — самый яркий из них стал для него и самым злосчастливым.

Глава третья.

НАСЛЕДСТВО «ГОРИСЛАВИЧА»

Человек русского Средневековья, в том числе и знатный, не жил один. Понятие «индивидуальность» — порождение Нового времени, и не только в России. Словосочетания «атомизация личности» в Средние века просто не поняли бы даже самые мудрые грамотеи. Человек был неотъемлемой частью «рода» в самых разных смыслах этого слова, прежде всего — членом тесного круга ближайшей родни, восходящей к одному хорошо известному предку. «Род» был для человека, будь он князь, боярин или смерд, гораздо важнее «земли». «Землю» можно потерять или покинуть — «род» остается навсегда, от него не избавиться даже при желании. «Земля» и важна-то как место обитания «рода», сфера его ответственности. Если «род» связан с «землей», как были связаны со «всей Русью» Рюриковичи, как привязаны к своим «отчинам» их отдельные ветви, — тогда «земля» оказывается поистине ценной как родовое жилье и достояние.

Потому и трудно выстраивать биографии отдельных князей Древней Руси, если только они не были родоначальниками или виднейшими представителями своих «родов». Глава «рода» действовал от его имени, под постоянным вниманием летописцев, каждый его шаг был событием. Рядовые члены «рода», такие как Игорь, либо были обречены оставаться статистами, фоном для его деяний, либо «высвечивались» событиями исключительными — внутриродовыми распрями или внешними войнами. Ниже мы еще поговорим о конкретных примерах. Пока же сказанного достаточно, чтобы понять: биография Игоря с неизбежностью будет частью коллективного жизнеописания его «рода». Вне исторических прав, амбиций и распрей ближайшей родни историю новгородсеверского князя просто не понять. Всё это едва ли не важнее, чем очерченная выше панорама жизни «большой» Русской земли. Так что жизнеописание Игоря стоит начать со времени более раннего, чем его появление на свет; поскольку многие события его жизни уже тогда были predeterminedены.

«Родом» Игоря Святославича были черниговские Ольговичи. Впрочем, на момент его рождения это еще был не совсем «род» —

таковым он стал как раз за время жизни Игоря и других «Ольговых внуков», потомки коих владели Черниговщиной до XIV столетия. Ольговичи же в его пору — только его отец и двоюродные братья, члены более обширного «рода», составленного потомством Святослава Ярославича, князя Черниговского и великого князя Киевского.

Святослав был третьим сыном Ярослава Мудрого и его жены Ирины-Ингигерд, дочери шведского короля Олафа. Родился Святослав Ярославич в 1027 году и в крещении получил имя Николай^{29}. При жизни отца Святослав княжил на юго-западе Руси, во Владимире-Волынском. Однако, умирая, Ярослав завещал ему, второму сыну (каковым Святослав стал после ранней смерти старшего из братьев Владимира Новгородского), Чернигов, а Владимир-Волынский оставил младшему Игорю^{30}. Святослав был женат первым браком на некой Киликии^{31}. Ни время этой женитьбы, ни происхождение супруги неизвестны. Обычно в ней видят гречанку или немку (первое более вероятно). Именно от этого брака происходили князья черниговские. Киликия родила Святославу четверых сыновей: Глеба, Романа, Давыда и Олега. Интересно, что все они, кроме младшего, известны только под христианскими именами, причем Глеб, вероятно, первым на Руси был крещен во имя русского князя-мученика Глеба Владимировича. Почитание своих погибших братьев Бориса и Глеба как небесных заступников Руси начал вводить Ярослав Мудрый. Что касается Олега, то его христианское имя — Михаил^{32}. Ни один из княжичей не получил славянского имени вроде Ярослава, Святослава, Всеволода, Изяслава, каковые они потом охотно давали собственным детям. Глеб и Олег — родовые имена Рюриковичей, но скандинавского происхождения. Может быть, предпочтение в этой семье христианских имен сыновей, как и отсутствие у большинства имен языческих, было связано именно с византийским происхождением матери.

Владения, доставшиеся Святославу по завещанию отца, были огромны. Еще со времен княжения в Чернигове брата Ярослава Мудрого Мстислава Лютого город считался столицей всего левобережья Днепра. К владениям Мстислава, а затем Святослава относились и русские оплоты в Подонье и Приазовье — Белая Вежа на Дону и запиравшая Керченский пролив Тмутаракань. В Тмутаракани Святослав посадил своего старшего сына Глеба. Ярослав отрезал от прежних владений Мстислава крайний юг с городом Переяславлем,

отдав их любимому сыну Всеволоду, младшему брату Изяслава и Святослава. Но зато к Святославу отошла на севере обширная Ростово-Суздальская земля, которая как раз при Ярославе Мудром стала особенно интенсивно осваиваться славянами. На севере земли Святослава достигали Белозерья и других восточных окраин Новгородчины. Значительная часть окраинных северо-восточных земель была занята угро-финскими племенами: На Муромщине жила мурома, на Ростовщине — меря, на Рязанщине — мордва (эрзя), в Белозерье — весь (вепсы).

В этих землях были еще сильны позиции язычества, вольготно чувствовали себя волхвы. Впрочем, это касалось и гораздо более обжитых, и гораздо более «русских» областей. Язычниками оставались жившие по Оке вятичи, а в немалой части и родственные им радимичи на Соже. Те и другие платили Святославу дань-«повоз», но, как уже говорилось, сохраняли автономию еще и в позднейшие годы. Мало чем отличались (если вообще отличались) от волхвов Ростовщины известные из «Слова о полку Игореве» придворные «песнотворцы» вроде «вещего» Бояна, «Велесова внука», которому приписывалась магическая сила. Захваченные боярином Янем в Ростовской земле волхвы-мятежники, как видно, недаром стремились предстать перед Святославом Ярославичем, покровителем Бояна — и недаром Янь не стал везти их к своему князю, а учинил суд на месте^{33}. Именно в правление Святослава в Ростове был убит язычниками — вероятно, безнаказанно — епископ Леонтий^{34}.

Первое время правление братьев Ярославичей, в согласии с завещанием отца, было действительно братским и дружным. Изяслав, Святослав и Всеволод вместе приняли решение о судьбе освободившихся со смертью их младших братьев Вячеслава и Игоря уделов во Владимире-Волынском и Смоленске, вместе освободили из узилища некогда заточенного их отцом псковского князя Судислава Владимировича. В 1060 году уже вчетвером, вместе с Всеславом Полоцким, они ходили на кочевников-торков и нанесли им поражение^{35}.

Братья оставались союзниками и в первые годы междоусобной брани, вскорости захватившей Русь. Началась она как раз с владений Святослава. В 1064 году в Тмутаракани объявился сбежавший из принадлежавшего Изяславу Новгорода Ростислав Владимирович —

сын старшего из сыновей Ярослава. То был первый в череде «князей-изгоев», которых старшие родичи обделяли наследством; позднее в этой роли окажутся и сыновья самого Святослава. Пока же Ростислав со своими новгородскими сторонниками выбил из Тмутаракани молодого Глеба. Когда в 1065 году Святослав явился к городу, Ростислав покинул Тмутаракань, «не боясь брани, но не желая против дяди своего оружия поднять». Святослав опять посадил в Тмутаракани Глеба, но сразу после ухода дяди Ростислав вернулся и вновь выгнал Святославича из города. Только смерть Ростислава, отравленного византийским агентом в следующем году (может быть, не без ведома дядьев), вернула Тмутаракань под власть Святослава и Глеба — последнего жители сами призвали обратно.^[36]

Между тем Русь одолевали другие заботы. В 1067 году открыто выступил против Ярославичей давно стремившийся расширить свои владения на севере Руси Всеслав Полоцкий. Ему удалось захватить Новгород, разгромив и изгнав Мстислава Изяславича, правившего от имени отца. Ярославичи вместе повели полки против мятежника. 3 марта 1067 года в битве на Немиге Всеслав был разбит. Для автора «Слова о полку Игореве», хотя он и любит удалю Всеслава, затеянная полоцким князем смута — первое предвестие крамол, раздиравших Русь в его время:

На Немиге снопы стелют головами,
Молотят цепами харалужными^[3],
На току живот кладут,
Веют душу из тела.
Немиги берега кровавые
Не на благо были засеяны,
Засеяны костями русских сынов...

Ярославичи пленили Всеслава коварством и хитростью, выманив его на переговоры. Князя поклялись на кресте, но нарушили клятву. В ставке Изяслава в окрестностях Смоленска Всеслав был захвачен и вместе с двумя сыновьями заточен в темницу в Киеве.^[37]

Уже очень скоро Ярославичам пришлось пожалеть об этом, ибо они едва не лишились самого Киева. В 1068 году на Русь вторглась

половецкая орда под предводительством Шарукана. На реке Альте Ярославичи были разбиты, а половцы «разошлись по земле». Киевляне взбунтовались против князя Изяслава, выгнали его и Всеволода из города, а князем Киевским провозгласили освобожденного Всеслава. Половцы между тем безнаказанно разоряли русские земли. Остановил их нашествие как раз Святослав. Когда Шарукан, не обращая внимания на возможную опасность, грабил окрестности Чернигова, запершийся после поражения в городе Святослав «собрал дружины сколько-то» и вышел на битву. У Сновска 1 ноября 1068 года князь не только наголову разбил противника, имевшего четырехкратное численное превосходство, но и взял в плен самого половецкого хана.^{38}.

В 1069 году на Киев из Польши выступил Изяслав. С ним шел племянник его жены, польский князь Болеслав II. Всеслав бежал, бросив киевлян.

Те, оставшиеся без князя и напуганные польским вторжением, обратились за посредничеством к Святославу и Всеволоду. Именно тогда младшие братья впервые выступили наперекор старшему. «Всеслав бежал. А ты не води ляхов в Киев, — противника тебе нету. Если хочешь в гневе погубить град, то знай, что нам жаль отчего стола», — с угрозой заявили они Изяславу. В итоге, хотя без расправ со стороны мстительного князя не обошлось, Киев избежал разорения.^{39}. Святослав велел вывезти в Чернигов прославленного основателя Киево-Печерского монастыря, святого старца Антония, на которого «за Всеслава» прогневался Изяслав. Некоторое время Антоний жил в выкопанной им самим пещере в Болдиных горах под Черниговом.^{40}.

Святослав в результате всех этих событий не только приобрел славу заступника Руси и опоры благочестия, но и значительно расширил свои владения. Пока Изяслав возвращал Киев и продолжал борьбу с Всеславом в Полоцкой земле, черниговский князь отправил княжить в Новгород сына Глеба. В том же 1069 году Глеб отбил от Новгорода изгнанного из Полоцка Всеслава, а в скором времени подавил языческий мятеж, собственноручно зарубив возглавлявшего смутьянов волхва.^{41}. Место Глеба в Тмутаракани по старшинству занял следующий сын Святослава, Роман. «Красного Романа Святославича» вспоминал позже автор «Слова» среди героев песен Бояна. Присвоив Новгород, Святослав владел теперь наибольшей в сравнении с братьями частью русских земель.

Столкновение между ним и киевским князем явно назревало. Но пока Ярославичи еще держались вместе. В 1072 году они возглавили в Вышгороде торжественное перенесение мощей святых Бориса и Глеба в новую церковь, построенную Изяславом^{42}. Тогда же, как обычно полагают, братьями был принят новый русский судебник — Правда Ярославичей. В нем, среди прочего, закреплялась отмена кровной мести и одновременно ужесточались наказания за посягательства на жизнь княжеских чиновников и иных власть имущих.

К этому времени Святослав овдовел и как раз где-то в начале 1070-х годов женился вторично. Второй его супругой стала Ода, представительница знатного немецкого рода Бабенбергов и двоюродная племянница германского короля Генриха IV. Для этого брака мать, Ида Эльсдорфская, выкупила Оду из монастыря, в котором та уже приняла постриг^{43}. Брак, таким образом, едва ли мог считаться вполне чистым с церковной точки зрения; зато он давал Святославу союзников на Западе, в противовес связям Изяслава с Польшей. Сын Святослава и Оды Ярослав в крещении получил имя Панкратий^{44}.

Распря между Ярославичами стала явной в 1073 году. Святослав, «желая большей власти», обвинил Изяслава перед Всеволодом: будто бы старший брат сговаривается с Всеславом действовать против младших. Всеволод, поверив, выступил вместе со Святославом против киевского князя. Пытаясь заручиться духовной поддержкой, братья обратились к настоятелю Киево-Печерского монастыря Феодосию. Святослав надеялся на сочувствие печерского монашества — но не преуспел: Феодосии наотрез отказал младшим Ярославичам в помощи и благословении. Впрочем, ратной силы у мятежных князей хватало. Они выгнали Изяслава из Киева, и Святослав занял великокняжеский престол^{45}. Таким образом, завязался узел противоречий, определивший политические судьбы Киева и всей Руси на полтора века вперед.

Теперь Святослав был «самовластием» русских земель, почти подобным отцу. К огромным прежним владениям добавились отнятые у Изяслава и его детей обширные и богатые земли Юго-Западной Руси, тогда как Всеволоду в добавление к его Переяславскому и Смоленскому уделам отошел только небольшой Туровский. По одной из версий, Всеволод обменял Переяславль на Чернигов, уступив первый Давыду Святославичу. Однако это не подкреплено свидетельствами

древнейших источников — напротив, они сообщают, что после захвата власти Всеволод «возвратился в область свою». Младшего сына от Киликии, Олега, великий князь посадил в своем давнем уделе Владимире-Волынском. Это было первое княжение основателя династии Ольговичей — то же самое, далекое от чернигово-северских земель, что и у его отца.

Святослав и вправду теперь считал себя равным Ярославу Мудрому, киевскому «царю». В год захвата власти князь заказал переписать для себя «Изборник» (сборник) из святоотеческих писаний, некогда изготовленный для болгарского царя Симеона. Похвала Симеону, созданная болгарскими книжниками, была переделана русскими переписчиками в похвалу Святославу. Тот, правда, все-таки именовался князем, а не царем, но всё остальное было переписано без изменений, а по образцу старой похвалы русским писцом написана еще одна, уже специально для своего государя^{46}. В «Изборник» вставлена миниатюра с изображением великокняжеской семьи, выполненная явно по примеру изображений императоров в византийской книжности^{47}. Святослав, подобно Владимиру и Ярославу, титуловался каганом — древним хазарским титулом, который с IX века носили русские великие князья и который считался на Руси равновеликим царскому^{48}.

Святослав, также подобно отцу, хотел считаться покровителем просвещения и благочестия. Недаром вслед за «Изборником» 1073 года и по его подобию в 1076-м создается в Киеве еще один, обновленного состава, с многочисленными нравственными наставлениями из отеческих книг. Конечно, Святослав был озабочен враждебностью Печерского монастыря. Феодосии открыто обличал захватчика власти. Святослав гневался — но не рискнул причинить игумену вред. По прошествии короткого времени настоятель всё же принял князя в монастыре, но долго запрещал поминать его, а затем разрешил — но лишь после Изяслава. Стремясь подчеркнуть уважение к Феодосию и задобрить монастырских старцев, Святослав начал строительство новой печерской церкви, причем «сам начало копанию положил». Однако до кончины Феодосия (1074) князь так и не был вполне признан монахами^{49}.

Святославу пришлось прилагать усилия — как военные, так и дипломатические, — чтобы отстоять занятый престол. Продолжалась борьба с Всеславом, и Новгород оставался под угрозой нападения.

Главная же опасность грозила с западного направления. Свергнутый Изяслав бежал в Польшу и надеялся вновь получить помощь от князя Болеслава. Однако тот на этот раз не только отказал, но и ограбил незадачливого родственника и прогнал его из Польши. Изяслав отправился дальше на запад, в Германию, где заручился поддержкой свойственника, саксонского маркграфа Деди. Генрих IV в 1075 году направил к Святославу посольство во главе со священником Бурхардом, братом Оды. Бурхард был щедро одарен и привез поразившие воображение немцев дары Генриху, чтобы тот не помогал Изяславу. Впрочем, король и так не собирался этого делать. С Болеславом же Святослав рассчитался в 1076 году, отправив на помощь ему в войне против чехов сына Олега и племянника Владимира Всеволодовича^{50}.

Таким образом, правлению Святослава в Киеве ничто, казалось, не угрожало. Останься он у власти еще какое-то время — и судьба его династии сложилась бы иначе. Но 27 декабря 1076 года Святослав Ярославич умер. Причиной смерти, по летописи, стало «резание желве» — неудачное удаление опухоли или кожного нароста. Князя погребли в Спасском соборе Чернигова — верное доказательство того, что до конца его жизни город оставался за ним^{51}.

Если бы Святослав пережил изгнанного брата, то получил бы бесспорное право на занятый силой великокняжеский престол и оставил бы это право своему потомству. Однако его ранняя кончина создала коллизию еще более сложную с точки зрения родового закона, чем сам захват Киева. С одной стороны, Святослав все-таки успел побыть великим князем, с другой — законным князем всё это время оставался, по мнению многих современников, Изяслав, а потому пребывание Святослава на киевском столе вряд ли давало его потомкам какие-то права. Дальнейшие события только усугубили ситуацию.

Первое время для детей Святослава ситуация выглядела относительно безоблачной: Глеб сидел в Новгороде, Роман в Тмутаракани, Олег во Владимире. Правда, новый великий князь Всеволод, владевший и Переяславлем, и Туровом, и Смоленском, вместе с Киевом забрал себе Чернигов. Расстановка сил разом изменилась в его пользу. Но это было закономерно, а Всеволод первые месяцы выступал союзником Святославичей. Весной 1077 года его сын Владимир со смоленскими полками помогал Глебу Святославичу бороться против Всеслава^{52}.

Но тут с запада пришел Изяслав с полученной, наконец, после смерти Святослава польской помощью. Всеволод выступил против него — и неожиданно столкнулся с новой угрозой. Пока киевские и черниговские полки шли на запад, а Владимир и Глеб сражались на севере против полочан, в Чернигов въехал безземельный внук Ярослава Мудрого князь Борис Вячеславич. 4 мая он объявил себя черниговским князем, а уже 12-го вынужден был сбежать в Тмутаракань. И Роман Святославич его принял — возможно, из-за обиды на дядю за присвоение Чернигова. В назревавшем хаосе Всеволод предпочел замирился с братом, пожертвовав интересами ненадежных племянников. 15 июля 1077 года Изяслав вошел в Киев.^{53}

Святославичи были сразу и безжалостно лишены почти всех владений. Глеба, невзирая на его прославленное благочестие, — а может, именно из-за него, — немедленно прогнали новгородцы. Зимой 1077/78 года в Новгород вошел новый князь Святополк Изяславич. Глеб бежал на восток Нов-городчины, за Волок, где был убит местными племенами — «заволочской чудью». Тело его в июле 1078 года доставили в Чернигов и погребли в Спасском соборе рядом с отцом.^{54} Ода, надежно спрятав несметные сокровища, гордость мужа, поспешила с сыном Ярославом покинуть Русь. С тех пор Ярослав Святославич рос в Саксонии, где его мать вторично вышла замуж.^{55} Олега вывели из Владимира. Всеволод — надо думать, весьма настойчиво — пригласил племянника в Чернигов, где тот и остался на положении почетного пленника.^{56} — правда, ненадолго.

Десятого апреля 1078 года, еще до получения известий о гибели старшего брата в Заволочье, Олег бежал из Чернигова в Тмутаракань. В конце лета он вместе с Борисом уже подступал к границам Руси во главе войска, состоявшего в основном из половцев. Годом ранее воевавший Полоцкую землю Владимир Всеволодович уже использовал половцев в русской усобице, но «наведение поганых» Олегом и Борисом всё же показалось делом невиданным. Видимо, именно в связи с этим Олег получил помнившееся автору «Слова» прозвание «Гориславич».

Половцы 25 августа опрокинули на реке Сожице дружины Всеволода. После этого Олег и Борис вступили в Чернигов, Всеволод же бежал в Киев к брату Изяславу. Собрав войско, Ярославичи двинулись к Чернигову. Его жители, симпатизировавшие

Святославичам, защищались, в то время как Олег и Борис находились в поле со своими половецкими союзниками. После ожесточенных боев Изяслав и Всеволод, услышав о приближении племянников, отошли от так и не взятого Чернигова. На Нежатиной Ниве 3 октября произошла роковая битва, решившая судьбу Руси. В ней погибли великий князь Изяслав и Борис Вячеславич. Олег, наголову разбитый, бежал в Тмутаракань^{57}.

Были века Трояновы,
Минули лета Ярослава,
Были войны Ольговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
И стрелами землю засеивал.
Вступит в злато стремя в граде Тмутаракани —
А звон тот слышит давний великий Ярослав,
А сын Всеволож, Владимир,
Каждое утро уши закладывал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела
И на Канине на зелено полотно уложила
За обиду Ольгову,
Храбра и млада князя...
Тогда, при Олеге Гориславиче,
Засевалась, прорастала усобицами,
Погибала жизнь Даждьбожа внука;
В княжих крамолах
Веки человеков сократились.
Тогда по Русской земле редко оратаи кликали,
Но часто вороны граяли,
Трупы меж собою деля...

После Нежатиной Нивы Всеволод получил «власть русскую всю». В Чернигове теперь сидел Владимир Всеволодович Мономах. Местонахождение Давыда Святославича в эти годы точно неизвестно. Роман и Олег были в Тмутаракани. В 1079 году, выступив оттуда с половцами, Роман Святославич попытался взять реванш. Но Всеволоду удалось договориться с половецкими ханами, а также, видимо, с

влиятельной хазарской общиной Тмутаракани. Половцы заключили с великим князем мир, а на обратном пути 2 августа 1079-го убили Романа — как был уверен Олег, по подстрекательству хазар. Те схватили остававшегося в Тмутаракани Олега и выслали его в Константинополь. Тмутаракань на время перешла в руки Всеволода, но потом ею снова завладели князья-изгои Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич.^{58}

В 1083 году Олег внезапно вернулся из Византии с военной силой. В изгнании он не терял времени даром. Стремление «Гориславича» отомстить за свое унижение и гибель брата переплелось с давним желанием византийцев установить контроль над Керченским проливом. Олег женился на знатной гречанке Феофано Музалон и заручился византийской поддержкой, благодаря которой вернул себе Тмутаракань. Давыд и Володарь были схвачены, но затем отпущены — с ними Олегу делить было нечего. Зато хазар он «иссек», обвинив в гибели брата и покушении на его собственную жизнь. Так Олег утвердился в Тмутаракани — но не как русский князь, а как «архонт Матрахи, Зихии и всей Хазарии» под скипетром византийских императоров.^{59} Тогда же, видимо, Олег принял титул кагана, под которым его знает «Слово о полку Игореве». Тем самым он подчеркивал не только независимость от киевского стола, но и свои претензии на него. Не иначе как желая уподобиться Ярославу Мудрому и Владимиру Святому, Олег чеканил в Тмутаракани собственную монету — последним из русских князей вплоть до XIV столетия.^{60}

После описанных событий о Святославичах не было слышно десять лет. Всеволоду вскоре удалось справиться с другими племянниками, установить на Руси внутренний мир и провести последние годы жизни в относительном покое. Умер он в 1093 году, и смерть его, как уже говорилось, дала старт новой серии распрей и междоусобных войн. Всеволод попытался передать Киев по наследству сыну Владимиру, но тот во избежание войны вынужден был уступить Святополку Изяславичу. Тут же князья столкнулись с мощным половецким нашествием — и потерпели тяжелое поражение. Эту битву на Стугне, где погиб единственный брат Владимира Ростислав, тоже вспоминал автор «Слова». Похвалив «лелеявший» Игоря Донец, поэт противопоставляет ему Стугну:

Не такая, сказал, река Стугна:

Худу струю имея,
Пожрав чужие ручьи-потоки,
Расперлась к устью,
Юношу князя Ростислава затворив.
Днепра на темном берегу
Плачется мать Ростиславова
По юноше князю Ростиславе.
Уныл и слезы жалобю,
И древо со скорбью
К земле преклонилось...

Естественно, что Святославичи не могли остаться в стороне, тем более что Олег имел налаженные связи со Степью, которые за время его архонтства-каганства должны были укрепиться.

В 1094 году Олег с половцами пришел из Тмутаракани на Русь. Прежний удел он, как полагают, оставил во власти византийцев; во всяком случае, никаких достоверных упоминаний русских князей в Тмутаракани больше нет, и в городе какое-то время сидели имперские чиновники. Спустя десятилетия Ольговичи еще помнили об этой утрате «отчины», которой были обязаны своему родителю...

Олег подступил к Чернигову и осадил Владимира в городе. Бои продолжались восемь дней. Половцы выжгли окрестные села и монастыри. Владимир решил сдать Чернигов Олегу — вернуть «стол брата отца» его наследнику — и примерно с сотней уцелевших дружинников покинул город, направившись в отцовский Переяславль. Олег вновь вступил в Чернигов — а приведенные им половцы продолжали безнаказанно грабить окрестности...[{61}](#).

Между тем другой сын Святослава, доселе не участвовавший в распрях и потому не упоминавшийся в летописях Давыд, объявился в Смоленске. Возможно, он получил город еще от Всеволода, но об этом нигде не сообщается. Святополк и Владимир выступили к Смоленску, но среди разгорающейся войны предпочли договориться с Давидом — судя по всему, человеком довольно миролюбивым: предложили ему обменять Смоленск на Новгород, а княжившего там Мстислава Владимировича (будущего Великого) вывели в Ростов.[{62}](#).

Святославичи обрели силу, вполне сопоставимую с прежней силой их отца, сидевшего в Чернигове. Дом Святослава в лице всего двух князей вновь контролировал почти весь север и восток Руси. Естественно, такое положение не устраивало Святополка и Владимира. Но, занятые борьбой с половцами, они предпочитали сохранять внутренний мир — при условии, что Святославичи будут поддерживать их в войнах с кочевниками. Это, в свою очередь, не входило в планы Олега. Примерно в это время он, овдовев, второй раз женился, найдя жену в Степи — ею стала дочь половецкого хана Осолука. Сын от этого брака Святослав (в крещении его звали Николай, как и тезку-деда^{63})[4] — отец Игоря^{64}. Впрочем, брак Олега был не единственным союзом Руси и Степи — в 1094 году, скрепляя мир с половцами, сам великий князь Святополк женился на дочери Тугра-хана (Тугоркана).

Укрепившиеся связи Олега с половцами дали себя знать уже в следующем году, когда Владимир и присланный к нему Святополком боярин Славята перебили явившихся для переговоров половцев во главе с ханом Итларем. Сын Итларя нашел убежище у Олега в Чернигове. Святополк и Владимир призвали Олега выйти в поход на половцев — тот выступил из своей столицы, но к двоюродным братьям не присоединился. Вернувшись из грабительского набега на Степь, князья «начали гнев иметь»: потребовали от Олега либо выдать ханского сына, либо убить его. Олег отказался. Видимо, это было сочтено достаточным поводом для возобновления не успевшей угаснуть усобицы. Изяслав Владимирович, сидевший в Курске, — и, между прочим, приходившийся Олегу крестником, — пришел в Муром и, признанный горожанами, захватил посаженного от Олега наместника. Давыд Святославич, видимо, не чувствуя себя уютно в навязанном ему Новгороде, направился возвращать себе Смоленск. Новгородцы забрали себе из Ростова некогда возвращенного ими Мстислава Владимировича, а Давыду, уже севшему в Смоленске, возвращаться запретили^{65}.

В начале 1096 года Святополк и Владимир стали звать Олега в Киев на переговоры. Он ехать отказался — возможно, памятуя о судьбе Итларя. Тогда киевский и переяславский князья двинули войска на Чернигов. 3 мая Олег бежал из города. Преследователи загнали его в Стародуб. После более чем месяца кровопролитных боев Олег сдался. Договорились, что он уйдет в Смоленск к брату Давыду, а затем они оба

прибудут в Киев для заключения договора. Впрочем, смоляне отказали князю-смутьяну во входе в город, и ему пришлось отправиться в Рязань. Между тем Святополк и Владимир, отвлекшись от охватившей всё приграничье половецкой войны (которая, кстати, стоила жизни тестю киевского князя Тугоркану), повернули дружины к Смоленску. Это была просто демонстрация силы — таким образом Давыда принудили принять условия мира. Но этот поход резко изменил мнение смоленцев — теперь они дали вновь явившемуся Олегу войска, с которыми он двинулся на Муром. Вместе с Олегом шел и младший Святославич, Ярослав, только что вернувшийся из Германии и отыскавший спрятанные матерью отцовские богатства. Так что, возможно, сговорчивость смолян связана с поступлением денежных средств. Олег потребовал от Изяслава Владимировича отдать Муром и уйти в Ростов, тот отказался — и погиб в битве с войсками крестного отца 6 сентября 1096 года. Олег занял Муром, а затем Суздаль и Ростов. Тут против него выступил другой сын Владимира, княживший в Новгороде Мстислав (тоже, кстати, его крестник). Он отбил у Олега Суздаль, но затем сам предложил переговоры. По просьбе Мстислава Владимир написал Олегу смиренное послание, призывая его к миру и прощая ему смерть сына. Однако Олег, притворно согласившись прекратить усобицу, всё же решил еще раз попытать счастья в бою. В феврале 1097 года, уже потеряв Ростов, на реке Колокше он потерпел окончательное поражение. После этого, оставив в Муроме Ярослава, «Гориславич» бежал в Рязань. Мстислав договорился с муромцами миром, оставил им Ярослава и двинулся к Рязани. Олег покинул город, а горожане замирились с Мстиславом. Тот посоветовал крестному отцу больше «не бегать никуда», а обратиться к Святополку и Владимиру с просьбой о мире и предоставлении ему какого-нибудь удела. На этот раз Олег вынужден был согласиться.^{66}.

Весной 1097 года состоялся Любечский княжеский съезд. «Каждый да держит отчину свою», — постановили его участники. За тремя Святославичами и их потомками закрепили изначальные владения Святослава, но без спорных ростово-суздальских земель. Давыд сел в Чернигове, Ярослав остался в Муроме, Олегу досталась Северская земля.^{67}, что, впрочем, не мешало позднее поминать его в ряду великих князей черниговских. Усобица возобновилась немедленно — но зачинщиком ее оказался теперь уже Святополк Киевский, в

сговоре с Давыдом Игоревичем ослепивший соперника последнего, Василька Теробовльского. Владимир Мономах, разгневанный нарушением только что заключенных договоренностей и невиданным преступлением, обратился за помощью к Святославичам, и они вместе выступили на Киев. Святополк сумел переложить вину на Давыда Игоревича, и князья замирились — с условием, что Святополк выступит против сообщника. В этой новой войне, в которой ослепленный Василько и его брат Володарь оказались парадоксальным образом противниками Святополка и союзниками Давыда Игоревича, черниговские князья также приняли участие. Давыд Святославич попытался присвоить прежние отцовские владения на юго-западе и послал в помощь Святополку своего сына Святослава, прозывавшегося Святошей. Тот закрепился в Луцке и попытался сохранить за собой город, сговорившись с Давыдом Игоревичем, но в конечном счете все-таки решил держать сторону Святополка. В 1099 году Давыд Игоревич с половцами выбил Святошу из Луцка, и тому пришлось вернуться к отцу в Чернигов.^{68}.

После этого Святославичи старались больше не отступать от княжеского союза. В августе 1100 года Давыд и Олег участвовали в Уветичском княжеском съезде, который завершил усобицу на юго-западе, лишив Давыда Игоревича большей части отвоеванных владений. На следующий год состоялся еще один съезд, на Золотче, в котором участвовал уже и Ярослав Святославич. Здесь князья утвердили мир с половецкими ханами. Поскольку мелкие половецкие набеги не прекращались, в 1103-м Святополк и Владимир решили устроить поход в Степь. Давыд Святославич присоединился к ним, а Олег отговорился нездоровьем — очевидно, не желая нарушать недавно заключенный мир. Поход закончился большой победой над ханом Урусобой. Олег оказался к ней непричастен, зато в следующем году он, а не Давыд, ходил с другими князьями на Глеба Всеславича Минского. Эта очередная попытка подчинить Полоцко-Минскую землю ни к чему не привела.^{69}.

Семнадцатого февраля 1106 года один из внуков Святослава Ярославича принял постриг — в роду Рюриковичей такое произошло впервые. Это был упомянутый ранее Святослав Давыдович, Святоша. В крещении его звали Николаем; таким образом, он был полным тезкой своего деда Святослава Ярославича и двоюродного брата Святослава

Ольговича. Святоша имел жену и дочь, последняя позже стала женой своего четвероюродного брата Всеволода Мстиславича, сына Мстислава Великого. Перипетии княжеских распрей, однако, навели Святослава на мысль о суетности мирского бытия, и он принял постриг в Печерском монастыре, где прославился строжайшей аскезой и прожил до самой смерти в 1143 году^{70}.

В 1107 году Святополк и Владимир вновь призвали князей под свои стяги для борьбы с половцами. Сильнейшие степные ханы Боняк Шелудивый и Шарукан Старый пришли ратью к Лубну у Сулы. Олег выступил в поход вместе с другими князьями и участвовал в победоносной битве. В январе 1108 года Владимир, Давыд и Олег обратились с предложением мира к ханам приграничных орд Аепе Осеневичу и Аепе Гиргеневику, на которое те с легкостью согласились. Кроме мира, были заключены и два брачных союза. На дочери Аепы Осеневича Мономах женил своего сына Юрия (будущего Долгорукого), дочь Аепы Гиргеневику получил сын Олега^{71}. (хотя прямых свидетельств в древних источниках нет, вероятнее всего, это был Святослав Ольгович, сам по матери половец, и «молодожены» оба были еще малолетними или, по крайней мере, очень юными).

В 1110 году Давыд Святославич участвовал в походе Святополка и Владимира к половецкому пограничью, закончившемся без боя^{72}. Поход спровоцировал серию половецких набегов, а те — в следующем году — большую карательную акцию русских князей, в результате которой войска Святополка и Владимира разгромили орду на Дону. В походе 1111 года Давыд Святославич тоже участвовал вместе с сыном Ростиславом; Олега не было, но он послал кого-то из своих сыновей^{73}.

Таким образом, на протяжении полутора десятков лет Святославичи выказывали себя мирными соседями других князей Ярославова дома и относительно верными союзниками Владимира Мономаха. Уроки, данные Олегу, явно пошли впрок. Теперь Давыд и Олег не боролись за чужие или утерянные свои уделы, не «наводили поганых», а сражались с ними плечом к плечу с другими князьями, вчерашними противниками.

Критический момент вполне мог наступить в 1113 году, когда умер Святополк. Киевская знать призвала на престол Мономаха — строго говоря, вопреки решениям Любечского съезда, оставившего Киев в

«отчину» потомкам Изяслава. Святополчичи не могли не возмутиться — и позже Владимиру пришлось усмирять их неповиновение на западе Руси. Но, по большому счету, права на киевский стол могли заявить и Святославичи — если, конечно, считали, что их отец сидел на нем законно. Судя по всему, в тот год Давыд и Олег предпочли об этом забыть. Олег беспрекословно явился по слову Мономаха на борьбу с половцами. Услышав о смерти Святополка, ханы Аепа (то ли сват Владимира, то ли сват Олега) и Боняк подступили к границам. Однако, узнав о приближении Владимира и Олега, кочевники обратились в бегство — они, как и Олег, сразу поняли, что в Киеве есть хозяин^{74}. Первым из князей признав верховенство Мономаха, Олег сразу же обрел статус второго князя на Руси. Его представитель Иванко Чудинович, единственный из удельных бояр, был призван великим князем для утверждения нового судебника — Устава Владимира Всеволодовича^{75}.

На протяжении всего правления Мономаха Черниговская земля оставалась верной ему. В 1115 году Давыд и Олег вместе с великим князем организовывали перенесение мощей святых Бориса и Глеба в новую каменную церковь, построенную ими сообща в Вышгороде. Здесь между князьями возник единственный за все последние годы спор — по вполне благочестивому поводу. Мономах хотел упокоить мучеников «посреди церкви» и поставить над ними «серебряный терем», а Давыд и Олег — положить их в уже устроенную «камору» на правой стороне храма. Бросили жребий — и победило мнение черниговцев^{76}.

Второго августа 1115 года умер Олег Святославич. Погребли его на следующий день после смерти рядом с отцом в Спасском соборе Чернигова, превращавшемся в родовую усыпальницу Святославичей^{77}. Неумный крамольник в прежние годы и благонравный союзник Мономаха в последние, Олег так и не достиг вновь вожделенного им некогда черниговского стола, не говоря уже о власти над всей Русью. Впрочем, в княжеский помянник он был включен, как уже говорилось, в качестве князя Черниговского. Учитывая его статус фактического соправителя Давыда, дети Олега могли претендовать на Чернигов после смерти обоих Святославичей. Однако на Киев они не имели формальных прав даже в перспективе, поскольку их отцы не оспаривали старшинство Мономаха.

Сыновей после Олега осталось четверо: Всеволод, Игорь, Глеб и Святослав. Первые трое, вероятнее всего, были детьми Феофано. Их крестильные имена точно неизвестны. Всеволод звался Кирилл (что более вероятно) или Георгий. Если Кирилл — это Всеволод, то Георгием звали Игоря^{78}. В этом случае герой «Слова» оказывается полным тезкой дяди, погибшего за несколько лет до его рождения. С учетом традиций имянаречения в роду Рюриковичей это вполне возможно.

Под властной рукой Мономаха Чернигово-Северское княжество остается монолитным. Ольговичи верно следуют за своим дядей Давыдом и за его сюзереном, великим князем. У них есть свои дружины, но места их княжений в эти годы с достоверностью неизвестны. В 1116 году Давыд и Ольговичи ходили под водительством Владимира на Глеба Минского, захватившего Смоленск. В этом успешном походе, окончившемся умиротворением минского князя, Давыд вместе с сыном Владимира Ярополком взял «на щит» город Друцк^{79}. Затем Всеволод Давыдович с тем же Ярополком воевал донские половецкие «грады». А в следующем году Давыд и Ольговичи ходили с великим князем на Владимир-Волынский — усмирять тамошнего князя Ярослава^{80}.

В 1123 году Давыд Святославич скончался. Согласно обычаю престол в Чернигове занял его младший брат Ярослав, последний из Святославичей^{81}. У Давыда и его жены Феодосии^{82} было несколько сыновей. Один из них, Ростислав, умер еще при жизни отца, в 1120 году^{83}. Старшим среди переживших отца был, вероятно, Всеволод, которого дядя Ярослав посадил на свое место в Муроме. В 1124-м Всеволод женился на неизвестной «ляховице», то есть полячке^{84}, но вскоре после этого, по всей видимости, умер — более он не упоминается. К началу 1130-х годов в живых были трое Давыдовичей — Владимир, Изяслав и печерский монах Николай Святоша.

В права вступало новое поколение Святославичей, и Мономах понимал необходимость прочнее привязать их к себе. В год смерти Давыда союз Киева и Чернигова был скреплен династическим браком: новгородский князь Всеволод, сын Мстислава Владимировича, женился на дочери Святоши^{85}. Видимо, тогда же или чуть раньше Мстислав выдал дочь (вероятно, ее звали Мария) за Всеволода Ольговича^[5].

В свете этого дальнейшие события становятся понятны. Когда в 1125 году умер Мономах, оставив власть Мстиславу, вызов тому никто не бросил. Казалось, самое время Изяславичам заявить права по «отчине» и по «дедине», однако они лишены земель и раздавлены поражениями, нанесенными Мономахом. Еще жив Ярослав Святославич — последняя надежда черниговского дома законно претендовать на Киев (если считать, что потомки Святослава имели право на престол). Но Ярослав тихо сидит в своем Чернигове. Что же до Давыдовичей и Ольговичей, то они безмолвствуют, признают права Мстислава на власть. Они не пытаются заявить, что их отцы были чем-то обделены. Ни о каких правах Святославичей теперь не может идти речь. Мстислав имеет все основания считать, что самим фактом своего беспрепятственного вокняжения в Киеве превратил стольный град Руси в отчину Мономашичей. Навсегда.

Однако же внукам Святослава оставался Чернигов. И если Давыдовичи первое время как будто наследовали лояльность своего отца, то Всеволод Ольгович оказался достойным сыном своего. Именно этот князь первым взорвал установленный Мономахом к концу правления общерусский внутренний мир.

В 1127 году Всеволод Ольгович внезапно ворвался в Чернигов, захватил в плен своего дядю Ярослава, перебил его дружинников и разграбил их добро. Мстислав, возмущенный таким беззаконием, совершившимся без его ведома, выступил к Чернигову с братом Ярополком Переяславским. Своего сына Изяслава великий князь посадил в Курске. Всеволод отпустил дядю на его прежний стол в Муром, а сам обратился за помощью к степным свойственникам. К рубежам Руси пришла семитысячная половецкая рать под предводительством тестя «Гориславича» хана Осолука и его союзника или родича Таша. Однако гонцы, отправленные ими к Всеволоду, были перехвачены Мономашичами, и половцы ушли восвояси. Мстислав наставительно сообщил Всеволоду: «Вот привел ты половцев — и ничего не вышло». Однако тот не сдавался и вслед за силой пустил в ход дипломатию. У зятя Мстислава было немало союзников при дворе тестя. Всеволод подкупал и умолял о помощи киевских бояр и даже духовных лиц. Мнение последних оказалось решающим. Когда Ярослав явился к Мстиславу, заклиная его прежним крестоцелованием оказать помощь в возвращении Чернигова, против этого выступил

приближенный к Мономаху и его сыну игумен Андреевского монастыря Григорий. «На мне будет грех, сотвори мир», — заявил он великому князю. Даже митрополит убеждал Мстислава, что междоусобица есть больший грех, чем измена Ярославу, и князь нехотя согласился. Всеволод остался в Чернигове, а Ярослав «пошел опять в Муром»^{86}. Здесь он и умер в 1129 году^{87}.

Всеволод замирился в конце 1127 года, и сразу же Мстислав призвал прощенного зятя под свои знамена. Планируемый великим князем поход на полоцких князей, которых Мстислав хотел подчинить окончательно, мог стать для него не менее веским аргументом в пользу признания свершившегося факта, чем «мольбы» духовенства и бояр. Теперь Чернигов превращался в надежную опору для новой войны. Всеволод с братьями беспрекословно выступил по велению тестя на город Борисов^{88}. После этого никаких смут он не затевал — до смерти Великого.

Но когда в 1132 году Мстислав умер, высвободились дремавшие взаимная неприязнь, амбиции и претензии. Казалось бы, ничто не предвещало трех десятков лет братоубийственного кровопролития. Ярополк Владимирович наследовал власть от брата по закону, был лишь немногим менее прославлен и, во всяком случае, закален во многих боях, имел опыт властвования... Только он не был ни Мономахом, ни Мстиславом. Тех удельные князья тоже испытывали на прочность — и оставались успокоены результатом. Сохранявшие земли понимали, что лучше повиноваться.

Вскоре стало понятно: Ярополку можно не повиноваться. Слабину он дал уже в первый год, когда Полоцк безнаказанно освободился от киевской власти, а члены доселе дружной семьи Мономашичей сцепились за Переяславль. Этим и воспользовались Ольговичи, чтобы заявить свои права — пока еще не на Киев, но на роль защитников справедливости и собственных владений от разгорающейся смуты.

В 1134 году Ярополк решил закрепить Переяславль за своим братом Юрием при условии, что тот передаст ему большую часть своих северных владений с Ростовом и Суздалем. Юрий видел себя наследником великого князя и потому рьяно боролся за переяславский стол. В итоге оказались обделены племянники Ярополка Всеволод и Изяслав Мстиславичи, которых он поочередно пытался посадить в Переяславле вопреки своим братьям. К тому же другой брат Ярополка,

Вячеслав, уступив Переяславль Юрию, выгнал Изяслава из прежнего собственного княжения в Турове. Мстиславичи, как мы помним, были свойственниками Ольговичей и Давидовичей. Теперь эти браки, заключенные Мстиславом Великим ради прочности своей власти, сработали против Мономашичей.

Всеволод Ольгович обвинил великого князя в посягательстве на права родни, попустительстве захватчикам чужих уделов и нарушении «отчинных» принципов. Он требовал себе от Мономашичей «того, что отец наш держал при вашем отце», то есть возвращения оставленного теперь Изяславом Курска с Посемьем. Всеволод заключил союз с Мстиславичами, взял свойственников под защиту и стал готовить войска. Всеволод и Изяслав Мстиславичи выступили из Новгорода на Ростов и Суздаль — Изяслав хотел присвоить оставленную землю Юрия. Но непокорность новгородцев, заставивших своего князя повернуть вспять, сорвала эту кампанию. Позднее Всеволод Мстиславич еще раз, уже без Изяслава, ходил к Суздалию и потерпел поражение.

Основные события междоусобицы развернулись на юге. Пока Всеволод Ольгович в Чернигове ожидал подхода половецких союзников, Ярополк решил ударить первым и выступил на Чернигов с братьями Юрием и Андреем. Узнав об этом, с севера на помощь зятю поспешил Изяслав Мстиславич, но его небольшая дружина ничего решить не могла. Ольговичи на бой так и не вышли, а Мономашичи разорили окрестности Чернигова и вернулись восвояси. Ярополк, то ли не понимая причин терпеливости противника, то ли недооценивая его смелость, распустил войско без попыток замириться — и вскоре его подданным пришлось за это платить. Зимой половецкая орда и черниговские рати под водительством Ольговичей и двух Мстиславичей, Изяслава и Святополка, опустошили Переяславское княжество, выжегши несколько городов. Враги переправились через Днепр к Киеву, захватывали полон, угоняли скот. После этого Ольговичи вернулись в Чернигов, а Ярополк с Юрием опять собрали войска в своих стольных городах. Начались переговоры, полные взаимных обвинений. Наконец со второй попытки уговорились, что Юрий возвращается к себе, Переяславль достается Андрею Владимировичу, а Изяславу дается более крупное и безопасное Владимире-Волынское княжество, прежде бывшее за Андреем.^{89}.

Но Всеволод Ольгович остался неудовлетворен. Требуя все-таки вернуть Курск и Посемье, по весне 1135 года он возобновил военные действия. Попытка новгородского посадника Мирослава посредничать между сторонами ничего не дала — киевская и черниговская знать пыталась лишь перетянуть новгородцев каждая к себе и, в свою очередь, ничего не добилась. Всеволод во главе Ольговичей с половцами подступил к Переяславлю, едва не вломился в город, но затем отступил. Тут явилось превосходящее воинство Мономашичей во главе с самим Ярополком, и на реке Супой произошло кровавое сражение. Битва шла с переменным успехом. Половцы, обратившись в притворное бегство, увели за собой значительную часть киевской рати и тем обеспечили победу черниговским дружинам. Когда измотанные бесплодной погоней бояре Ярополка вернулись на поле брани, их князь уже бежал. Войско охватила паника, и Всеволод одержал решительную победу. Цвет киевской рати полег в бою или — преимущественно — попал в плен. Отвлеченный от Переяславля, Всеволод двинул полки за Десну к Вышгороду, что позволило Андрею въехать в свой стольный град. Ярополк начал заново собирать войска, и Всеволод, тоже понесший серьезные потери и растерявший половецких союзников, решил вернуться в Чернигов. Очередная попытка замирииться не удалась. Половцы вновь присоединились к черниговскому князю, Ольговичи переправились через Днепр и опустошили Правобережье, в том числе окрестности Киева. Ярополк тем временем мобилизовал силы Мономашичей «со всех земель» и вышел против врага. Новой битвы, однако, не последовало. Мольбы духовенства во главе с митрополитом Михаилом и новгородским епископом Нифонтом устыдили уставших от бесплодной вражды князей, и они заключили новый договор. Ярополк, наконец, вернул Ольговичам Курск и Посемье. Киевский летописец в этой связи не преминул назвать его «благоумным»^{90}; к сожалению, это качество князь проявил слишком поздно.

Усобица, казалось, затихла. По крайней мере, причин для распрей вроде бы не осталось. Но их быстро нашли недавние миротворцы из Великого Новгорода. Участие князя Всеволода Мстиславича, многие годы правившего Новгородом, в южных усобицах, поиск им новых столов и неудачное командование на поле брани разозлили новгородцев. В мае 1136 года объединенное вече новгородцев,

псковичей и ладожан низложило князя, а затем выставило его из города. За новым князем новгородцы, утверждая обретенную независимость, обратились не в Киев, а в Чернигов к Всеволоду Ольговичу, и тот отправил им находившегося при нем младшего брата Святослава. В три часа дня 19 июля 1136 года Святослав Ольгович прибыл в Новгород и воссел на княжеском столе^{91}. Всеволод Ольгович, вероятно, мало колебался, затеяв распрю с недавними союзниками — «Мстиславовым племенем». Мстиславичи предали его в позапрошлом году, когда вынудили согласиться на выгодные лишь им условия мира с дядей, и ничем не поддержали в последней кампании. Новгород же был слишком лакомым куском, чтобы от него отказываться. Всеволода, еще недавно ссылавшегося на отчинное право, совершенно не остановило то, что ни Олег, ни Святослав Ярославич ни дня не княжили в Новгороде. Призвание князя отныне вольным городом вопреки отчинному порядку создавало выгодный прецедент — Всеволод почувствовал себя вправе претендовать на любые столы, лишь бы была поддержка самих стольных градов. Черниговский князь первым ощутил ветер грядущих перемен, умело воспользовался ими (и вскоре воспользуется еще раз). Пока же — впервые вышел на сцену русской истории отец Игоря Святославича, дотоле действовавший в тени старшего брата.

Глава четвертая.

ОЛЬГОВИЧИ

Святослав Ольгович — сам по себе личность весьма колоритная и заслуживающая жизнеописания, тем более что связанные с ним события 1130—1160-х годов, в которых он выступал сначала эпизодическим, а затем и одним из главных действующих лиц (его сыну эта роль досталась лишь единожды), подробно описаны в летописях. Перед нами — через деяния, а не через недоступное живописание характера — предстает вполне достойный сын своего отца, немногим более приверженный праву, чем сам Гориславич или Всеволод. По сравнению со старшими братьями, сыновьями византийки, Святослав, должно быть, действительно был несколько более укоренен в родовых нормах, святых и для русского, и для половецкого общества. Однако во всем остальном он явился порождением той буйной и кровавой эпохи.

* * *

Осенью после прибытия в Новгород Святослав женился — по всей вероятности, вторично. На этом браке следует остановиться подробнее, поскольку речь идет о родителях героя нашей книги. В Новгородской первой летописи сказано: «В то же лето (1136. — С. А.) оженился Святослав Ольгович в Новгороде, и венчался своими попами у святого Николы. А Нифонт его не венчал, ни попов на свадьбу, ни чернецов не дал, говоря: “не положено ее тебе брать”»^{92}. Больше об этой коллизии мы ничего не знаем из древних источников.

Татищев, со ссылкой на Ростовскую летопись, называет жену Святослава Петриловной и дает объяснение запрету, наложенному Нифонтом на бракосочетание^{93}: якобы муж невесты незадолго до того погиб в бою с воинами князя и потому женитьба последнего на ней представилась архиерею греховной. Это еще одно из столь частых у историографа разъяснений темных мест известных летописей со ссылкой на памятник неизвестный. Однако в данном случае, в отличие от многих других, ссылка на конкретный источник все-таки имеется.

Потому мы можем попытаться оценить степень достоверности самого предполагаемого источника, не подозревая историка в мистификации.

Ростовская летопись — наиболее загадочный среди источников, используемых Татищевым, поскольку тот никак не характеризует ее специально. Найдена она была, очевидно, в Ростове, но ее известия, в том числе и интересующее нас, указывают скорее на ее новгородское происхождение. Среди таких новгородских известий — легенда о палице Перуна, которую поверженный при крещении Новгорода идол будто бы швырнул на мост через Волхов, предрекая вечевые побоища на нем.^{94} Легенда эта впервые появляется в известных летописях в начале XV века, а записана едва ли раньше XIV столетия. Далее, «ростовский» летописец не только знает о крещении Руси при константинопольском патриархе Фотии, но и правильно датирует это событие IX столетием.^{95} Между тем до XVI века летописцы ошибочно называли Фотия современником святого Владимира. Таким образом, речь идет об очень позднем сочинении, вероятнее всего XVI или XVII столетия, когда пробелы прежних летописей уже стали заполняться домыслами и реконструкциями. Даже если история Петриловны не домыслена самим Татищевым, нет особых оснований доверять ей. Легенду мог сочинить и более ранний автор из логичного стремления оправдать суровость почитаемого святителя.

Впрочем, поведение Нифонта может иметь иное, не менее благочестивое объяснение. Князь вполне мог еще не быть вдовцом. О том, что Святослав был женат дважды, можно сделать вывод на основании не только известия 1107 года о женитьбе сына Олега на Аеповне, но и данных Любечского синодика. Здесь друг за другом поминаются два «великих черниговских» князя Святослава: один — с крестильным именем Николай, другой — с монашеским именем Гавриил, оба со своими княгинями — соответственно Анной и Екатериной.^{96} Ни один из них не может быть отождествлен ни со Святославом Ярославичем, ни с будущим князем Святославом Всеволодовичем — те фигурируют в других местах синодика. Но в Чернигове княжили только три Святослава, и вторым был Святослав-Николай Ольгович. Кто же такой Святослав-Гавриил? Предлагалось именно его и отождествить с Ольговичем, а Святослава-Николая объявить Николой «Святошей» Давыдовичем, печерским преподобным (известно, что он и в монашестве носил прежнее имя). Но «Святоша»

никогда не княжил в Чернигове, а ушел в монастырь при жизни отца. Скорее всего — и этот вывод кажется наиболее логичным — обе записи в синодике относятся к одному и тому же князю Святославу Ольговичу. Кого-то из переписчиков или даже первых составителей помянника смутил факт поминования князя с двумя княгинями, и Святослав «разделился надвое». При этом «первый» Святослав получил только крестильное имя, а «второй» — только принятое при смерти монашеское.

Придя к такому выводу, мы узнаём имена обеих супруг Святослава Ольговича. Первая — видимо, действительно дочь половецкого хана Аепы — в крещении стала Анной. Вторая, новгородка, мать Игоря Святославича, звалась Екатериной. Если Святослав взял за себя Екатерину еще при жизни Анны, то это объяснило бы и запрет на брак со стороны архиепископа, и — отчасти — сохранение имен обеих княгинь в княжеском помяннике. Во всяком случае, Анна не прожила дольше мужа, а при кончине его присутствовала Екатерина, которая и поминается с усопшим в его «иноческой» ипостаси. О происхождении второй супруги Святослава мы можем строить лишь догадки. Скорее всего, она и вправду происходила из новгородского боярства.

Остается добавить, что некоторым романтически настроенным историкам и публицистам хотелось бы видеть героя «Слова о полку Игореве» сыном половчанки. Однако это совершенно невозможно. Во-первых, к моменту рождения Игоря Аеповне (если она вообще была еще жива) было не менее пятидесяти лет. Во-вторых, и это более существенно, нет ни малейших оснований полагать, будто Святослав Ольгович из-за недовольства епископа либо по иным причинам вернулся к первой жене. Собственно, недостаточно оснований и для утверждения, что к моменту новгородского брака князь не овдовел, хотя это, как мы видели, можно предполагать. Итак, Игорь Святославич был половцем не на три четверти, а всего на одну — по своей бабке Осолуковне...

Но вернемся в 1136 год. Княжение Святославу Ольговичу досталось крайне беспокойное, и конфликт с епископом был очень некстати. Мятежный город продолжал бурлить смутой. Боярские кланы, поддерживавшие старого и нового князей, продолжали борьбу за власть над Новгородом. В начале сентября при неизвестных обстоятельствах погиб один из видных бояр, видимо, противник Святослава: «убили

Юрия Жирославича и с моста скинули». Несколько позже, уже после женитьбы, в Святослава стреляли из лука «милостники» Всеволода Мстиславича, но он остался жив.^{97}.

Седьмого марта 1137 года к Всеволоду Мстиславичу, который после изгнания отправился к своему дяде, великому князю, и получил от него Вышгород, бежало из Новгорода несколько бояр во главе с самим посадником Константином. Посадничество передали Якуну Мирославичу, который и позднее проявлял себя сторонником Ольговичей. Константин же и его присные стали убеждать Всеволода Мстиславича вернуться на север. Призыв этот был поддержан тайными посольствами из Пскова и самого Новгорода. Убежденный уговорами — «Пойди, княже, хотят тебя опять», — Всеволод прибыл в Псков с братом Святополком и был признан здесь князем. Но в Новгороде пока сильнее была партия Мирославичей — а значит, Ольговичей. В городе начались беспорядки, вдохновлявшиеся посадником и его сторонниками. Оставшиеся в меньшинстве противники Святослава бежали в Псков, народ разграбил дома бывшего посадника Константина и других перебежчиков. По всему городу искали, «кто Всеволоду приятель из бояр»; с каждого заподозренного брали откуп по полторы тысячи гривен и отдавали выручку купцам для военных закупок.^{98}.

Тем не менее, несмотря на весь энтузиазм новгородского посада, положение Святослава и его ново-обретенного княжества было не из легких. Против Новгорода ополчилась большая часть Руси, находившаяся под властью Мономашичей, все соседи. Можно сказать, что «феодалы» владетели хотели задушить свободолюбивый «вольный город», а заодно проучить поддержавших «революцию» Ольговичей. Но даже если в каком-то смысле это и так — в конце концов, никто не двинулся карать Всеволода Ольговича в его черниговской вотчине, — люди того времени не мыслили подобными категориями. Новгородцы накликали на себя беду вполне закономерно, обратившись к совершенно постороннему их городу князю и разрушив полувековую связку со всё еще господствующим на Руси семейством. Следствие именно заявленного «свободолюбия» — но именно это следствие, а не учредившаяся «республика» сама по себе — сплотило против Новгорода не слишком дружных Мономашичей.

Для Святослава Ольговича, оказавшегося в кольце врагов, ссориться с епископом было теперь уже непозволительной роскошью.

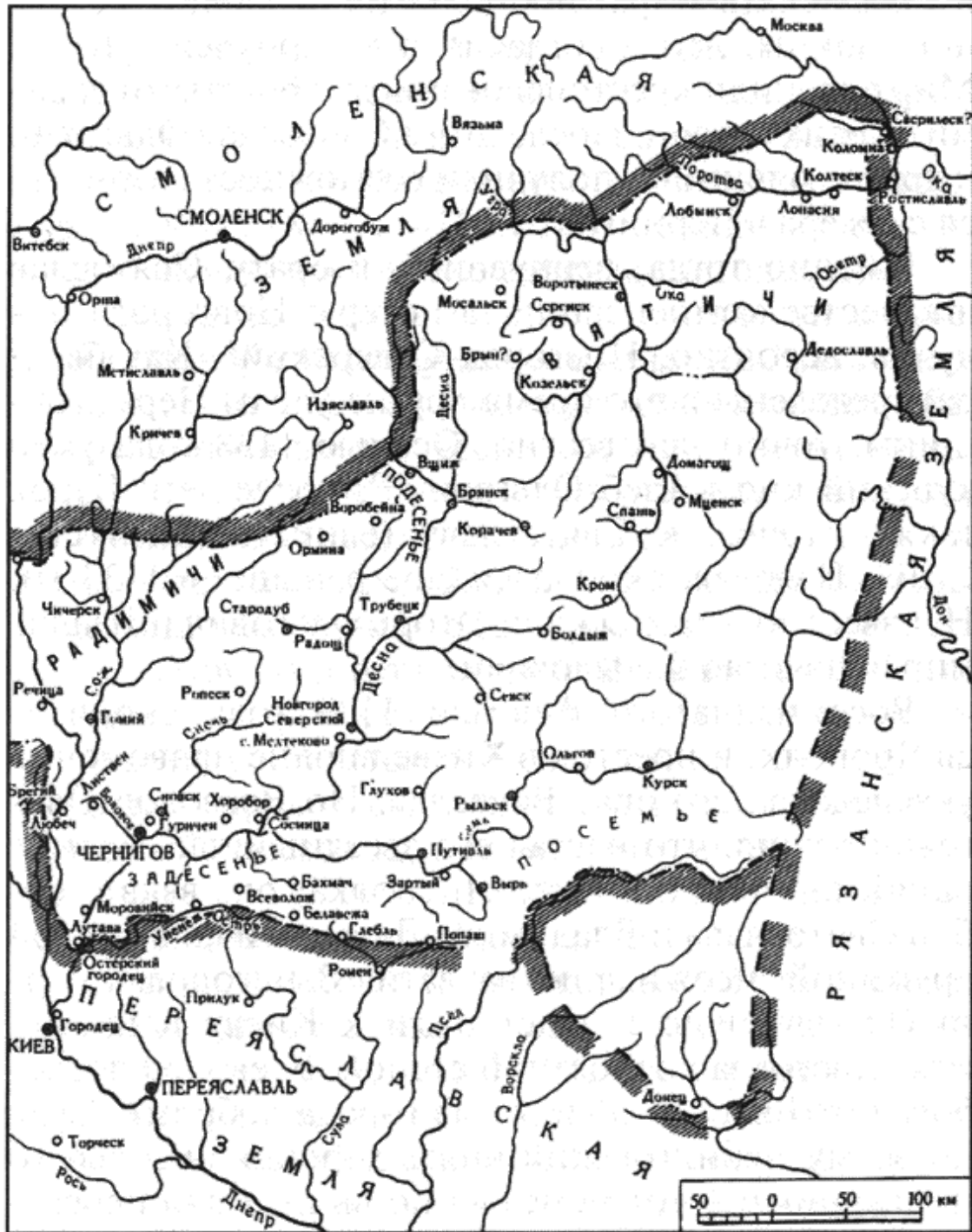
Примирение состоялось в разгар усобицы, весной или летом 1137 года. Святослав и Нифонт совместно утвердили новые налоговые привилегии новгородской епископии: за ней закреплялась десятина от судебных штрафов с владений Новгорода в Заволочье и Обонежье, ранее целиком шедших в княжескую казну.^{99} Святослав дарением искупал свой (в точности неизвестный нам) грех, а кроме того, закреплял новую роль епископии как высшей властной инстанции Новгородской республики. После этого «любовь» между Святославом и Нифонтом сохранялась до конца дней последнего.^{100}

Святослав не только «совокупил всю землю Новгородскую», но и обратился за помощью к братьям. Явился Глеб Ольгович, князь Курский, со своей дружиной и половцами. Двое Ольговичей двинулись с большой ратью на Псков против двух Мстиславичей. Псковичи, однако, наотрез отказались прогонять только что обретенного князя и приготовились к обороне. Святослав Ольгович, может быть, и продолжил бы войну, но после совещания с новгородской знатью решил «не проливать кровь братии». Войско вернулось в Новгород. А вскоре стало известно о кончине Всеволода Мстиславича — он умер в Пскове 11 февраля 1138 года. Ситуация, однако, от этого мало изменилась. В Пскове по воле горожан сел Святополк Мстиславич. Новгород по-прежнему оставался в окружении врагов: в Смоленске сидел Ростислав Мстиславич, в Суздале — Юрий Владимирович, на этот раз поддержавший племянников. В союз с Мономашичами вступил Полоцк. Чернигов же был отделен от Новгорода вражескими землями. Между тем наступила зима, а город всегда зависел от хлебных поставок с юга. Дороговизна зерна сразу заставила новгородцев пожалеть об обращении к Ольговичам.^{101}

Семнадцатого апреля 1138 года Святослава Ольговича выгнали из Новгорода, а его жену и бояр новгородцы взяли в заложники. Княгиню отправили в монастырь Святой Варвары. Сам Святослав тоже не избежал пленения. Его схватили, когда он проезжал Смоленск, и заточили в одном из местных монастырей.

ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКОЕ КНЯЖЕСТВО

(по А. К. Зайцеву)

К этому времени на юге уже вновь разгорелась большая усобица. Всеволод Ольгович сразу после изгнания брата опять призвал половцев и обрушился с ними на Переяславское княжество. Андрей Владимирович, не получив помощи от рополка, вступил с Ольговичами в переговоры и готов был сдать город. Когда стало известно о пленении Святослава, Ольговичи привели из степи новых союзников и атаковали

уже киевские земли. Когда враг угрожал столице, Ярополк, наконец, собрал все силы Мономашичей и их союзников, включая кочевников-берендеев. С этой огромной по тем временам армией, насчитывавшей многие десятки тысяч воинов, великий князь двинулся на Чернигов. Под давлением горожан, заподозривших, что Всеволод собирается бежать к половцам и бросить их, он смирился и стал искать мира. Ярополк, не особенно желавший войны, легко согласился и вернулся в Киев. Мир скрепили крестоцелованием и богатыми дарами с обеих сторон. После этого Святослав Ольгович и другие пленники получили возможность вернуться с севера в Чернигов.^{102}.

Именно тогда, вернувшись к брату, Святослав в качестве компенсации за потерю Новгорода получил, вероятно, Новгород-Северский^[6]. Как были распределены в это время другие уделы Черниговщины, точно неизвестно. Осенью 1138 года умер курский князь Глеб Ольгович^{103}, после чего Курск также отошел к Святославу (единственный сын Глеба, Изяслав, скончался еще раньше, в 1133-м). Неизвестно, где княжили Игорь Ольгович и Владимир и Изяслав Давыдовичи.

Восемнадцатого февраля 1139 года скончался Ярополк, и престол в Киеве вполне правомочно унаследовал его брат Вячеслав. Но Всеволод Ольгович решил, что настал его звездный час, — и не ошибся. Узнав о смерти Ярополка, он, взяв с собой Святослава и Владимира Давыдовича, с «малой дружиной» неожиданно захватил Вышгород. 4 марта Ольговичи уже подступили к Киеву и начали жечь дворы за крепостной стеной. Всеволод потребовал от Вячеслава «идти из города добром». Судя по всему, черниговский князь хорошо знал своего противника — тот немедленно выслал для переговоров митрополита и согласился оставить Киев при условии, что Всеволод прекратит разор и вернется на день в Вышгород. 5 марта Вячеслав отправился к себе в Туров, а Всеволод без всякого сопротивления занял столицу Руси. Ранее он обещал Чернигов своему брату Игорю, не участвовавшему в походе. Однако когда тот явился за обещанным пожалованием в Киев, выяснилось, что свой прежний стол Всеволод передает Владимиру Давыдовичу в благодарность за помощь. «Поссорил братьев и с тем отпустил их», — лаконично замечает летописец^{104}.

Приход Всеволода Ольговича к власти в Киеве был поворотным пунктом в истории Руси: впервые киевский престол был захвачен

беззаконно, без всякой «отчины» и с весьма сомнительной «дединой». Это событие стало и поворотным пунктом в истории черниговского княжеского дома. Вся последующая политика Ольговичей, все их амбиции и притязания, их роль в общерусских делах имели в своем основании тот факт, что Всеволоду в 1139 году удалось вырвать себе Киев. Кстати, именно получивший тогда стол в Чернигове Владимир Давыдович первым стал именовать себя «великим князем»^{105}. Всеволод, несомненно, вполне осознавал значимость собственного вокняжения и вывод делал простой: чтобы закрепить Киев за собой и своим родом, надо не откладывать борьбу с врагами. Всеволод мечтал о роли, сопоставимой с ролью прежних великих князей. Он стремился объединить под своей рукой всю Русь. Однако на это ни сил, ни способностей нового великого князя уже не хватало. Своенравный, властолюбивый, склонный решать любые проблемы силой, Всеволод не мог вполне опереться ни на кого из родни, кроме сыновей. Шурины Мстиславичи, родные братья Ольговичи и двоюродные Давыдовичи были равно нужны ему, чтобы сдерживать друг друга.

Но пока надо было удовлетворить аппетиты обиженных братьев. Всеволод решил это сделать за счет Мстиславичей, отняв у них Владимир-Волынский и Смоленск. Для начала великий князь потребовал от Изяслава Мстиславича освободить Владимир. Но Изяслав, в свою очередь, стал готовиться к контрнаступлению, сговорившись с другими внуками и сыновьями Мономаха. Всеволод послал на Владимир и Туров черниговцев и половцев под водительством Изяслава Давыдовича. К походу на соседа присоединились было и галицкие князья. Но слухи о приближении врага напугали черниговское войско, и от реки Горыни оно повернуло восвояси. Галичане, узнав об этом, замирились с Изяславом.

Сам Всеволод между тем, призвав Святослава с курянами, пошел на Переяславль. От Андрея потребовали обменять Переяславское княжество на Курское. Но и тут Всеволод получил отказ и увидел готовность к сопротивлению. «Лучше смерть, чем курское княжение», — торжественно объявил Андрей, еще несколько лет назад ревностно сражавшийся за то, чтобы оставить Курск Мономашичам. 30 августа 1139 года под стенами Переяславля Андрей наголову разбил авангард великокняжеских войск под водительством Святослава и обратил их в

бегство. Всеволод понял, что с Мономашичами придется пока что мириться. 1 сентября был заключен мир с Андреем.

На западе еще продолжалась война — Изяслав Давыдович разорил Туровское княжество, а привлеченные Всеволодом к союзу поляки угрожали Волыни. Изяслав Мстиславич и Вячеслав решили предложить великому князю мир на условиях статус-кво. Всеволод «подумал, что без них ему быть нельзя», и нехотя согласился. В конце года Всеволод и Андрей уже вместе утверждали договор о добрососедстве с половецкими ханами.

Между тем проблема княжений для братьев никуда не исчезла. Святославу Ольговичу на время повезло. Утверждение Всеволода в Киеве разом изменило непостоянные симпатии новгородцев. Когда Юрий Суздальский, чей сын на тот момент сидел в Новгороде, потребовал от горожан присоединиться к походу на Киев, те отказались. Сын Долгорукого 1 сентября 1139 года бежал из города, а новгородцы, отослав детей знати в заложники Всеволоду и принеся ему присягу, попросили в князя Святослава. Он вновь отбыл в Новгород и 25 декабря сел на своем прежнем столе. Город встретил его беспокойно — оскорбленный Юрий начал войну, захватив Торжок, а в самом Новгороде за время междукняжия начались беспорядки^{106}.

Прибыв в Новгород, Святослав принялся железной рукой наводить порядок и, надо думать, сводить счета, благо было за что. В 1140 году он бросил в темницу возглавлявшего враждебную партию боярина Коснятина Микулича. Некоторые другие противники князя бежали в Суздаль к Юрию. Святославу помогал его главный и давний сторонник — посадник Якун Мирославич. Такая «злоба» вызвала гнев в Новгороде, против князя выступило вече. Хотя решение о его изгнании принято не было, Святослав понимал, что это дело времени, поэтому обратился к Всеволоду со словами: «Тяжело, брат, с этими людьми. Не хочу у них быть — пошли, кого тебе любо». Обеспечивая свою безопасность, Святослав вытребовал у новгородцев в заложники шестерых знатных бояр и отправил в цепях их и Коснятина в Киев к Всеволоду^{107}.

В феврале 1141 года Всеволод прислал брату весть, что отправляет в Новгород своего сына, его тезку Святослава. Когда об этом стало известно в Новгороде, горожане собрались на вече, в отместку за предшествовавшие «насилия» перебили часть сторонников князя и

отправили за Святославом Всеволодовичем в Киев большое посольство из бояр во главе с епископом. Святославу Ольговичу же настоятельно предложили: «Дождись брата, потом пойдешь». Однако новгородский тысяцкий и княжеский кум предупредил: «Княже, хотят тебя захватить». Святослав после всего случившегося, конечно, имел основания бояться, а потому ночью бежал из города вместе с женой, дружинниками, а также посадником Якуном и его братом Прокопием Мирославичами. Новгородцам удалось нагнать бояр — их избили до полусмерти, раздели и сбросили с моста в Волхов. Им чудом удалось выбраться. Вечевики признали, что «Бог упас», взяли с них больше тысячи гривен и, забив в колодки, отправили в Заволочье. Святослав же благополучно добрался до Полоцка, а оттуда направился в Смоленск. Вести о бегстве Святослава и расправах над партией Ольговичей достигли Киева задолго до его прибытия. Всеволод передумал было отпускать сына, но тут прибыло посольство во главе с Нифонтом и убедило его. Однако когда Святослав Всеволодович уже отправился в Новгород и по дороге заехал в Чернигов, из Новгорода прибыло новое вечевое решение. Всеволоду заявили: «Не хотим ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, а только племени Владимира». Разгневанный великий князь отозвал сына. Более того, он задержал послов и находившихся в Киеве новгородских купцов. Послы уговаривали Всеволода отправить к ним кого-то из Мстиславичей, но великий князь не менял гнев на милость несколько месяцев, Мстиславичам же передал в удел Берестье со словами: «Новгорода не берите, они сидят на своей силе — где какого князя сами найдут».

Между тем Святослав Ольгович возвратился на юг. Он рассчитывал вернуть себе Курск и Новгород-Северский, однако это не входило в планы Всеволода. Его гонцы перехватили брата в Стародубе. Переговоры «о волостях» в Киеве пошли не так, как ожидал Святослав. Разгневанный, он уехал от брата в оставшийся ему верным Курск. В конце концов Святослав нехотя согласился получить вместо Новгорода-Северского Белгород в Киевской земле, но обида осталась. Все попытки Всеволода навести на Руси свои порядки одна за другой терпели неудачу. Зимой 1141/42 года Игорь Ольгович, — возможно, сидевший в Новгороде-Северском, — подступил к Чернигову, пытаясь выгнать Владимира Давыдовича. Кузены «сотворили мир» без всякого участия великого князя, но раскол в доме Святославичей стал уже явным.

Всеволод же из-за новгородских дел погряз в войне с Юрием Долгоруким, сына которого в ноябре снова призвали озлобленные новгородцы^{108}.

Неудивительно, что в конечном счете великий князь поддался на уговоры жены, подученной братом Изяславом, и согласился отправить на север популярного у новгородцев Святополка Мстиславича. Пленных послов и купцов из Киева отпустили, Юрьевича новгородцы свергли, и 19 апреля 1142 года шурина Всеволода вступил в Новгород. Шесть лет борьбы Ольговичей за северную столицу Руси закончились практически безрезультатно^{109}.

И этим, конечно, усобица не завершилась. Всеволод не оставлял попыток перетасовать уделы родни и укрепить собственную власть. Когда 22 января 1142 года умер Андрей Владимирович Переяславский, Всеволод, отправив Святополка в Новгород, сам двинул войска на Туров. Он требовал от Вячеслава Владимировича перейти в Переяславль, уступив ему свой удел — это-де «киевская волость». Вячеслав вновь проявил покладистость и променял безопасный Туров на граничащую со Степью, хотя и более крупную Переяславскую землю. На Переяславль претендовал и Изяслав Мстиславич — но остался в своем Владимире. В Турове же великий князь посадил сына Святослава, лишившегося Новгорода.

Всё происшедшее вызвало ярость двух других Ольговичей. «Волости дает сыновьям, а братьев ничем не наделил», — рассуждали между собой Святослав и Игорь. Всеволод сохранял за собой северную часть черниговских владений, земли вятичей, чем тоже вызывал недовольство родни. Игорь рассчитывал, что ему достанется переяславский стол — а значит, в перспективе и Киев. Всеволод, узнав о роптании родственников, призвал к себе и Ольговичей, и Давыдовичей, снова желая сравить их между собой, чтобы обойтись малыми уступками. Но на этот раз его план не удался: Святослав пришел вместе с Давыдовичами. Игорь с дружиной встал отдельно от братьев, но тут же связался с ними. «Что дает тебе брат старейший?» — спросил Святослав. «Дает нам по городу — Берестье, Дорогичин, Черторыйск и Клецк, а своей отчины, Вятичей, не даст». Святослав скрепил союз с братом крестоцелованием, а на следующий день к нему присоединились и Давыдовичи.

Когда Всеволод пригласил братьев отобедать с ним в Киеве, они передали ему: «Ты сидишь в Киеве, а мы просим у тебя Черниговской и Новгородской (Северской. — С. А.) волости, а Киевской не хотим». Всеволод не уступал, предлагая братьям довольствоваться пожалованиями в Полесье. «Ты нам брат старейший, — ерничали Ольговичи и Давидовичи. — Раз нам не даешь ничего, то сами себе поищем». Братья подступили к Переяславлю и, осадив его, начали разорять окрестности. Однако тут они оказались одни против всей остальной Руси. Всеволод отправил Вячеславу свою рать; на помощь дяде прибыл Изяслав Мстиславич, который и отбил врага от Переяславля. После этого Ростислав и Изяслав Мстиславичи вторглись в чернигово-северские земли. Изяслав даже разорил окрестности Чернигова. Игорь с союзниками не стерпел обиды и после ухода Мстиславичей вновь выступил к Переяславлю. Но и вторая попытка взять город не удалась. После этого Всеволод при посредничестве Николая Святоши замирился с братьями, добавив к пожалованиям еще несколько малых городов Киевщины, и уговорил Давидовичей отступить от крестоцелования с Ольговичами. Разбив враждебную коалицию и одарив родню порознь, Всеволод, казалось бы, завершил распрю. Давидовичам достались, помимо Берестья и Дорогичина на Волыни, Вщиж и Ормина в черниговских землях; Игорь получил малые городки Киевщины — Городец, Юрьев и Рогачев, а Святослав — Клецк и Черторыйск. Вячеслав, посидев в Переяславле, просил великого князя забрать его из этого беспокойного удела и вернуть ему Туров. Всеволод согласился, пересадил в Переяславль успешно защитившего город Изяслава Мстиславича, а на Волынь отправил из Турова своего сына Святослава.

Ольговичи, и без того разозленные предательством Давидовичей, вышли из себя. «Любишь ты Мстиславичей, шурьев своих, а наших врагов, — упрекали они старшего брата, — обсажался ими нам на обезглавливание и безмestье, да и себе самому». Игорь и Святослав потребовали идти на Мстиславичей войной, но Всеволод отказался. В усобице наступило затишье, выгодное Мономашичам, вновь ставшим сильнейшим княжеским домом на Руси^{110}.

Передышка нужна была Всеволоду для улаживания внешних дел. В 1141 году он просватал свою дочь Звениславу за польского княжича Болеслава Владиславича, с отцом которого еще раньше заключил союз.

Польша тоже была охвачена междоусобной бранью. Великий князь Владислав враждовал со своими братьями Мешком и Болеславом. Всеволод, не успев завершить усобицу на Руси, вмешался в польскую, получив тем самым все основания рассчитывать на ответную услугу. В 1142 году Святослав Всеволодович по приказу отца ходил в Польшу с Изяславом Давыдовичем и Владимиром Галицким и вернулся с большим полоном^{111}.

Единственным в правление Всеволода годом, прошедшим для него мирно, был 1143-й. Великий князь наладил отношения с Полоцком, женив своего сына Святослава на Марии, дочери тамошнего князя Василька, и задав по этому поводу пир для «всех братьев» и польских свойственников. Изяслав Мстиславич, однако, не отстал от зятя и той же зимой заключил брачный союз с полоцким домом, отдав дочь за нового полоцкого князя Рогволода, преемника умершего Василька. Случилось это уже в начале 1144 года, и по этому поводу Всеволод гостил у Изяслава в Переяславле, не слишком искренне демонстрируя единение^{112}.

В 1144 году война между князьями возобновилась. На этот раз возмутителем спокойствия стал Владимирко Володаревич Галицкий. Когда-то он поддерживал великого князя против Мстиславичей, рассчитывая прибрать к рукам волынские земли. Теперь же во Владимире-Волынском сидел молодой Святослав Всеволодович, и между ними быстро возникла распря. Галицкий князь отказался признавать власть киевского, и Всеволод с Изяславом вынуждены были почти сразу после свадебного пира в Переяславле «сесть на конь против Владимирка». Изяслава Давыдовича послали за половецкой подмогой. К великому князю присоединились оба брата, Владимир Давыдович, Мстиславичи (Святополк не пошел сам, но прислал новгородскую дружину) и ряд мелких князей. Пришел и Владислав Польский, расплачиваясь за позапрошлогодную помощь. Однако рок продолжал преследовать все попытки Всеволода обуздать Русь. Владимирко, в свою очередь, заключил союз с венграми. Войска долго маневрировали, ища подходящее место для битвы, но ни одна, ни другая сторона не решалась начать бой. Когда создалась угроза Галичу, Владимирко обратился к Игорю Ольговичу с просьбой споспешествовать выгодному миру. «По смерти Всеволода помогу тебе с Киевом», — обещал он. Игорь стал просить брата за Владимирка, а

когда Всеволод заупрямился, заявил: «Не хочешь мне добра. Если предназначаешь мне Киев, то что же не даешь принимать сторонников?» Мир был заключен, великий князь получил от Владимирка за «труды» 1200 гривен серебра, и войска вернулись восвояси.^{113}.

Весной 1145 года Всеволод собрал в Киеве Ольговичей, Давидовичей и Изяслава Мстиславича и обратился к ним с речью, в которой обосновывал право великого князя самому назначать себе преемника: «Владимир посадил Мстислава, сына своего, по себе в Киеве, а Мстислав Ярополка, брата своего». На самом деле Всеволод теперь, как и всю жизнь, просто отстаивал право сильного распоряжаться тем, что ему досталось. «А вот и я говорю — если Бог возьмет меня, то я по себе даю брату моему Игорю Киев». Он потребовал от всех собравшихся целовать крест Игорю. К чести Всеволода стоит отметить, что Мономах и Мстислав в свое время подобными формальностями пренебрегли. Впрочем, это объяснялось просто — клятва была нужна именно потому, что Всеволод не доверял родне, даже ближайшей. Изяслава Мстиславича, надеявшегося получить свою «отчину и дедину» после захватчика-зятя, пришлось уламывать. Только вместе со всеми он принес присягу «на всей любви».

Тотчас после крестоцелования Игорь, наконец, полностью удовлетворенный, вызвался возглавить вместо старшего брата новый поход в Польшу в помощь Владиславу. Выступили оба Ольговича, Владимир Давыдович и Святослав Всеволодович. Изяслав Мстиславич — возможно, по совпадению — сразу после нерадостной присяги разболелся и потому идти с ними отказался. Первый этап похода был удачен: Игорь принудил братьев Владислава Изгнанника Мешко и Болеслава уступить тому четыре города, а ему самому отдать во владение город Визну на границе с Пруссией. Однако позднее под Познанью Владислав потерпел поражение и, потеряв все свои земли, вынужден был бежать в Германию. Всеволод уже не мог оказать помощь свойственнику.^{114}.

Весной 1146 года, пока Владислав еще воевал с братьями, Всеволод сам обратился к нему за помощью против Галича. Примирившись, наконец, с ближайшей родней, великий князь решил принудить к покорности Владимирка, возобновившего войну и вторгшегося в киевские владения. Собралась большая рать из русских,

поляков и половцев. Всеволод оставил в Клеве Святослава Ольговича и Изяслава Давидовича, а сам с Игорем, Владимиром Давидовичем, Мстиславичами, Вячеславом Владимировичем и сыном Святославом выступил на запад. Однако и этот поход не привел к покорению Галичины. Киевская рать не смогла захватить упорно сопротивлявшийся Звенигород-Галицкий, а затем разболевшийся Всеволод повернул войска. Недалеко от Вышгорода, в Острове, великий князь почувствовал приближение смерти. Он вызвал к себе Игоря и Святослава, созвал киевскую знать и обратился к ней с просьбой присягнуть Игорю. Бояре поклялись в верности, и «все кияне» на вече целовали Игорю крест, — но, как замечает летописец, были неискренни. (Всеволод, занявший город шантажом, по слабости Вячеслава, никогда не пользовался у его жителей особой любовью. Киевляне больше не хотели терпеть Ольговичей.) Затем Всеволод потребовал подтверждения крестоцелования от Давидовичей и Изяслава Мстиславича, причем к последнему послал своего зятя Болеслава. Все трое подтвердили, что признают Игоря князем. 1 августа 1146 года Всеволод скончался. Помимо взрослого сына Святослава, у него остался еще один, семилетний Ярослав. Игорь вступил в Киев, и киевляне вторично ему присягнули.^{115}.

Столица недолго сохраняла спокойствие. Вскоре горожане собрались на новое вече, вызвали князя и потребовали наказать двух чиновников Всеволода, а также дать обещание не чинить городу никакого насилия. Святослав Ольгович, говоривший с киевлянами от имени брата, целовал на том крест. Когда Игорь утвердил решение, вечевики бросились разорять дворы неугодных приближенных умершего князя. Игорь послал Святослава с дружинниками, и тот «едва успокоил» бунтарей — возможно, не только уговорами. Между тем Игорь потребовал от Изяслава Мстиславича подтвердить крестоцелование, но не получил ответа. А в Переяславль вскоре прибыло посольство от киевского веча с приглашением Изяслава на великокняжеский престол. Он не колебался — взял дружину и пошел к Киеву. Когда он переправился через Днепр, ему присягнули пограничные грады по реке Роси и черные клобуки, а потом Белгород и Василев. Затем прибыли и киевские бояре. Изяслав объявил свое право на киевский стол как дедовский и отцовский, верность же свою Всеволоду объяснил тем, что покойный был ему «поистине братом

старейшим, как брат и зять». Игорь обратился к Давидовичам за подтверждением клятв и помощью. Те согласились поддержать его на условии передачи им обширных земель. Игорь уступил, и Давидовичи вывели дружины в поле. Но к тому времени даже самые близкие к Всеволоду и потому ставшие доверенными Игоря киевские бояре — тысяцкий Улеб и Иван Войтишич, предводительствовавшие собранным в столице войском, — втайне переметнулись к Изяславу. Между тем Давидовичи, торжественно поцеловав крест и получив благословение у гробниц родни в Спасском соборе, выступили к Киеву. Их решимости хватило ненадолго; поняв, что киевляне князю неверны, Давидовичи воротились в Чернигов. У киевских валов полки Игоря встретились с войском Изяслава. Как только началась битва, киевское ополчение во главе с боярами повергло свои стяги и побежало. Игорь, Святослав Ольгович и оставшийся верным дядьям Святослав Всеволодович вынуждены были и сами обратиться в бегство. Игорь скрылся на болотах, потерял коня, позже попал в плен и был заточен в окопах в Выдубицком монастыре. Его киевское княжение продлилось лишь две недели. Святослав Ольгович, теперь неожиданно ставший главой Ольговичей, спасся с поля боя и бежал в Чернигов. Святослав Всеволодович сначала укрылся в монастыре Святой Ирины, но потом был выведен оттуда к Изяславу — тот обласкал племянника и «начал водить его подле себя». Со Святославом Ольговичем в Чернигов ушла лишь «малая дружина» — большинство воинов пали, многие угодили в плен^{116}.

В Чернигове Святослав Ольгович не задержался. Он лишь напомнил Давыдовичам о крестном целовании и потребовал помощи. Братья обещали. Тогда Святослав, оставив в Чернигове боярина Коснятку, отправился в свои прежние владения в Северной земле. Курск, а затем и Новгород-Северский приняли князя. В последнем Святослав остался ожидать вестей из Чернигова. Вести пришли — но не те, на которые он надеялся. Коснятко сообщил, что Давыдовичи сговорились с Изяславом заманить и пленить Святослава. Действительно, братья поспешили замириться с новым великим князем, заявив: «Игорь тебе зло такое же, как и нам». Когда Давыдовичам стало ясно, что сговор открылся, они открыто потребовали от Святослава перейти из Новгорода в Путивль и не настаивать на освобождении брата. «Ни волости не хочу, ни иного чего,

— ответил Ольгович, — только брата мне отпустите». Давидовичей это не устраивало; они согласились оставить Святославу Новгород, лишь бы он поклялся «не просить и не искать брата».

Столкнувшись с таким предательством ближайшей родни, Святослав, по словам летописца, «прослезился». Последствия были весьма угрожающими для Изяслава и его союзников. Северский князь мог противопоставить им только одну реальную силу. Его послы отправились в Суздаль, ко двору Юрия Владимировича: «Брата Всеволода Бог забрал, а Игоря взял Изяслав. Пойди в Русскую землю, в Киев, помилосердствуй, — мне возвратишь брата, а я тебе здесь, надеясь на Бога и силу животворящего креста, буду помощником». Именно с этого момента становятся «долгими» руки суздальского князя — из своего далека решил он протянуть их к Киеву...

Но пока Юрий раздумывал, требовались иные союзники. К Святославу присоединились два князя-изгоя — двоюродный племянник Владимир Святославич из Рязани, сбежавший от своего родного дяди Ростислава Ярославича^[7], и Иван Берладник. Последний, прославленный на Руси авантюрист из галицкого семейства, когда-то был призван в Галич горожанами, бежал от вернувшего себе стол Владимирка в Киев к Всеволоду, а теперь был нанят его братом. Это было небольшое прибавление сил, и Святослав пошел уже проторенным путем — призвал на помощь своих половецких дядьев, ханов Тюнряка и Камоса Осолуковичей. Они наспех собрали и привели еще три сотни воинов — слишком мало. Между тем Давидовичи подстрекали Изяслава Мстиславича к скорейшему выступлению против Святослава. Они надеялись присвоить Северщину и владеть вдвоем всеми землями княжества. Изяслав встретился с Давидовичами и поручил им возглавить поход, придав в помощь сына Мстислава с переяславцами и берендеями. Сам он обещал подойти в том случае, если война затянется. С налета Новгород-Северский действительно взять не удалось. Князья принялись разорять окрестности, ожидая подхода Изяслава Мстиславича.

Святослав же вновь послал к Юрию в Суздаль. К тому времени клан Мономашичей опять раскололся. И Вячеслав, и Юрий считали, что имеют меньшие права на великокняжеский трон, что соответствовало действительности. Вячеслав уже начал войну с племянником. Потому и Юрий целовал крест Святославу на том, что

будет «искать для него Игоря», и выступил к Новгороду-Северскому. Прознав об этом, Изяслав Мстиславич двинул туда свои полки, поручив отвлечь Юрия своему брату Ростиславу Смоленскому и Ростиславу Муромскому. Юрий был вынужден защищать свои земли, а к Новгороду отправил сына Иванка. Святослав обрадовался и этому, обещав отдать сыну союзника Курск и Посемье. На время ему удалось убедить Давидовичей удовлетвориться грабежом и отступить от Новгорода-Северского.

Но это была лишь передышка. 25 декабря 1146 года Давидовичи и Мстислав подошли к Путивлю. Вскоре к ним присоединился и великий князь со своей ратью, после чего упорно сопротивлявшийся город сдался на крестоцелование. Изяслав разграбил тамошний двор Святослава. Святослав же понимал, что не сможет в Новгороде-Северском противостоять киевской рати. Князья-союзники и дружина посоветовали ему покинуть город и бежать в «лесную землю», на вятичский север, и оттуда связаться с Юрием. Святослав, послушав совета, бежал в Карачев. Лишь часть дружинников последовала за князем^{117}.

К тому времени Святослав Ольгович был уже отцом семейства — его сопровождала не только жена, но и дети (очевидно, имеются в виду старший сын Олег и две старшие дочери), и жена его брата Игоря, которая, видимо, не успела прибыть к мужу в Киев. Великий князь, узнав о бегстве противника, послал вдогонку Изяслава Давыдовича с трехтысячной дружиной. Преследователи отправили на разведку берендеев, трое из которых были захвачены союзными Святославу половцами. Так он узнал о приближении врага. «И было Святославу, — говорится в летописи, — либо дать жену, и детей, и дружину в полон, либо голову свою сложить». Посоветавшись с союзниками и дружинниками, он решил принять бой. Битва произошла у Карачева 16 января 1147 года. Войско Изяслава Давыдовича было обращено в бегство. Изяслав Мстиславич, шедший следом, узнав о поражении тезки, «больше разжег сердце на Святослава — был ведь храбр и крепок на рати». Когда к Карачеву подошло, собрав к себе остатки разбитого авангарда, всё великокняжеское войско, Святослав счел за лучшее бежать дальше. Изяслав Мстиславич не стал преследовать его в лесах, а повернул к Киеву, оставив завоеванное в управление

Давыдовичам на условии передачи ему всего принадлежавшего Игорю Ольговичу и доли от причитавшегося Святославу.

В Киеве болезненный вопрос о судьбе Игоря Ольговича решился сам собой: тот, расхворавшись в заточении и опасаясь за свою жизнь, попросил разрешения постричься в монахи. Изяслав заявил, что и без этого выпустил бы больного родича, но готов помочь в осуществлении его намерения. Игорь был пострижен и поселен в киевском монастыре Святого Феодора.

Между тем Давыдовичи продолжили преследование Святослава Ольговича. К ним присоединился Святослав Всеволодович. Этот молодой князь в те годы (положа руку на сердце, и в многие последующие) был еще весьма далек от величественного образа, созданного автором «Слова о полку Игореве». Прикормленный Изяславом, он несколько месяцев верно служил обидчику своего рода, безропотно променял полученный от отца Владимир-Волынский на скромное бужское княжение, участвовал в войне с Вячеславом. Но воевать против родного дяди он не желал. Из Карачева он тайно отправил тезке весть о возвращении великого князя в Киев и о намерении Давыдовичей объединиться с Ростиславом Смоленским для захвата Вятичской земли. Давыдовичи между тем дошли до Дебрянска (нынешнего Брянска) и встали тут. На Козельск, где находился беглый князь, должен был идти Святослав Всеволодович, но дал дяде время покинуть город. Тот перемещался из одного города в вятичском порубежье в другой, ожидая помощи от Юрия. Иван Берладник предал нанимателя, отправившись к Ростиславу Смоленскому. Но в Колтеске к Святославу Всеволодовичу, наконец, подошла подмога от Долгорукого — тысяча воинов, с которыми он собрался идти на Дедославль, главный город вятичей, где тогда находились Давыдовичи. Напуганные братья собрали вятичей на вече, поручили им «ловить» беглого князя и вернулись в Чернигов.

С падения Игоря не прошло и года, а ветер усобицы уже менялся в сторону Святослава и его могущественного союзника. Той же зимой Юрий выбил из Рязани Ростислава Ярославича и тот бежал к половцам. Святослав, «ловить» которого вятичи не спешили, получил возможность отпустить своих половецких союзников, богато одарив их. Еще лишь одно горе настигло союзников той зимой — 24 февраля умер Иванко Юрьевич, болезнь которого, собственно, и не позволила

Святославу сразу пойти на Давидовичей. Юрий прислал за телом сына двух его братьев, которые и отвезли умершего в Суздаль. Сам Святослав поднялся по Оке до устья Протвы и остановился в городе Лобыньске. Здесь к нему пришли посланцы суздальского князя, передавшие его слова: «Не тужи о сыне моем, раз уж его Бог взял. А я другого сына тебе пришлю». Юрий послал щедрые подарки союзнику, его жене и дружинникам. Можно не сомневаться, что это было как нельзя кстати — за этот год Святослав растратил немало^{118}.

По весне 1147 года Юрий двинул дружины в Новгородскую землю против Святополка Мстиславича, а Святославу велел идти на смоленские владения Ростислава Мстиславича. Тот отправился вверх по Протве и захватил в полон на поживу дружине плативших дань Ростиславу жителей этих мест из балтского племени галиндов (голяди). Юрий, к тому времени вернувшийся из своего набега, призвал Святослава: «Приди ко мне, брат, в Москов». Это первое упоминание города Москвы (кстати, вопреки распространенному заблуждению, в древнейшей версии этого летописного рассказа стоит именно «в Москов» — в город, а не «на Москву» — на реку). Святослав послал вперед сына Олега с экзотическим подарком для союзника — барсом (любопытно, что он нашелся у князя-беглеца), а сам поехал следом с малой дружиной и рязанцем Владимиром. 4 апреля 1147 года князья встретились в Москве. Юрий задал в честь Святослава пышный обед и почтил союзника, вновь щедро одарив его со спутниками. Договорились, что один из сыновей Юрия поможет Святославу отвоевать Северскую землю, после чего Святослав вернулся в Лобыньск, откуда выступил в поход. Под городом Неринском к нему присоединилась небольшая подмога от половецких дядьев — 60 степняков во главе с крещеным половцем Василем. Сами же Осолуковичи обещали в случае нужды подойти с большим войском.

Между тем перебежчики с юга сообщили Святославу, что Давыдовичи далеко — Владимир в Чернигове, а Изяслав в своем стольном Стародубе. Святослав смелее продолжил поход, а у Дедославля к нему присоединились союзные половцы из орды Токсобичей. Их он отправил в смоленские земли — разорять верховья реки Угры. Узнав о появлении Святослава Ольговича, назначенные в вятичские земли посадники Давыдовичей бежали. Брянск, Мценск и другие города один за другим сдавались Святославу. Вскоре у него под

рукой были не только поокские территории, но и значительная часть Подесенья. Тут подошли и Осолуковичи, а также бродники — русская степная вольница, привлеченная смутой. Теперь в распоряжении Ольговича имелись действительно большое войско и немалые ресурсы. А на подходе был еще Глеб Юрьевич с суздальской подмогой. Изяслав Давыдович, прибывший в Новгород-Северский для организации отпора, поспешил бежать в Чернигов. В Мценске Святослав объединил все союзные рати и двинулся дальше. В селе Спашь его встретили послы от Давыдовичей и находившегося при них Святослава Всеволодовича. Последний, очевидно, и подсказал двоюродным дядьям наилучший выход. Все дальнейшие его действия уже обнаруживают в нем талантливое политика, хотя и показывают его не с самой лучшей стороны. «Не имей на нас в случившемся обид, — умоляли Ольговича посланцы, — будем все как один муж и не помянем зла нашего. Крест нам целуй, а отчину свою возьми — что взяли твоего, то возвратим». На том и порешили^{119}.

Но теперь следовало предпринимать следующие шаги. Давыдовичи отправили вестников к Изяславу Мстиславичу в Киев, обманно призывая его идти вместе с ними на Святослава и Юрия. Святослав Всеволодович явился к дяде и попросил послать его с передовым отрядом: «Отче,пусти меня в Чернигов вперед. Там жизнь моя вся. У братии моей, у Владимира и Изяслава, хочу волость просить». Великий князь согласился, и Святослав увел в Чернигов часть дружины. Оттуда вскоре прибыло новое посольство с отчаянным призывом к князю: «Земля наша погибает, а ты не хочешь идти». Бояре отговаривали Изяслава доверять Давыдовичам, но князь полагался на их крестоцелование (несмотря на то, что годом ранее они легко преступили клятву — правда, в его пользу). В итоге часть бояр отказалась идти под благовидным предлогом нежелания воевать с «Владимировым племенем» в лице Юрия. Но Изяслав всё же выступил со «множеством воинов», оставив в Киеве своего брата Владимира. Он все-таки отправил в Чернигов разведать обстановку бывшего тысяцкого Улеба, предавшего Игоря и потому крепко повязанного с новым великим князем. Как выяснилось, эта предосторожность была нелишней. Улеб вскоре выяснил, что и Давыдовичи, и Святослав Всеволодович находятся в сговоре с Ольговичем и сговариваются с

Юрием, а Изяслава зазывают в Чернигов, только чтобы коварно убить или пленить его.

Изяслав немедленно повернул назад и отправил к Давидовичам посольство с такими гневными и пафосными речами, какие только мог измыслить недавний клятвопреступник и союзник клятвопреступников, теперь ими же преданный. Посол потребовал от Давидовичей целовать крест повторно, а когда те дважды отказались, прямо обвинил их в заговоре. Князья некоторое время молчали, затем выставили посла за дверь и начали совещаться. Наконец они придумали, как сохранить лицо, и заявили: «Целовали мы крест Святославу Ольговичу — ведь нам жаль брата нашего Игоря. Он же уже чернец и схимник. Так отпусти брата нашего, а мы поедem подле тебя. Или тебе братья не любы — кабы мы брата твоего держали?» Изяславу Мстиславичу, получившему такой ответ, ничего не оставалось, кроме как самому разорвать крестоцеловальный договор — не преминув напомнить при этом Давидовичам обо всём, что они вместе с ним творили на Черниговщине.

Изяслав связался с братьями в Смоленске и Новгороде, а также дал сигнал Владимиру Мстиславичу, чтобы он поднимал ранее отказавшихся выступить киевлян. Тот обратился к киевскому вечу с призывом выступить против Ольговичей и Давидовичей. Но призыв этот возымел неожиданное действие. Толпа бросилась к монастырю Святого Феодора, чтобы расправиться с Игорем Ольговичем. Владимир и некоторые бояре пытались остановить киевлян. Владимир вывез Игоря из монастыря, где его едва не растерзала толпа, и сам чуть не погиб. В конце концов Игоря все-таки схватили и после побоев и глумления прикончили. Гибель беззащитного князя-монаха, которого запомнили, при всех его бывших прегрешениях, «добрым и поборником отечества своего», потрясла многих. Позже он был причислен к лику святых. Но пока в киевлянах обреталось мало милосердия и трепета. «Не мы его убили, — говорили они, — а Ольгович, Давидовичи и Всеволодович, что мыслили на князя нашего. Но Бог за нашего князя и святая София». Киевская летопись повествует, что ночью над телом Игоря, положенным в церкви Святого Михаила, сами собой зажглись свечи...^{120}.

Владимир Давидович первым из родни узнал о гибели Игоря и тут же сообщил Святославу. Тот объявил о происшедшем своим боярам «и

плакался горько по брате своем». Но война не ждала — и теперь в ней добавилось ожесточения. Глеб Юрьевич привел Святославу новое подкрепление из Суздаля и пошел с ним на Курск. Куряне отказались сражаться за сидевшего у них Мстислава Изяславича и приняли посадника от Глеба. Затем при помощи Святослава Глеб занял Посемье. Здесь к союзникам присоединились сначала «многие» половцы, затем Святослав Всеволодович и, наконец, Изяслав Давидович. Вместе они двинулись дальше, захватывая небольшие города и угрожая Переяславлю. Изяслав Мстиславич выступил против них, на соединение с ним по Днепру спустился брат Ростислав, сжегший по дороге Любеч. Узнав об этом, большинство половцев ушли к себе в степь, а князя повернули к Чернигову. Мстиславичи пошли вслед за ними, захватывая порубежные грады, но, будучи отбиты под Глеблем в окрестностях Чернигова, вернулись в Киев. В начале зимы Давыдовичи и Ольгович послали вновь примкнувших к ним половцев воевать Киевщину.^{121}

Весной 1148 года Изяслав Мстиславич вновь двинул полки на Чернигов. К этому времени он успел принудить к миру Глеба Юрьевича, заперев его в Городце; впрочем, Глеб тут же отправил гонцов к Владимиру Давидовичу, упрекая того в бездействии и подтверждая верность. На помощь Чернигову, однако, суздальцы теперь не пришли. Изяслав с киевскими, туровскими и волынскими войсками, берендеями и союзными венграми стоял под Черниговом три дня. Давыдовичи и оба Святослава сидели в городе, не решаясь выйти на бой. Тогда Изяслав отошел к Любечу, рассудив, что в этом родовом замке «вся жизнь» черниговских князей. То ли по этой причине, то ли потому, что отступление киевлян позволило подойти союзникам — рязанским князьям и половцам, черниговцы действительно вышли следом к Любечу. Однако теперь уже Изяслав отказался от битвы — не решившись сражаться спиной к Днепру, на котором начался ледоход, он поспешил переправиться на правый берег и вернуться в Киев. Черниговские князья тоже разошлись по своим городам, однако вскоре Владимир Давыдович призвал к себе обоих Святославов, чтобы заявить, что дальше продолжать войну не может. К Юрию отправили посольство с упреками за недостаточную помощь Чернигову и угрозой разорвать союз, если он не явится на юг. Юрий отправил вместо себя старшего сына Ростислава, однако тот, недовольный отцом, сразу же

перешел на сторону Изяслава Мстиславича, который позже выгнал ради него из Городца его брата Глеба.

В этих условиях даже Святослав Ольгович не готов был продолжать войну. Прибывшее в Киев посольство передало его примирительные слова: «Так было при дедах наших и при отцах наших — мир стоит до рати, а рать до мира. Ныне же не обижайся на нас за то, что мы устали на рати. Ведь нам жаль брата нашего Игоря, — того лишь добивались, чтобы отпустил ты брата нашего. Уже брат наш убит, пошел к Богу, а там нам всем быть. То Божья воля — а нам доколе Русскую землю губить? Лучше бы поладить». После пересылок с Ростиславом Смоленским великий князь согласился замириться на условиях сохранения границ и прощения крови Игоря. В Спасском соборе Чернигова все четверо князей присягнули перед белгородским епископом Феодором и печерским игуменом Феодосием «вражду из-за Игоря отложить, Русскую землю блюсти, и быть всем как один брат». Осенью у Городца Давыдовичи встретились с Мстиславом Изяславичем Переяславским, затем к ним присоединились сам Изяслав и Ростислав Юрьевич. Обсуждалась война против Юрия. Изяслав был оскорблен отсутствием обоих Святославов и попрекнул Давыдовичей. Те ответили: «Что ни брат Святослав не приехал, ни сын твоей сестры — то так и есть. А мы все крест целовали на том, что где твоя обида будет, там мы будем с тобой». Постановили, что Давыдовичи и Святослав Ольгович будут прикрывать от Юрия Вятческую землю — это была задача довольно безопасная и почти нейтральная. Стремясь привязать Ольговича крепче, Ростислав Смоленский попросил руки его дочери для своего старшего сына Романа. Невеста отправилась из Новгорода-Северского 9 января 1149 года. Так между Мономашичами и Ольговичами был заключен еще один родственный союз — не более надежный, чем предыдущие, как показал уже следующий год^{122}.

Кампания Изяслава против Юрия не принесла решительной победы. Киевские, новгородские и смоленские рати вернулись к весне в свои города. А в июле уже сам Юрий двинулся на юг, призвав на помощь половцев. Сначала он вторгся именно в землю вятичей, справедливо рассудив, что особого сопротивления здесь не встретит. Владимир Давыдович и Изяслав Мстиславич обменялись посольствами с заверениями во взаимной верности. Но дальше дело не пошло, ибо Владимир вовсе не рвался защищать рубежи, а советовал обратиться к

владевшему ими Святославу Ольговичу. К последнему явились послы Изяслава и Давидовичей с просьбами о помощи. Реакцию Ольговича можно было предвидеть. Он неделю держал послов под стражей, не допуская никаких сношений, а тем временем сам связался с Юрием: «Вправду ли идешь? Подтверди мне, что не погубишь волости моей и на меня тягот не наложишь». Юрий ответил утвердительно, и Святослав отослал от себя послов Изяслава со словами: «Верни мне добро брата моего, сколько захочешь, а я с тобой буду». Давидовичам он сообщил о происшедшем без обиняков, а те передали его слова Изяславу. Тот обрушился на Святослава с обвинениями в нарушении крестного целования, но в ту усобицу на подобные упреки уже перестали обращать внимание.

Шестого августа 1149 года Святослав Ольгович прибыл на встречу с Юрием к городу Ярышеву. Святослав дал обед в честь новообетенного союзника. Жена Святослава была на сносях и утром следующего дня родила дочь, названную Марией. Об этом летопись сообщает как бы между делом — князя занимали более важные дела. Сразу вслед за записью о рождении девочки следуют слова, в тот же день обращенные Святославом к Юрию: «Иди, брат, на Изяслава. Он ворог всем нам и брата нашего убил».

Юрий сразу же выступил в поход, Святослав догнал его чуть позже — очевидно, когда княгиня с новорожденной смогла поехать за ним.

Юрий и Святослав обратились к Давидовичам с предложением соединить силы. Однако те вновь обвинили Юрия в неказании помощи и сослались на крестоцелование Изяславу. «С душою не можем играть», — заявили Давыдовичи, забыв, вероятно, о двух своих предыдущих «играх». Затем они сообщили новости Изяславу. Юрий и Святослав некоторое время простояли у границ Переяславского княжества, собирая к себе половцев и ожидая переговоров от напуганного, по их мнению, Изяслава. Однако Изяслав к дяде никого так и не послал, и Юрий со степняками пошел к Днепру. На реке Супой к нему присоединился Святослав Всеволодович — тому, по словам летописца, не хотелось второй раз предавать Изяслава, но верность Ольговичу, главе рода, оказалась сильнее. Войска Юрия подступили к Переяславлю. Туда же собрался и Изяслав, еле уговоривший киевлян, не желавших воевать с Юрием, выступить в поход. К великому князю из Чернигова подошел на помощь Изяслав Давыдович. 23 августа

произошло сражение. Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович командовали полком левой руки, стоя против самого Изяслава. Воины Мстиславича частью обратились в бегство, частью же просто отказались биться. Изяслав Давыдович тоже бежал, хотя и не в числе первых. Что касается великого князя, то он прорубился через полк Ольговича, но увидев общее бегство, вынужден был отступить. Юрий вошел в Переяславль, жители которого приветствовали его, а затем двинулся к Киеву. Изяслав Мстиславич, взяв жену и детей, отправился на Волынь. Так Юрий Долгорукий впервые стал киевским князем, а Ольговичи отчасти рассчитались за потерю киевского стола и смерть брата^{123}.

С черниговцами Юрий расплатился сполна. Он призвал к себе Владимира Давыдовича и, не поминая лиха, принял от него изъявление покорности. Святослав Ольгович потребовал своей «отчины» — Курска и Посемья — и тотчас получил ее. Более того, Юрий передал ему Сновск, которым раньше владел Изяслав Давыдович, а также обширные владения на правом берегу — Слуцк, Клецк и земли дреговичей по Припяти^{124}. На том участие чернигово-северских князей в войне на время прекратилось — они вернулись в свои владения и уже не участвовали в походе Юрия на Волынь, закончившемся краткосрочным примирением с племянником. Вместе с тем Святослав Ольгович оставался для Юрия наиболее надежным союзником. В начале 1150 года Юрий выдал одну свою дочь замуж за Олега, сына Святослава^[8], а другую — за Ярослава, сына другого своего союзника Владимирка Галицкого^{125}.

Оба брачных союзагодились Юрию уже в том же году, когда Изяслав возобновил войну и при поддержке киевского боярства выбил дядю из Киева. Юрий сразу обратился за помощью к Давыдовичам, Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу, и они примкнули к нему. Одновременно с запада с большой ратью двинулся на Киев Владимирко. Изяслав, потерпев от него поражение и узнав о приближении Юрия с черниговцами, вновь бежал из Киева. Под стенами Киева Юрий и его союзники встретились с Владимирком «и целовались, не сходя с коней». Вдогонку за Изяславом отправили Святослава Всеволодовича и Бориса Юрьевича, но те его не настигли. Юрий снова вошел в Киев. Запоздало явились к Переяславлю половцы — и стали грабить округу. Пришлось отправлять Святослава

Всеволодовича, а затем и Андрея Юрьевича «укротить их и вернуть вспять». С большим трудом степняков уговорили уйти^{126}.

Новое затишье дало возможность Святославу Ольговичу достойно похоронить Игоря. Его останки уже тогда начинали почитать как святые мощи. Святослав забрал тело брата из Киева и перевез в Чернигов, где упокоил рядом с родичами в Спасском соборе. Над погребением князя-мученика возвели навес-«терем»^{127}.

Тем временем Изяслав вновь двинулся к Киеву, заручившись помощью венгров. Ему удалось на этот раз взять верх над не успевшими объединиться Юрием и Владимирком и снова захватить стольный город. Такого еще не было — за год три раза сменялись в Киеве князья, причем один из них вступал в город дважды. Всё более унылая и бессмысленная, кажущаяся бесконечной распря — такова была историческая сцена Руси, когда на ней появился второй сын Святослава Ольговича.

Глава пятая.

ДИТЯ УСОБИЦЫ

6659 год от Сотворения мира, наступивший в марте 1151-го по нынешнему счислению, начинался тревожно и для всей Руси, и для малой ее части — Северского княжества. Изяслав Мстиславич вновь обосновался в Киеве. По весне он вызвал из Турова теперь союзного Вячеслава Владимировича и разделил с ним власть, тем самым снимая с себя обвинения в захвате стола у сыновей Мономаха. Владимирко возвратился в Галич, но продолжал угрожать Киеву. Старыйновый великий князь готовился к большой войне. Отправляя венгров обратно на родину, Изяслав послал к своему зятю-королю Гейзе III сына Мстислава — с благодарностями и напоминанием о родственном долге. В течение весны Изяслав ожидал нового подкрепления, обещая когда-нибудь при необходимости помочь своими воинами. Князь раздумывал о новой войне: «Юрий силен, а Давыдовичи и Ольговичи с ним, да и половцы дикие с ним — он их золотом приманивает». Кроме того, Изяслав и Вячеслав отправили посольства к Ростиславу Смоленскому — сообщить о захвате Киева, подтвердить его право на княжение и заручиться его поддержкой^{128}.

Святославу Ольговичу от вокняжения Изяслава Мстиславича в Киеве ничего хорошего ждать не приходилось. Если Изяслав в послании венгерскому королю заявлял, что опасается представителей черниговского княжеского дома, то и им, в свою очередь, было неспокойно. Можно было ожидать, что Изяслав не простит ни союза с Юрием, ни нарушения клятвы. Давыдовичи, в чьей продажности и преклонении перед силой Русь всего за несколько лет убеждалась неоднократно, еще могли сохранить свои столы, но на лояльность Святослава, не смирившегося кровника, к тому же приходившегося теперь сватом Юрию Владимировичу, рассчитывать не приходилось. Если Изяславу удастся сохранить киевский стол, то Святослав вряд ли сможет удержать за собой северский. Одно это — достаточная причина для участия в войне.

В конце Великого поста в Чернигов прибыли послы Юрия, привезшие его послание Давыдовичам и Святославу Ольговичу: «Вот,

Изяслав уже в Киеве, так идите мне в помощь». Святослав в Новгороде северском узнал об этом призыве 2 апреля. Был понедельник Страстной недели, времени строжайшего поста, когда христианину стоило бы воздержаться от выступления в поход. К тому же жена князя вот-вот должна была родить. Но Святослав не стал дожидаться ни Пасхи, ни появления на свет ребенка — в тот же день выступил к Чернигову с дружиной. Не исключено, что он взял с собой и жену; по крайней мере, в 1149 году княгиня на сносях сопровождала его в поездке на снем^[9] к Юрию.

Сын появился на свет на следующий день после выступления в поход. Новорожденного, как почти всех русских князей в ту пору, нарекли двумя именами. Первое, «мирское» или «княжеское» — Игорь. Одно из старейших в роду Рюриковичей, оно было с очевидностью дано в честь мученически погибшего и всё более чтимого черниговцами дяди Игоря Ольговича. В крещении младенца назвали Георгием. Здесь, вероятно, сошлись три причины, в совокупности коих Святослав Ольгович вполне мог увидеть' Божий знак — благословение своему походу. Во-первых, на 4 и 7 апреля приходились дни почитания двух святых Георгиев — византийских подвижников Георгия Малеина и Георгия Митиленского. Во-вторых, Георгием в крещении, вероятно, звали Игоря Ольговича, необходимость отмщения за которого была для Святослава главным оправданием участия в этой войне. В-третьих, сын родился в походе на помощь Юрию — опять же Георгию в крещении.

Рождение сына, надо думать, всё же несколько задержало князя. Пасху он встретил еще на пути к Чернигову, в городе Блестове. Уже оттуда его рать без остановок двинулась к столице княжества и здесь соединилась с Владимиром Давидовичем.

Давыдовичи между тем задумали новую рискованную, но по-своему выгодную игру. На этот раз они не стали складывать все яйца в одну корзину. Владимир, исполняя союзный долг, вместе со Святославом посадил дружины в ладьи и по Днепру отправился к Юрию, стоявшему ниже по реке в Городце. Одновременно Изяслав, некогда сражавшийся вместе с киевским тезкой под Переяславлем, пошел со своими воинами к нему в Киев. Таким образом, кто бы ни одержал верх, это было бы сделано при помощи Давыдовичей и они могли надеяться сохранить Чернигов — при условии, что оба останутся живы.

У Городца князья-союзники встретились. С Юрием уже был Святослав Всеволодович, во всем подражавший дяде-тезке. К Изяславу же Мстиславичу, помимо части черниговцев, пришла гораздо более существенная подмога — Ростислав Смоленский со «множеством» войск. Усобица шла по накатанной за прошлые годы колее. Вновь Юрий двигался к Киеву, собирая под свои знамена половцев, Изяслав же готовился к обороне.

Правда, на этот раз подступиться к Киеву было сложнее. Войска Юрия шли по левому берегу Днепра либо плыли по Днепру в ладьях. Изяславу удалось, раз за разом срывая попытки переправиться на правый, киевский берег, навязать врагам речное сражение. «Речной флот» киевлян и смолян оказался более многочисленным и сильным. Не сумев переправиться севернее Киева, у устья Десны, союзники решили обойти Киев с юга, по Витичевскому броду. При этом они не рискнули пустить ладьи в виду Киева даже вдоль своего берега — и потеряли время, выводя их в озеро и затем таща волоком. Оба Изяслава и Ростислав тем временем угадали замысел врага и опередили Юрия у брода. Вновь началась речная битва, в какой великий князь показал себя более умелым. У полководцев нарастало раздражение. По одной версии, Юрий, посоветовавшись с сыновьями, призвал к себе Владимира Давыдовича, Святослава Ольговича, Святослава Всеволодовича и половецких ханов. «Вот, братия, — обратился он к союзникам, — стоим мы тут, а чего стоим-то? Лучше улучим время, захватим брод Зарубский и перейдем на ту сторону». По другой же версии, мысль оставить войско Юрия у Витичева, а самим отправиться к Зарубу с половцами, пришла дяде и племяннику Святославам.

Так или иначе, на том и порешили. Один из сыновей Юрия и Святослав Всеволодович со всеми половцами отправились к Зарубскому броду. За ними шел Святослав Ольгович с дружиной, а следом готово было выступить и всё войско. Степняки, увидев на той стороне лишь небольшую сторбжу, ринулись в реку, «покрыли Днепр множеством воев». Сторбжа в ужасе бежала к Изяславу, а вслед за половцами переправились в ладьях Ольговичи со своими дружинами. Оказавшись на той стороне, два Святослава отрядили гонца к Юрию: «Иди быстро — уже перешли Днепр, как бы не ударил на нас Изяслав». Юрий и Владимир, неприметно погрузившие войско в ладьи,

благополучно переправились. Узнав об этом, Изяслав с союзниками предпочел отступить в Киев.

Здесь собрался военный совет. Изяслав и Ростислав хотели вновь идти на врага и принять битву там, где найдут его, но остальные во главе с Вячеславом и ханами «черных клобуков» отговорили великого князя. Решено было стянуть все силы к Киеву и принять бой у его стен. Когда войска изготовились к бою, Вячеслав отрядил посла к стоявшему у Василева Юрию — «управить свое старейшинство». Но переговоры ни к чему не привели. Все ссылки Вячеслава на законное старшинство, невзгоды христиан и желание блага Русской земле пропали втуне. Юрий, как и все, прекрасно понимал, что Вячеслав — марионетка Изяслава, и резонно возразил: «Я тебе, брат, кланяюсь. Так, право, и есть, как ты молвишь, — ты мне как отец. Если хочешь со мной договариваться, пусть едет Изяслав во Владимир, а Ростислав в Смоленск, — а мы договоримся». Вячеслав в ответ посоветовал Юрию отпустить восвояси Ольговичей, а самому «ехать в свой Переяславль и Курск и со своими сынами — благо, у тебя и Ростов Великий есть». Но на это Мономашич, конечно, не согласился. Вячеслав это предвидел — отправляя последнего посла, он уже, возрев на икону Благовещения над Золотыми воротами Киева, призвал на младшего брата суд Богородицы и Христа.

Передовые отряды сошлись на реке Лыбедь и принялись обмениваться выстрелами из луков. Это стояние, однако, продлилось не дольше суток — обе стороны получили известия, что с запада приближается Владимирко с сильным галицким войском. Юрий отступил на Перепетово поле, надеясь на подход союзника; Изяслав двинулся следом. Ситуация менялась не в его пользу, и он хотел либо мира, либо немедленной битвы. Новые переговоры ни к чему не привели. Юрий, видя упорство племянника и не желая сражаться до подхода галичан, был готов хотя бы к временному перемирию. Но Ольговичи и половцы не желали мириться и требовали сражения, «ибо скоры были на кровопролитие». К тому же в перестрелке на Лыбеди погиб один из половецких ханов.

Не достигнув мира, Юрий отошел за реку Рут и продолжал избегать битвы, несмотря на все усилия преследовавших его почти по пятам киевлян. Наконец 17 июля 1151 года на Малом Рутце Изяславу удалось настичь уходящий обоз противника. Юрий и другие князья

поняли, что придется сражаться, и развернули полки. Битва была короткой, но ожесточенной. Изяслав Мстиславич вломился во вражеский строй впереди своего войска, был ранен в руку и сбит с коня. Однако киевляне и смоляне продолжали натиск — и рать Юрия дрогнула. Первыми побежали, «ни стрелы не пустив», половцы, а за ними обратились в бегство Ольговичи. Юрий с детьми отступил последним. В Руте потонули многие бежавшие воины. Погибло несколько половецких ханов, другие попали в плен. Пал в битве и Владимир Давыдович Черниговский. Летописец называет его «добрым и кротким». Должно быть, для этого имелись какие-то основания, но нам они совершенно неизвестны. Разве что бесконечная цепь совершенных им предательств родни и союзников объяснялась каким-то особенным миролюбием, стремлением спасти от разора свою отчину...

Сам едва не погибший сначала от рук врагов, а затем от нашедших его и принявших за знатного неприятеля собственных воинов Изяслав Мстиславич, не залечив ран, сел на коня и поехал к Изяславу Давыдовичу, оплакивавшему погибшего брата.

«Плакав над ним, как по брате своем», Мстиславич сказал тезке: «Этого нам уже не воскресить, но вот, брат, Бог и святая Пречистая врагов наших победили, однако же бегают они неподалеку, а Чернигов пуст. Так что ты, брат, тут уже не стой, а снарядись, возьми брата своего и иди в Чернигов, а я тебе помощь подготворю. Будь же до нынешнего вечера в Вышгороде». Мстиславичи отрядили на помощь Изяславу Давыдовичу Романа Ростиславича (зятя Святослава Ольговича). Скоро уже Изяслав вошел в Чернигов, похоронил брата и сел на княжеском столе.

Между тем Ольговичи переправились через Днепр выше Заруба и скоро достигли Городца. Летописец отмечает, что Святослав Ольгович был чрезвычайно грузен, а потому при бегстве «утрудился» так, что дальше идти не мог. Но он, конечно, хотел сам завладеть Черниговом, а потому спешно отправил туда Святослава Всеволодовича. Только доехав до Десны, Святослав узнал о происшедшем — и повернул обратно, послав дяде весть: «Не ездя сюда, а поезжай в Новгород (Северский. — С. А.). Сюда уже въехали Изяслав Давыдович и Роман Ростиславич». Передохнувший к тому времени Ольгович «побежал к Новгороду»^{129}.

Владимирко, узнав о поражении свата, повернул на Галич, тем более что в его земли вторгся Мстислав Изяславич с венгерским отрядом. Великий князь же, отпустив в Смоленск брата Ростислава, двинулся с оставшимся войском на Юрия. Тот, запертый в Городце и потерявший почти все силы, вынужден был согласиться на мир. Он обещал остаться в Городце всего на месяц, после чего удалиться в Суздаль при условии, что Переяславль останется за его сыном Глебом. Вячеслав и Изяслав настояли и на том, чтобы Юрий отказался от союза со Святославом Ольговичем.

Последний, узнав об этом, решил помириться с новым черниговским князем. Святославы, дядя и племянник, встретились и отправили к Изяславу Давыдовичу общее посольство: «Брате, мир стоит до рати, а рать до мира. А ныне, брат, мы братья друг другу, так что прими нас к себе. Отчин у нас две — одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда. Ты, брате, — Давыдович, а я — Ольгович. Ты же, брате, прими то, что отца твоего Давыда, а что Ольгово, то нам дай. Так и поделимся». Изяслав согласился. Поскольку границы владений Давыда и Олега с точностью неизвестны, неясно, какие именно территории возвратил Изяслав по договору, но понятно, что речь шла о северских и вятчских землях, которые Ольговичи и в прежние годы упорно отстаивали как свою «отчину»^{130}.

Юрий между тем, как и опасался Изяслав, не пожелал уходить на север согласно уговору. Киевская рать снова двинулась к Городцу, причем Мстиславич призвал чернигово-северских князей присоединиться к нему. Явились Изяслав Давыдович и Святослав Всеволодович, а Святослав Ольгович прислал «помощь». После многодневного штурма Юрий, наконец, согласился исполнить условия договора. Передав Городец сыну Глебу, он отправился в свое княжество. По пути он остановился в Новгороде-Северском у Святослава, и сваты немедленно возобновили союз. Святослав принял гостя «с честью великой» и снабдил в дорогу припасами.

Было очевидно, что война не прекратилась и Святославу, раз он по-прежнему заодно с Юрием, вскоре придется вновь вступить в нее. То, что на новгород-северского князя смотрели как на одного из вождей враждебной Мстиславичам партии, неожиданно подтвердилось уже ближайшей зимой. В Полоцке восставшие горожане свергли князя Рогвол ода Борисовича, зятя великого князя, и возвели на престол

минского князя Ростислава Глебовича. Ища союзников и покровителей на случай мести Мстиславичей, «прислали полочане к Святославу Ольговичу с любовью, чтобы иметь его отцом себе и ходить в послушании его, и на том целовали крест»^{131}. Впрочем, Изяславу, занятому войной с Галичем и ожидавшему нового натиска с севера, было не до того. Так что Святослав неожиданно для себя на время распространил свое влияние на северо-запад Руси, войдя в число сильнейших ее правителей, которым присягали на верность слабейшие.

* * *

Вот в такой год появился на свет князь Игорь Святославич. Немало поэтических образов может возникнуть, если размышлять над обстоятельствами его рождения. Будущий герой «Слова» родился в походе, и первыми звуками внешнего мира, услышанными им, вполне могли быть пение рогов и ржание боевых коней... Правда, мы не можем быть уверены в том, что Святослав действительно взял беременную жену в поход, хотя летопись как будто свидетельствует именно об этом. Княгиня, должно быть, сопровождала мужа до Чернигова, где ее можно было оставить в безопасности. На войну Святослав супругу все-таки не брал (в прошлый раз она оказалась в гуще событий, поскольку бежала с мужем из его стольного града Новгорода-Северского). Должно быть, после поражения она вместе с младенцем оказалась в руках Изяслава Давидовича, хотя летописцы об этом и не упоминают. Несомненно, княгине ничто не угрожало — хотя бы потому, что Изяслав сопровождал ее (или ее мужа) зять Роман Ростиславич, а сам Изяслав не собирался ссориться с Ольговичами. Но пребывание княгини и новорожденного княжича в Чернигове дает дополнительное объяснение и попытке Святослава Ольговича быстрее захватить отчий престол, и его скорому примирению с Давыдовичем. Впрочем, столь же вероятно, что, поскольку война затягивалась, княгиня с сыном вернулась в Новгород-Северский, как только оказалась готова к переезду.

Мы очень хорошо осведомлены о ходе политических и военных событий того времени. Благодаря подробным записям летописцев, особенно киевских, перипетии внутренних смут, внешних войн,

дипломатических интриг могут быть восстановлены буквально по дням. Естественно, благодаря этому раскрываются и характеры действующих лиц — через дела, а не через оценки. Последние могут оказаться весьма неожиданными — как в случае с «добрым и кротким» Владимиром Давыдовичем. Дела же князей, особенно в пору распрей, представляются довольно однообразными и характеризуют их не с лучшей стороны. Перед нами предстает череда властолюбцев, честолюбцев, клятвопреступников, узурпаторов, к тому же циничных и лицемерных демагогов — эти качества, в большей или меньшей степени, были присущи всем тогдашним правителям. Поминутно уповающий и ссылающийся на Божью помощь Изяслав Мстиславич производит на нас несколько иное впечатление, чем на современников, веривших, что его временные успехи и вправду объяснялись небесным Промыслом... Впрочем, сам этот Промысел у летописцев оказывается скорее похож на античный фатум, благосклонный сегодня к одним, а завтра к другим. Поскольку замараны клятвопреступлением оказывались практически все участники распри, поражение любого выглядело как справедливая кара. И все князья стремились вступить с Богом в «личные», «вассальные» отношения, привлечь Его на свою сторону — благочестием, строительством церквей и монастырей...

Лишь слабые оттенки характеров проступают в летописных строках. Ясно, что Изяслав Мстиславич и Святослав Ольгович, в отличие от склонных примыкать к сильнейшему Давыдовичей, были мужественны и решительны, всегда готовы к войне за свои интересы. Ясно, что Вячеслав Владимирович был миролюбив и действительно «кроток», с легкостью уступал свои права; его поведение являло собой жалкую пародию на смирение его отца. Уступки Владимира Мономаха останавливали вражду князей, уступки же Вячеслава лишь разжигали ее, нанося вред Русской земле, на интересы которой он любил ссылаться. Пожалуй, алчный, не спускавший врагам и «долгорукий» Юрий Владимирович был более достойным сыном своего родителя — по крайней мере, он действительно мечтал сплотить под своей рукой всю Русь. Далек не все князья с равной охотой наводили на Русь степняков; впрочем, Изяславу Мстиславичу с его венгерскими родственниками в этом не было нужды. Да и «свои поганые», «черные клобуки», всегда были под рукой у киевского великого князя. У Святослава Ольговича же и Юрия Долгорукого именно половцы были

свойственниками или даже родственниками: Святослав, наполовину половец, сам первым браком, видимо, был женат на половчанке. Едва ли Степь была для него столь же чужой, как для страдавших от разора во время его походов горожан и селян Киевщины. Да и разница в том, были разорители княжескими дружинниками или кочевниками, для жителей Руси была только одна — далеко ли угонят в полон от дома, есть ли шанс вернуться... Свои жгли и грабили не «хуже» чужаков.

Итак, даже проявления характеров князей в их политике часто не так однозначны, как кажутся при поверхностном взгляде. Их поведение в быту, со своими семьями остается совершенно закрытым для исследователя, отчасти потому, что «домашнего» бытия, отдельного от общественного, знатный человек Средневековья не имел. Вся жизнь князя проходила в походах, управлении подданными, развлечениях и пирах с дружиной и братьями. Смыслом этой жизни по определению было именно властвование — в идеале справедливое и милосердное, христианское. Это дает понять единственный памятник, из которого мы можем получить информацию об образе мыслей древнерусского князя из первых рук, — «Поучение Владимира Мономаха детям». В нем есть советы по семейной жизни, но их ничтожно мало по сравнению с советами по устройению жизни государственной.

Жен полагалось любить, по слову апостола Павла, — об этом напоминает и Мономах. Как и повсюду, на Руси воинская культура выработала на народных и библейских основах образ идеальных супружеских отношений: верная и любящая жена ждет мужа из похода, следя за его достоянием, он мечтает о ее объятиях, но может прийти час, когда ей придется оплакивать погибшего или тосковать о плененном. «Плач Ярославны» в «Слове» — наиболее известное и яркое воплощение этого образа любви, пылкой, жертвенной, изнемогающей в разлуке. Однако в реальности идеал, увы, не всегда обретал воплощение именно в супружестве. Как и во все времена, бывало, что князья бросали судьбы своих государств на алтарь страсти к неравным. Так, Ярослав Осмомысл, отец Ярославны, предназначил престол сыну от наложницы, вызвав тем самым страшную смуту в Галиче.

Любил ли свою вторую жену Святослав Ольгович? Скорее всего, любил, иначе не женился бы вопреки воле епископа, вступив в конфликт с только что обретенным городом. Если бы брак заключался

из каких-то политических соображений, то, надо думать, запрет Нифонта перевесил бы их. То, что Игорь не был их последним ребенком, свидетельствует о том, что чувства Святослава не остыли и в начале 1150-х годов, когда княгине было уже около тридцати. О наличии у Святослава наложниц ничего не известно. Если Олег, как обоснованно считается, был сыном от этого же брака, то у супругов родились три сына и три дочери (помимо жены Романа Ростиславича и родившейся в 1149 году Марии, это еще и неизвестная по имени жена Владимира Андреевича Дорогобужского^[10]){132}.

Образ князя, готового умереть, лишь бы не видеть пленения супруги и детей собственным двоюродным братом, — неоднозначный для нас, но вполне вписывавшийся в представления того времени и того социального слоя о любви и чести. Образ князя, берущего с собой жену на сносях то на съезд, то в военный поход или покидающего ее накануне родов ради похода, — еще более неоднозначный на современный взгляд. Но у летописца эти поступки вызывают, кажется, лишь легкое удивление. Когда обязательства супружеской любви и княжеско-воинской чести вступали в противоречие, следовало либо выбрать что-то одно, либо соединить их — исполняя долг вождя, не разлучаться с супругой.

Итак, жена была очень дорога Святославу. Семья же как таковая вряд ли являлась для него большей или же меньшей ценностью, нежели для его сородичей. Семья — средство продолжить династию, сохранить и усилить свой род. Преданность ей — часть преданности роду в целом, часть долга властителя. Создание семьи, обзаведение потомством не являлись для князей самоцелью. Игорь Ольгович был женат, но детей у него не было. Однако не это помешало ему занять великокняжеский престол. Несмотря на бездетность, он какое-то время числился главой Ольговичей — отсутствие у него наследников было даже выгодно родственникам, поскольку не увеличивалось число будущих конкурентов. Не столь высокая, как в народе, но всё же нередкая и в княжеских домах детская смертность не позволяла чересчур прикипать душой к еще неокрепшему потомству. У большинства князей рождалось много детей, и про многих мы знаем, что они не дожили до зрелости. Тем больше дорожили выжившими. Любовь к детям для князей была и естественным стремлением души, и предписываемой добродетелью. «Поучение» Мономаха — достойный

памятник искреннему слиянию того и другого в сердце одного из образованнейших государей своего времени.

Так что можно не сомневаться, что Святослав лелеял второго сына — с того момента, как стало ясно, что мальчик благополучно перенес все тревожения первых месяцев жизни, коими, собственно говоря, был обязан отцу. То, что Святослав ценил сына и возлагал на него надежды, видно уже из данных ему имен (как говорилось выше, оба имени он мог получить в честь Игоря Ольговича). Впрочем, главной надеждой, а к тому времени уже и почти соратником отца был юный Олег Святославич — полный, по светскому имени и отчеству, тезка деда-«Гориславича» (возможно, его крестильное имя было Феодосии, хотя по этому поводу и есть серьезные сомнения^{133}).

В пользу того, что в своих детях Святослав видел прежде всего будущих князей, могут свидетельствовать их браки, не слишком похожие на отцовский. Женидьба их отца и матери была отчасти мезальянсом (хотя в происхождении княгини из боярского рода вряд ли стоит сомневаться), притом не одобренным Церковью. Но все три брака детей Святослава, заключенные при его жизни, — чинные, с равными княжескими домами и потому «политические». Правда, следует иметь в виду, что родственники-Рюриковичи находились в постоянном общении и у их молодежи имелось довольно возможностей и самим узнать о потенциальных женихах и невестах, и познакомиться... Так или иначе, но браки двух дочерей и старшего сына Святослава скрепляли важный для него союз с разными ветвями Мономашичей.

О том, как рос Игорь Святославич в находившемся далеко от взоров летописцев Новгороде-Северском и даже в более близком Чернигове, мы практически ничего не знаем. О воспитании знатных воинов, даже княжичей в Древней Руси у нас очень немного данных, но они позволяют нам хотя бы примерно представить, как младенец, рожденный в походе, в год отцовского поражения, сам превращался в ищущего браней «шестокрыльца»^[11].

В языческую эпоху древнерусская знать — прежде всего воинская. Война была главным занятием древнего вождя-князя и его дружины. Долг править, вести людей, «рядить» их был производным и в любом случае касался только самого князя, а не его «мужей»-дружинников. Соответственно, княжича с древнеславянской эпохи воспитывали в первую очередь как воина. Идеальный дружинный вождь — «пардус»

(барс) Святослав — «легко ходил... и войны многие творил», по дружинному преданию, с того самого момента, как «вырос и возмужал». Девочек в знатных семьях, очевидно, столь же целенаправленно готовили в соратницы воинов, способные в их отсутствие хранить дом и править им.

Воспитанием юного аристократа, как и простого русича, изначально, в языческую пору, ведал его дядя или иной родич по материнской линии. В княжеской семье он получал почетный титул «кормилец», но нередко мог обладать и более обширной властью, как Олег при Игоре Рюриковиче, присвоивший себе после взятия Киева княжеские права и титул. После принятия христианства, по крайней мере в княжеских семьях, стали выбирать «кормильцев» из числа знатных бояр, необязательно связанных родством с княжеским домом. Тому была очевидная причина: крещение позволило заключать многочисленные династические браки, и материнская родня для юных княжичей часто оказывалась труднодоступна. Не тот случай был у Святослава Ольговича, женатого на знатной Новгородке; вполне возможно, что хотя бы часть княгининой родни переселилась к ней после окончательного изгнания Святослава из Великого Новгорода. Основные вехи воинского воспитания в языческую — и не только — эпоху позволяет нам представить, пусть в преувеличенном и поэтическом виде, былина о богатыре-оборотне Волхе. Записанная в Новое время и несущая на себе печать прошедших веков, она в то же время содержит многие древние черты, восходящие к самым началам славянской истории. Волх еще в колыбели просит у матери:

Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку палицу.^{134}

Очень похоже в «Слове» описывает своих курских дружинников брат Игоря Святославича Всеволод:

...Под трубами повиты,
В шеломах взлелеяны,

С конца копья вскормлены...

В то, что древние воители если не с колыбели, то встав на ноги, росли с оружием под рукой, вполне можно поверить. По преданию, того же Святослава Игоревича после гибели отца (945) посадили в весьма нежном возрасте на коня, чтобы он сделал символический бросок копьем между конских ушей в знак начала похода на обидчиков-древлян.

Волх в семь лет отдают учиться грамоте — это уже знак христианской эпохи. В языческую пору власть имущие обучались совсем иным «мудростям», и к ним былинный герой приступает в десятилетнем возрасте:

Обертываться ясным соколом...

Обертываться серым волком...

Обертываться гнедым туром золотые рога^{135}.

Сверхъестественная сила, в чем бы она ни выражалась, у всех язычников считалась принадлежностью законного вождя, и славяне не были исключением. Их князья еще в «Слове о полку Игореве» именовались «Дажьбожьими внуками» — кровными потомками Солнца, а былинный Волх — сыном Змея.

Двенадцать лет — для древнего руса пора вступления во взрослую жизнь, время первых походов. Былинный Волх «стал себе... дружину прибирать». Так было и в христианское время. Владимир Мономах свой первый поход совершил в этом возрасте. Впрочем, в удельную эпоху этот возраст сдвигался по обстоятельствам. Олегу Святославичу, когда он сопровождал отца в походах 1147—1149 годов, еще не исполнилось двенадцати. Игорь Святославич был впервые взят отцом на княжеский снем в семь лет. Завершался этот переходный период в 15 лет, когда молодой воин считался уже годным и для войны, и для предводительства в ней, и для вступления в брак. Впрочем, в XII веке браки могли заключаться по необходимости, обычно политической, и в более нежном возрасте. Как было сказано, первую жену-половчанку Святославу Ольговичу отец взял в весьма юные его годы. Олег

Святославич женился на дочери Юрия Долгорукого, будучи не старше тринадцати лет.

В печорском варианте былины о Волхе мать просит у Бога (конечно, уже христианского) для сына «достоинств», имевшихся у разных героев былинного эпоса:

Тулово ему бы Святогорово...
Да сила Самсона Колыбановиця...
Да конь бы Ильи, Ильи Муромца...
Кафтан бы ему Дюка Степановиця...
Сапожки Чурила бы Пленковича...
Шапка Кузенка Сибирчаженина...
Руковичи Казарина Петровиця...
Сметка Олешинынь Поповича...
Вешво Добрыни Микитиця...[136](#)

Это настоящий смотр древних геоических добродетелей, где богатырские стать и сила встают в один ряд с конем и одеждой, а те, в свой черед, со сметкой и вежеством. По духу этот записанный в Новое время текст принадлежит давно ушедшей эпохе, что подтверждается дальнейшим описанием постижения Волхом оборотнической «мудрости».

Крещение Руси изменило многое, но кое-что осталось неизменным. Уходили древние верования в магическую силу вождей, но сохранялась обязанность биться за свою землю и вести в бой других. Однако появилось и новое, в частности долг знатного человека править крещеным людом в мирное время и стремиться мир сохранить, просвещать подданных и являть собой пример христианского благочестия. В этом смысле, особенно в княжеских семьях, произошло некоторое сближение традиций воспитания детей обоого пола; и мальчиков, и девочек готовили к правлению, наставляли в вере, в законах, в правилах поведения и обучали иностранным языкам.

Уже Владимир Святославич в конце X века основал в Киеве первую школу. Дело это было настолько необычное, что детей пришлось едва ли не силой отрывать от родителей — знатных людей, «нарочитой чади». Ярослав Мудрый открыл школу в Новгороде для детей знати и духовенства. В его правление школы при храмах

возникают по всем городам Руси—к примеру, даже в небольшом Курске, где рос сын княжеского наместника, будущий святой Феодосии Печерский. Обучение было, во всяком случае для большинства, необязательным — Феодосии сам просил родителей отдать его «на учение божественных книг»^{137}.

В «программу» древнейших русских школ входило изучение славянской грамоты, Священного Писания, богослужения и, видимо, греческого языка. Княжеские дети обучались на дому, и их образование и самообразование могли быть гораздо шире — в зависимости от склонностей и способностей. Так, отец Владимира Мономаха Всеволод Ярославич знал пять языков. Как обстояло с этим дело в роду Ольговичей, неизвестно. Однако, вероятнее всего, княжичи сызмальства знали как минимум языки своих матерей, мачех и бабок. Святослав Ольгович и его дети должны были более или менее владеть половецким, родным языком Осолуковны и ее степной родни. Должно быть, в чернигово-северском доме не забывали и разговорный греческий — язык Феофано Музалон.

О моральных ценностях, теперь сызмальства прививавшихся (по крайней мере в идеале) знатным людям, позволяет судить «Поучение» Владимира Мономаха. Теперь на смену древним воинским добродетелям приходят в качестве главных добродетели христианские: «Во-первых, Бога ради и души своей страх имейте Божий в сердце своем и милостыню творите нескудную — ведь это начало всякому добру». «Как Василий (святитель Василий Великий. — С. А.) учил, собрав юношей: иметь душу чистую, неоскверненную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне». «Мы, люди, грешные и смертные, если нам зло сотворят, то хотим и пожрать, и кровь пролить сразу же; а Господь наш, владея и жизнью, и смертью, согрешения наши выше голов наших терпит вновь и вновь всю жизнь нашу. Как отец, чадо свое любя, бьет и обратно привлекает к себе, так и Господь наш показал нам победу над врагами: тремя делами добрыми избыть врага и победить его — покаянием, слезами и милостыней».

Это, как говорит сам Мономах, «слова божественные»; а в следующем далее «от худого моего безумия наставлении» старое и новое временами уже сплетаются неразрывно и древние качества вождя обретают новое христианское звучание: «Паче всего гордости не имейте в сердце и в уме... В земле ничего не храните — то нам великий

грех. Старых чтите, как отцов, а молодых, как братьев. В доме своем не ленитесь, но всё видьте; не полагайтесь ни на тиуна, ни на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам дому вашему и обеду вашему. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питьем, ни едой не увлекайтесь, ни сном; и сторожи сами снаряжайте, и ночью, повсюду расставив сторожей, с воинами ложитесь, а вставайте рано; оружия не снимайте с себя спешно, без оглядки по лености — внезапно ведь человек погибает. Лжи берегитесь, пьянства и блуда, в том ведь душа погибает и тело. Куда же пойдете по своим землям, не дайте пакостей делать отрокам, ни своим, ни чужим, ни в селах, ни на полях, чтобы не проклинали вас. Куда же пойдете, где встанете, напоите, накормите нищего; более всего чтите гостя, откуда бы ни пришел к вам, доброго ли, простого ли, посла ли — не сможете подарком, так пищей и питьем; ведь такие мимоходящие славят человека по всем землям либо добром, либо злом. Больного посетите; за мертвецом идите, ибо все мы мертвецы. И человека не минуйте, не поприветствовав, доброе слово ему дайте. Жену свою любите, но не дайте ей над собой власти. Вот же конец всему: страх Божий имейте всего превыше»^{138}.

Конечно, подлинный облик князей-Рюриковичей и их дружинников наступавшей удельной эпохи был далек от идеального. Если бы князья соответствовали описанному в «Поучении» образцу, то оно не было бы написано. И летописцы осуждали современных им князей и бояр за то, что те, разделяя грехи и даже суеверные заблуждения предков-язычников, в то же время были лишены их добрых качеств. Однако Мономах и другие наставники князей описывали именно идеал справедливого, милосердного и богобоязненного, подлинно христианского правителя. Этот идеал по мере утверждения веры укоренялся в сознании всё большего числа людей — и сам по себе уже вынуждал власть имущих считаться с ним.

* * *

Итак, Игорь не приметно для взоров летописцев рос в Новгороде-Северском, а вокруг него на Руси все годы его детства продолжала бушевать распря, в которой его отец принимал самое активное участие. Святослав Ольгович, даже если бы желал того и считал важным, едва

ли мог непосредственно заниматься воспитанием сына, пока не посадил его, уже семилетнего, «на конь» и не взял в первый для него, пусть и мирный, поход...

Пока же следующий за годом рождения княжича 1152 год не принес завершения войны. По весне Изяслав Мстиславич вместе с Изяславом Давидовичем и Святославом Всеволодовичем пришел к Городцу и выжег его, чтобы лишить Юрия надежного оплота на юге. После этого великий князь в очередной раз двинулся на запад, против Владимирка^{139}. Для Юрия это стало лишь ожидаемым поводом к возобновлению военных действий. Пока Изяслав вел так и не кончившуюся покорением Галича кампанию на юго-западе, на другом конце Руси Юрий начал собирать войска. Он потребовал помощи у муромо-рязанских Ярославичей, которые после похода 1147 года не смели ему перечить. В Рязани уже снова сидел изгнанный в тот раз Юрием Ростислав Ярославич. Он не стал уклоняться от доказательства своей преданности — явился сам с братьями, рязанскими и муромскими дружинами. Явились и многочисленные половцы из разных племен, кочевавших между Днестром и Волгой. Со всем этим войском Юрий вторгся в земли вятичей, взял Мценск и Глухов, где и остановился^{140}.

Отсюда он отправил к Святославу Ольговичу требование присоединиться к нему. Святослав после прошлогоднего поражения не хотел ввязываться в новое предприятие свата, но делать было нечего — вернувшийся в Киев Изяслав был далеко, а полчища Юрия близко. Святослав Ольгович прибыл в Глухов, и союзники пошли к Чернигову. Однако туда раньше успели войти Ростислав Мстиславич и Святослав Всеволодович, на этот раз волею судеб оказавшийся противником дяди. В помощь Изяславу Давидовичу они привели киевскую и смоленскую рати, тем самым обеспечив его лояльность. Юрий встал в окрестностях города, в Гуричеве, отправив половцев разорять округу. Напуганные князя укрыли горожан в цитадели — черниговском детинце. Наутро половцы сожгли передовые укрепления и ворвались в город. Черниговцы яростно оборонялись, но, возможно, не удержали бы стен, если бы не подошла подмога. Узнав о штурме, Изяслав Мстиславич с Вячеславом привели киевские полки. При слухе о их подходе половцы, уже отягощенные добычей и полоном, принялись разбегаться. Тогда и Юрий со Святославом повернули восвояси. Оба Изяслава и их

союзники встретились у стен спасенного Чернигова. Кое-кто из князей хотел преследовать врага, но была уже поздняя осень, на реках стал непрочный лед, и погоню решили отложить. В итоге половцы безнаказанно разфабили окрестности Путивля и лишь потом ушли в степь.

Святослав с Юрием возвратились в Новгород-Северский. Оттуда Юрий ушел в Рыльск, собираясь вернуться к себе. Поняв намерения свата, Святослав бросился вдогонку. Прибыв в Рыльск перед самым выступлением Юрия, Новгород-северский князь накинулся на него: «Ты хочешь прочь пойти, а меня оставляешь? Сколько ты волости моей погубил, а жита сколько потравил около града! Теперь половцы ушли в Половецкую землю, а затем Изяслав, соединившись со своей братией, пойдет на меня из-за тебя и остаток волости моей погубит!» Пристыженный Юрий пообещал помочь при нужде и оставил Святославу своего сына Василька с отрядом в 50 дружинников. На обратном пути Юрий подчинил себе всю Вятичскую землю, относившуюся к уделу Святослава Всеволодовича.^{141}.

Как и ожидал Святослав Ольгович, Изяслав Мстиславич двинулся на Новгород-Северский, взяв с собой Святослава Всеволодовича и Романа Ростиславича со смоленской подмогой. Под стенами города, к которому киевляне подошли в феврале 1153 года, к ним присоединился Изяслав Давыдович с черниговцами. Первый же приступ едва не закончился успешно — ратники Изяслава пробили ворота острога и ворвались в город, но затем вынуждены были отступить. На третий день Святослав Ольгович предложил мир. Надо думать, союзные князья — племянник, зять и двоюродный брат осажденного — не горели желанием сражаться, к тому же приближалась весенняя распутица. Великий князь нехотя согласился на крестоцелование при условии, что Василько Юрьевич отправится к отцу. После этого князья разъехались по своим землям. Изяслав Мстиславич некоторое время оставался в Чернигове у Изяслава Давыдовича. Здесь пришла радостная весть о победе сына великого князя, Мстислава, над половцами, впервые за долгие годы одержанной в степи.^{142}.

На Черниговщине настало временное затишье. По весне, узнав о смерти Владимирка Галицкого, Изяслав Мстиславич вновь двинулся на запад, чтобы вновь попытаться подчинить Галич, и опять безуспешно. Между тем Святослав Ольгович встретился у города Хоробря с

Изяславом Давидовичем Черниговским. Князья договорились «как один муж быть» и целовали на том крест^{143}.

Летом 1154 года с севера вновь двинулся Юрий Долгорукий. Однако еще до вступления в землю вятичей на коней в его войске напал мор, погубивший большую часть кавалерии. Потерь не восполнила даже соединившаяся с Юрием на подходе к Козельску половецкая конница, и суздальский князь решил повернуть назад^{144} — как вскоре выяснилось, не зря. Киев достался ему позже, зато практически бескровно.

В ночь с 13 на 14 ноября 1154 года в Киеве умер Изяслав Мстиславич. Сразу же встал вопрос о престолонаследии. С одной стороны, его соправитель Вячеслав оставался законным великим князем. С другой — с ним уже давно не считался никто из князей, кроме покойного да его смоленского брата. На его стороне было разве что почтение киевлян, видевших в нем некую гарантию стабильности и соблюдения родового старшинства. Изяслав Давыдович Черниговский хорошо помнил, как поступил в подобной ситуации его двоюродный брат Всеволод. Узнав о смерти тезки, Изяслав Давыдович тут же устремился к Киеву. Но у него не было наглости Всеволода. Когда Вячеслав узнал, что черниговский князь подошел к бродам через Днепр, то строго спросил его: «Почто приехал и кто тебя позвал? Поезжай в свой Чернигов». Изяслав смущенно отвечивал: «Приехал брата своего оплакать. Меня же тут не было над братом — позволь оплакать его, идя за гробом». Вячеслав с внучатым племянником Мстиславом Изяславичем не разрешили ему войти в город до прибытия Ростислава из Смоленска, и Изяслав вернулся в Чернигов несолоно хлебавши.

Стремясь расколоть черниговский дом, за последний год сплотившийся, Вячеслав обратился к племяннику покойного Святославу Всеволодовичу: «Ты Ростиславу сын любимый, а значит, и мне. Побудь у меня в Киеве, пока не придет Ростислав, а тогда все договор заключим». Всеволодович немедленно откликнулся и, не поставив в известность ни Святослава Ольговича, ни Изяслава, отправился в Киев. Изяслав со Святославом, поняв, что своими силами Киев уже не захватить, в свою очередь, обратились к Юрию с призывом идти на столицу^{145}.

Между тем Ростислав Мстиславич вошел в Киев и был киевлянами признан князем-соправителем Вячеслава. Для начала новый великий князь обласкал выказавшего ему верность племянника Святослава Всеволодовича, отдав ему в удел Туров и Пинск: «Как приехал к отцу моему Вячеславу и волость мою соблюл, за то наделяю тебя волостью». Святослав принял пожалование «с радостью». Но торжество новых владельцев Киева было недолгим. Глеб Юрьевич с половцами пошел на Переяславль, где сидел Мстислав Изяславич, и киевским князьям пришлось спешно идти на подмогу. Половцев от Переяславля отбили, но Ростислав решил на этом не останавливаться и склонил Святослава и Мстислава к походу на Чернигов, поскольку союз Изяслава Давыдовича с Юрием снова стал очевиден. В пути великий князь получил весть о внезапной кончине Вячеслава, заставившую его вернуться в Киев. Но затем, вопреки совету бояр, убеждавших князя остаться в городе и заново заручиться поддержкой общины, он снова выступил на Чернигов. Изяслав Давыдович между тем позвал на помощь Глеба Юрьевича с половцами, лишь слегка потрепанными у Переяславля.

Ростислав и Святослав, подступив к городу, предложили Изяславу замирился: «Целуй нам крест. Ты в отчине своей, Чернигове, а мы в Киеве будем, все сами по себе». Но Изяслав на этот раз мириться не собирался: «Вы это начали, пришли на меня, — как мне с вами Бог даст». Когда в окрестностях Чернигова войско Глеба соединилось с дружиной Изяслава, Ростислав оценил силы противника, намного превосходящие его собственные, в основном за счет половцев, и перепугался. Его прежняя уверенность в победном исходе предприятия пропала, и он вновь послал к Изяславу — «начал давать ему под собой Киев, а под Мстиславом Переяславль». Узнав об этом, Мстислав немедленно покинул дядю. Увидев начавшееся отступление, половцы обрушились на киевские полки — и вся рать Ростислава обратилась в бегство. Святослав Всеволодович был захвачен в плен. Изяслав Давыдович и его жена выкупили у половцев двоюродного племянника и еще многих русских пленников, а беглецам дали приют в Чернигове.

В Киеве началась паника. Вместо двух князей в городе теперь не было ни одного, киевляне боялись половецкого приступа. Изяслав Давыдович решил, что настало его время повторить деяние Всеволода Ольговича. «Хочу к вам ехать», — сообщил он в Киев. Тамошняя знать

выслала в Чернигов посольство. «Поезжай в Киев, — просили послы, — пусть не возьмут нас половцы. Ты нам князь, поезжай». Изяслав сразу же отправился на свое новое княжение, а Глеба Юрьевича посадил в Переяславле.

Святослав Ольгович поддержал двоюродного брата, но сам в его аванюре не участвовал. Изяслав сразу по вокняжении послал за ним и предложил Чернигов. Святослав, конечно, согласился, однако не был уверен, что Изяслав удержит Киев. Он узнал, что Юрий уже выступил в поход, а «перед Юрием невозможно им удержаться»^{146}.

Юрий действительно двигался на Киев. После смерти Изяслава ему подчинился Великий Новгород, а теперь ему присягнул и опозоренный недельным киевским княжением племянник Ростислав Смоленский. Когда суздальский князь вступил в северские пределы, Святослав Ольгович устремился ему навстречу. У Синина моста в окрестностях города Радогоща сваты встретились и объединили силы. Несколько позже, у Стародуба, объявился и Святослав Всеволодович, покаялся за недавние прегрешения: «Избезумился я», — и «ударил челом». Святослав Ольгович молил союзника за племянника, «прося принять его в любовь», и Юрий согласился. Святослав Всеволодович целовал крест на верность Юрию и Святославу Ольговичу, признавая над собой их власть и старшинство. Юрий велел и ему присоединиться к походу. Князья втроем вступили в Стародуб, а оттуда пошли в уже принадлежавший Святославу Ольговичу Чернигов.

С дороги Святослав Ольгович отправил посла к Изяславу Давидовичу. «Пойди, брате, из Киева, — заклинал он. — Идет к тебе Юрий, а позвали его мы оба». Изяслав, однако, не дал ответа. Когда князья достигли Чернигова, Святослав отправил новое послание: «Иди из Киева, — пусть идет в Киев Юрий, а я тебе Чернигов уступлю христианских ради душ, чтобы не погибали». Святослав и сам боялся обвинений со стороны Юрия, ведь он знал о намерении Изяслава сесть в Киеве, хотя и не принял участия в воплощении его замысла. «Изяслав же не хотел из Киева, — довольно непосредственно замечает летописец, — ибо полюбился ему Киев». Святослав Ольгович в итоге остался в Чернигове, стыдясь воевать с неразумным кузеном, а Юрий встал у Моровийска на Десне и отсюда отправил посольство к Изяславу. «Мне отчина Киев, а не тебе», — напомнил Долгорукий с неприкрытой угрозой. Изяслав понял, что придется капитулировать. В

стан у Моровийска полетело униженное послание — Изяслав «молил и кланялся»: «Что же ты сам не сел в Киеве? — а то меня посадили киевляне. Не причиняй мне вреда, вот тебе твой Киев»^{147}. Юрий «отдал свой гнев», и получивший прощение Давидович немедленно покинул столицу. Так 20 марта 1155 года Долгорукий в последний раз взошел на великокняжеский престол.

Вокняжение Юрия должно было бы прекратить усобицу и восстановить на Руси законный порядок, нарушенный амбициями черниговцев и Изяслава Мстиславича. Действительно, после смерти Вячеслава киевский стол по праву принадлежал Юрию, и со времен его брата Ярополка он стал первым князем, действительно законно сидевшим на нем «по отчине и по дедине», в свой черед. Другое дело, что утихомирить княжескую алчность и подчинить уделы теперь было уже совершенно невозможно, и за свое короткое княжение Юрию довелось в этом убедиться. Провозглашенный Всеволодом Ольговичем с сомнительной ссылкой на прецедент Мономаха принцип, который можно на современный язык перевести немудрящим «кто смел, тот и съел», не переставал владеть умами князей. Особенно вновь угнездившегося в Чернигове Изяслава Давыдовича, которому давно не давал покоя пример самого Всеволода. Собственно, возмутители спокойствия оставались прежние — Чернигов на востоке и Волынь на западе. Уже в первый год правления в Киеве Юрию пришлось воевать с Мстиславом Изяславичем, и это противостояние продлилось все следующие годы.

Святославу Ольговичу вокняжение свата в Киеве дало возможность перераспределить в свою пользу земли Северщины. Святослав Всеволодович после вступления Юрия в столицу прибыл к дяде-тезке и повторно присягнул ему. Святослав Ольгович в наказание за провинности отнял у племянника прежние владения — Сновск, Карачев и Воротыньск, правда, взамен дал три других города. Когда старший Святослав вступал во владение Сновском, к нему прибыло посольство от Изяслава Давыдовича. Как и следовало ожидать, старейший черниговский князь не угомонился и предлагал совместно выступить против Юрия. Святослав отказал наотрез^{148}.

Юрий прекрасно знал о замыслах Изяслава, а потому, вернувшись из неудачного похода на запад, поспешил замирился с волынцами, а также призвать в Киев помощь из Смоленска и Галича. Когда союзные

князя собрались в Киеве, Юрий обратился к Изяславу Давыдовичу: «Хочешь ли к нам прийти с миром? А то мы к тебе». Изяслав, поняв, что с соединенными силами Мономашичей и галичан не сладить, целовал Юрию крест. В Лутаве, на черниговских землях, Юрий встретился с Изяславом. На снем прибыл и старший Святослав — как посредник и гарант договоренностей. Изяслав Давыдович утвердил с Юрием союз и получил от него город Корчеськ на Волыни, Святославу Ольговичу достался полесский Мозырь. С тем и разошлись. Зимой 1155/56 года княжеский союз был скреплен браком дочери Изяслава Давыдовича (единственного прямо упоминаемого его ребенка) с Глебом Юрьевичем.^{149}.

Этот вынужденный союз тем не менее пришелся Изяславу весьма кстати, когда в наступившем году смута неожиданно вспыхнула в самой Черниговской земле. Единственным наследником братьев Давыдовичей был Святослав Владимирович, видимо, к моменту гибели отца малолетний. Изяслав, не склонный разбрасываться землями, оставил племяннику на прокорм лишь небольшой городок Березов. В 1156 году Святослав Владимирович, уже способный водить дружину, бежал из Березова и внезапно захватил Вщиж, а затем и другие города Подесенья. К нему присоединился Святослав Всеволодович, недовольный условиями прошлогоднего обмена территориями. Младшие князья обратились за помощью к Ростиславу Смоленскому. Тот был не более искренним союзником Юрия, чем Изяслав, и пользовался относительным затишьем, чтобы расширить свое влияние, прежде всего на соседние уделы рода черниговских Святославичей. В минувшем году он склонил к присяге себе рязанских князей, а теперь вступил в тайный союз с мятежными Святославами на условии их подчинения.

Юрий, возобновивший войну на Волыни, не был готов лично заниматься черниговскими делами. Встретившись у Заруба вместе с Изяславом и Святославом Ольговичем с половецкими ханами и заключив с ними соглашение, он передал «многое множество» половцев Изяславу. С этими силами тот двинулся к Березову, где закрепился Святослав Всеволодович. Святослав же Ольгович в этом походе не участвовал, а провожал свата в Киев. Мятежные племянники были вынуждены бежать в смоленские земли, Изяслав преследовал их. Наконец младшие Святославы запросили пощады. В лагерь Изяслава у

Мстиславля прибыл Святослав Ольгович, и дядья заключили с племянниками мир. Святославу Владимировичу оставили Вщиж, а Святославу Всеволодовичу — его владения^{150}.

Однако союз между Юрием и черниговскими князьями долго не продержался. Зимой 1156/57 года великий князь выступил в поход на Волынь. Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович, которым он сам выделил на западе города, просились идти с ним. Однако Ярослав Галицкий, зять Юрия, заподозрил черниговцев в желании самим присвоить Владимир-Волынский, давнюю «отчину», где княжили и Святослав Ярославич, и Олег «Гориславич». Тесть, разделявший эти опасения, чернигово-северских князей с собой не взял^{151}. Для Изяслава это было достаточным поводом к ссоре. Когда он узнал, что близ Чернигова перевозят плененного Юрием Ивана Берладника, которого великий князь сначала хотел выдать галицкому зятю, а потом передумал, то велел перехватить узника. Прославленный изгой и наемный военачальник был освобожден и доставлен в Чернигов, где обрел приют^{152}.

Ранней весной Изяслав Давыдович снесся со смоленским Ростиславом Мстиславичем, с так и непобежденным волынским Мстиславом Изяславичем и со Святославом Ольговичем. Князья договорились о мире и доверии, после чего Изяслав призвал совместно выступить против Юрия. Святослав, однако, вновь отказался идти на свата: «Крест целовал я к нему, и не могу без вины на него встать». Но у Изяслава теперь уже были и иные союзники — он договорился о совместном выступлении со «Мстиславовым племенем». На помощь черниговскому князю из Смоленска двинулся Роман Ростиславич, а из Владимира-Волынского выступил Мстислав Изяславич.

До войны, однако, не дошло. Перед самым выступлением в поход к Изяславу прибыло посольство из Киева. «Иди, княже, в Киев, — звала киевская знать, — Юрий умер». Изяслав «прослезился и руки воздел к Богу». «Благословен Господь, — провозгласил черниговский князь, — что рассудил меня с ним смертью, а не кровопролитием». Впрочем, смерть Юрия, скорее всего, была все-таки связана с назревавшей войной. Великий князь разболелся после пира у киевского боярина Петрилы и через четыре дня отдал Богу душу. Произошло это 15 мая 1157 года. Горожане и жители Киевской земли сразу же восстали против великокняжеских чиновников, повсеместно истребляя

«суздальцев». Среди этой смуты Изяслав Давыдович 19 мая вошел в стольный город и занял престол^{153}.

В Чернигове Изяслав оставил племянника, Святослава Владимировича, придав ему собранное для похода войско. Естественно, Святослав Ольгович заподозрил привыкшего действовать без оглядки на законы и мораль кузена в стремлении сохранить Чернигов за Давыдовичами. Узнав о вокняжении Изяслава, Святослав Ольгович взял своего племянника Святослава Всеволодовича и с войсками прибыл под стены Чернигова. Святослав Владимирович отказался впустить тезок-сородичей в город, подтвердив тем их худшие подозрения. После неудачной попытки ворваться в Чернигов дядя и племянник отвели свои дружины за реку Свинь. Между тем из Киева уже двигался новый великий князь, успевший соединиться с Мстиславом Изяславичем. Святослав Владимирович вышел из Чернигова и тоже примкнул к ним. На Свини полки встретились, но в битву вступать не стали. После обмена послами стороны пришли к соглашению. Ольговичи целовали Изяславу крест как великому князю. Чернигов достался Святославу Ольговичу, а Новгород-Северский — Святославу Всеволодовичу. Святослав Владимирович же остался со своим Вщижем. Изяслав забрал из Чернигова семью и вернулся в Киев. У Канева он, по закрепившейся при Юрии традиции, встретился с половецкими ханами, утвердив с ними мир^{154}.

Итак, Святослав Ольгович стал великим князем Черниговским — этот титул был в ходу со времен Владимира Давыдовича. Престолом он завладел на основании родового права, которое, в отличие от большей части родни, не склонен был нарушать. По этой же причине он был вполне удовлетворен Черниговом и более ни на какие столы не претендовал. Для княжеской семьи новое княжение Святослава означало переезд. Игорь Святославич очутился в Чернигове в шестилетнем возрасте, когда, как мы видели, княжичей начинали обучать ратному делу и наукам. Очевидно, переезд пошел ему на пользу — Чернигов был более крупным и древним городом, чем Новгород-Северский, настоящей столицей с многочисленным образованным духовенством, с крепкими дружинными традициями.

Сев в Чернигове, Святослав перестал уделять внимание делам далекого Полоцка, отдавшего несколько лет назад под его руку. Когда в 1158 году содержащийся у него пленником бывший полоцкий князь

Рогволод Борисович бежал и затеял усобицу, Святослав вмешиваться не стал.^{155}.

Изяслав Давыдович, в отличие от двоюродного брата, не был доволен своим, казалось бы, несказанным достижением. Ему мало было просто сесть в Киеве — он хотел подлинного великокняжеского величия. Тем же летом он пошел на туровского князя Юрия Ярополчича, желая присвоить его землю. Юрий был внуком великого князя Святополка Изяславича. Его род давно оставил притязания на великокняжеское достоинство и довольствовался небольшими уделами в Полесье. Приход великокняжеской рати, к которой по зову Изяслава присоединились смоляне, полочане и галичане, стал для туровского князя неожиданностью. Он был готов принять любые условия, лишь бы его оставили в покое. Но Изяслав, подобно Мономашичам, хотел присвоить Туров и Пинск. Его поход в итоге закончился полным фиаско — на лошадей великокняжеского войска напал мор, и осаду стольных городов Полесья пришлось снять.^{156}.

Правление Изяслава продлилось недолго. При первых признаках стремления к «самовластию» князя, как и прежде, объединились против Киева. Уже в 1158 году галицкий князь Ярослав Осмомысл обвинил Изяслава Давыдовича в укрывательстве своего кровного врага Ивана Берладника. Этого наемника и вожака разбойной вольницы мало кто из Рюриковичей любил, и Ярославу быстро удалось собрать совместное посольство к его покровителю едва ли не от всех русских князей, включая дядю и племянника Ольговичей, с требованием выдачи вечного изгоя. Святослав Ольгович имел причины быть недовольным Изяславом, поскольку тот удерживал немалую часть Черниговщины, оставив ему лишь несколько княжеских замков, а также отнял у него пожалованный Юрием Мозырь. В посольстве участвовали даже поляки, которым Берладник тоже успел досадить. Изяслав, однако, отказался выдавать Берладника. Тот даже сам такого не ожидал — при приезде послов в страхе убежал из Киева, прибил к половцам, поразбойничал с ними на юге владений Осмомысла и лишь затем по зову великого князя вернулся в столицу. Отказ дорого обошелся Изяславу — Ярослав вместе с Мстиславом Изяславичем и Владимиром Андреевичем Дорогобужским (зятем Святослава Ольговича) выступил на Киев.

Напуганный Изяслав тут же отправил посольство в Чернигов. Он отдал Ольговичу Мозырь и Чичерск на Соже и попросил о помощи.

Святослав об обидах почти не помянул. «Право, брате, — ответил он, — гневался я на тебя, что не выправил ты мне Черниговской волости, но лиха тебе не хотел. Раз уж так случилось, что на тебя хотят, то Бог меня избави от той волости! Ты мне брат — дай мне Бог с тобой пожить хорошо и целовать крест на всей любви». В Лутаве князья встретились. Изяслава сопровождал его племянник Святослав Владимирович, а Святослава — уже оба старших сына, Олег и Игорь. Это были первый дальний выезд семилетнего Игоря и первая его встреча с большой политикой...

Князья провели вместе три дня: пировали, обменивались дарами и совещались. Сообщение о заново обретенной «любви» они отправили в Галич и Владимир-Волинский. Там лишились надежд на раскол в черниговском доме и отменили поход. Однако Изяслав Давыдович жаждал не мира, а мести. Подстрекаемый галицкими боярами, призывавшими на престол Берладника, великий князь готовился вместе с ним выступить в поход на запад, тем более что Мстислав Волинский по-прежнему собирал полки. Изяслав, естественно, после снema на Лутаве рассчитывал на Ольговичей и призвал к себе обоих Святославов — Ольговича и Всеволодовича. Однако Святослав Ольгович умолял Изяслава не выступать: «Брате, кому ищешь волости — брату или сыну? Хорошо бы тебе не начинать первым. Ты считаешь, что хотят на тебя идти; вот когда пойдут с похвальбой, то Бог будет с тобой, и я, и мои племянники» (князей-племянников к тому времени было уже двое — подросший Ярослав Всеволодович сидел в небольшом городке Ропеске).

Когда Изяслав, не внявший совету, всё же выступил, Святослав отправил вдогон нового посла, боярина Георгия Ивановича. «Не велит тебе брат начинать рати, — передал Георгий князю, — а всяко велит тебе воротиться». Изяслав пришел в ярость и велел передать: «Ведомо тебе будь, брате, — всяко не ворочусь, раз уже пошел. Но вот что передай, Георгий, брату Святославу: раз ты ни сам не идешь, ни сына непустишь, то если мне Бог даст добыть Галич, то тогда уж не жалуйся на меня, как поползешь из Чернигова в Новгород и пожалеешь о том слове». Узнав об ответе Изяслава, Святослав воззвал: «Господи, виждь мое смирение, — сколько я уступал, не желая пролить крови христианской и отчины своей погубить. Взял я лишь Чернигов и семь городов пустых — Моровийск, Любеч, Оргощ, Всеволож и прочие — в

них сидят псари да половцы. А всю волость черниговскую сам держит со своим племянником, и того ему мало — мыслит у меня еще и Чернигов забрать, а ведь крест ко мне целовал, что не будет отнимать у меня Чернигова никаким образом. Да будет за всем Бог и крест честной, от коего ты отступаешь. А я, брате, не лиха желаю, убеждая тебя не ходить, а желаю лишь мира и тишины земле Русской».

Изяслав между тем шел на запад. У города Мунарева он остановился, поджидая племянника Святослава Владимировича, посланного за половецкой подмогой. Тот еще не успел прибыть, когда пришла весть, что галицко-волынские соединенные силы во главе со своими князьями обошли великокняжескую рать и уже подступают к Киеву. Изяслав двинулся наперерез и запер Мстислава Изяславича в Белгороде. Перевес был сначала на стороне Изяслава, на помощь которому пришли еще 20 тысяч половцев. Их привел хан Башкорд, женатый на вдове Владимира Давидовича. Но другие кочевники — берендеи и торки, постоянно служившие Киеву и в последнее время ущемленные половецкой родней Юрия и Ольговичей, — переметнулись на сторону Мстислава. Когда измена стала явной, киевское войско рассыпалось. Взяв с собой племянника, Изяслав бежал сначала в Вышгород, а затем в черниговские владения, в Гомель. Здесь он некоторое время прождал жену, которая, узнав о поражении мужа, скрылась в Переяславле у зятя Глеба Юрьевича. По дороге к мужу княгиня остановилась в Ропеске, где ее «утешил и почтил», а затем проводил до Гомеля молодой Ярослав Всеволодович.

Изяслав не преминул «отблагодарить» Ольговичей — вторгся в земли вятичей, разорил принадлежавший жене Святослава Ольговича город Облов. Узнав о том, что Изяслав покорил вятичей, Святослав оставил смирение. Он конфисковал имущество бояр Изяслава, взял в заложницы их жен и отпустил только за выкуп.^{157} С другой стороны, он дал в Чернигове приют митрополиту Киевскому Константину, которого прогнал Мстислав, желавший возвести на митрополию своего ставленника. В Чернигове предстоятель и умер в 1159 году.^{158} Святослав со времен давнего конфликта с Нифонтом отличался почтением к высшему духовенству. Позже, в 1162 году он точно так же дал в Чернигове временное убежище изгнанному Андреем Боголюбским суздальскому епископу Леону.^{159}

Союзные князья без сопротивления вступили в Киев. Добро бояр и дружинников прежнего князя досталось победителям. Мстислав Изяславич понимал, что его права на великое княжение сомнительны. Поэтому, подобно отцу, он пригласил стать соправителем своего дядю Ростислава Мстиславича Смоленского. Ростислав, однако, не был похож на Вячеслава. Этот могущественный правитель, закаленный в усобицах, решительно настоял на признании своего единоличного старшинства. Весной 1159 года он прибыл в Киев и взошел на великокняжеский стол^{160}.

Первого мая Ростислав встретился в Моровийске со Святославом Ольговичем. Последний приходился новому киевскому князю сватом — тестем его сына Романа. Снем прошел в «великой любви», Святослав Ольгович без всякой опаски по первому приглашению явился к свату на обед. Ростислав одарил его мехами — соболем, горностаем, черной куницей, песцом и белым волком, а также «рыбьим зубом» — моржовыми клыками. На следующий день уже Ростислав обедал у свата и получал от него подарки: барса и двух коней под драгоценными седлами^{161}.

Непосредственным следствием этого союза стала совместная борьба с половцами. Ростислав не стал «утверждать мир» с ханами, а вместо этого принялся вместе с союзными князьями отгонять их от русских рубежей. Так, Олег Святославич разгромил рать Сантуза, а сам хан погиб в сражении^{162}.

Между тем усобица еще не закончилась и в Черниговском княжестве было неспокойно. Юрий Туровский, обозленный недавним вторжением в свои земли, решил взять реванш над Ольговичами и Мономашичами и вторгся в левобережье. Войска его дошли до Путивля^{163}. Несколько позже в степном порубежье у Выря объявился пришедший с севера Изяслав Давидович. К нему примкнули половцы, обиженные новым великим князем и Ольговичами. С ними Изяслав пошел на Чернигов, где находились дядя и племянник Святославы, а также Рюрик Ростиславич, присланный отцом им в помощь. Киевляне и берендеи не доверяли Ольговичам, поэтому, когда Ростислав отправлял к свату сына, в Киев был вытребован заложником самый младший из трех Святославичей, малолетний Всеволод.

Но сейчас Ольговичи, даже если бы хотели, не могли избежать союза с Ростиславом. Изяслав был их общим врагом, теперь уже

непримиримым. По Десне шли ожесточенные бои. Половцы Изяслава рвались к Чернигову и выжигали окрестные села. Святославы попросили у великого князя еще войска. Тот отправил к ним оставшихся под его рукой галичан и двух Мономашичей — Ярослава Изяславича и Владимира Андреевича. Изяслав, узнав о их подходе, начал отступление. Святославы и Рюрик пустились в погоню за Десну, но противника не настигли.

Однако на этом кампания не закончилась. У Изяслава, несмотря на репрессии прошлого года, еще оставались сторонники в Чернигове. На пути его догнала весть: «Не ездь никуда, княже. Брат твой Святослав болен, а племянник его пошел к Новгороду, а дружину свою отпустил». Изяслав, спешно развернув войска, устремился к городу. Известия были верны лишь отчасти. Святослав Ольгович, которому, возможно, действительно нездоровилось, стоял станом под стенами Чернигова. С ним были жена и сыновья Олег и Игорь. Только когда Изяслав переправился через Десну, а половцы стали разорять округу, Святослав узнал о приходе врага. Он вновь выстроил полки и отправил гонцов к Владимиру и Рюрику. Вскоре киевляне и галичане были уже обок Святослава. Союзных кочевников — берендеев и каепичей — Святослав бросил против половцев, занятых грабежом и потому беспечных. Берендеи перебили многих половцев и отбили у них полон. Степняки побежали, многие утонули в Десне. Увидев это и узнав от бегущих союзников, что из города вышли полки, Изяслав немедленно убрался за Десну и отправился обратно в Вырь. Там, однако, раньше оказался Святослав Ольгович. В Выре находилась жена Изяслава с Иваном Берладником. Святославу не удалось ни взять город, ни перехватить повернувшего в степь Изяслава. Он поджег острог и ушел.

Изяслав не утихомирился: сжег городок Зарытый на степном порубежье Черниговщины, затем вновь собрал к себе половцев и с ними пришел во Вщиж, к племяннику Святославу Владимировичу. Оттуда зимой 1159/60 года он совершил набег на смоленские земли. Пытаясь заручиться хоть чьей-то поддержкой, князь-изгой отправил посольство в Суздаль, где сидел сын Долгорукого Андрей Юрьевич, будущий Боголюбский. Изяслав просил его выдать дочь за Святослава Вщижского, своего единственного наследника, и оказать помощь в борьбе за Чернигов. Андрей согласился и отправил к Вщижу сына Изяслава, к которому присоединились муромские князья, уже

тяготевшие к Ростово-Суздальской земле. Между тем на Вщиж уже шли Святослав Ольгович, Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич. Святослав Владимирович затворился в своем стольном граде, ожидая прихода на помощь дяди и потенциального шурина. Его расчет оправдался: когда после неудачных приступов осаждающие провели о приближении суздальской рати, то тут же согласились на мир и ушли. Святослав Ольгович очень хорошо представлял себе силу Северо-Восточной Руси.

Изяслав Давыдович, уже спокойный за Вщиж, ушел в захваченную Вятичскую землю. Изяслав Андреевич повернул войска обратно на север и по пути забрал с собой тезку. На Волоке оба Изяслава и Святослав Владимирович встретились с Андреем Юрьевичем, и тот отдал за Святослава дочь.

Однако Святослав Ольгович не смирился. Как только Андрей распустил полки, под Вщиж двинулась новая, еще большая рать. Помимо черниговского князя, в походе участвовали его племянники Святослав и Ярослав, сын Олег, Рюрик и Роман Ростиславичи с киевскими и смоленскими полками, полоцкий князь Всеслав и галичане. Святослав Владимирович теперь не надеялся выстоять, но город удержал. После месячной осады вщижский князь согласился признать Святослава Ольговича главой рода и своим сюзереном. С тем войска возвратились, оставив Изяслава Давыдовича без всякой поддержки сородичей^{164}.

Усобица на Руси шла к временному затишью. Однако последние схватки едва не лишили Святослава Ольговича черниговского стола. Летом 1160 года Ростислав Мстиславич выпросил у него Олега Святославича, чтобы тот «узнал лучших киевлян, берендеев и торков». Два дня Олег, вставший по велению великого князя у сельца Шелвова, ездил на обеды к Ростиславу. Но на третий день по дороге ему встретился боярин Ростислава, предупредивший, что его хотят пленить. Олег, отговорившись болезнью матери, не без труда — что, конечно, только укрепило его в подозрениях — отпросился у Ростислава и поспешил в Чернигов. Он ничего не рассказал отцу, подозревая, что тот нарочно отправил его в заложники, зато стал требовать себе в княжение Курск. Святослав Ольгович, не почуяв подвоха, согласился.

Изяслав Давыдович, то ли подозревая разлад в семействе Ольговичей, то ли достоверно зная о нем (судя по дальнейшему,

последнее более вероятно), не преминул воспользоваться ситуацией. Он сговорился о совместных действиях с обоими Всеволодовичами, а Олега его послы застали еще по дороге в Курск. Дружинники Олега посоветовали ему согласиться на союз с Изяславом. Святослав Ольгович, узнавший обо всем случившемся стороной, был поражен. Однако бояре заявили князю: «Дивно, княже, что жалуешься ты на племянников своих и Олега, а своей жизни не блюдешь. Это ведь не ложь, что Роман Ростиславич посылал из Смоленска попа своего к Изяславу со словами: “Отдает тебе батя Чернигов, со мною в любви живи”. А сам тот хотел сына твоего захватить в Киеве. Ты уже, княже, и волость свою погубил, держась за Ростислава, а он тебе как-то лениво помогает». В конечном счете бояре заставили Святослава заключить с Изяславом союз. Как утверждает киевский летописец, все обвинения в адрес Ростислава были клеветой. Так ли? Бог весть. Не вызывает сомнений, однако, что в Чернигове, некогда принадлежавшем Давыду Святославичу, было немало сторонников Давыдовичей и все события могли быть звеньями одной хитроумной интриги в пользу старшей ветви княжеского дома.

Изяслав вновь собрал половцев и соединился с двоюродными племянниками. Однако Святослав Ольгович хотя и согласился на союз, но сам из Чернигова не выступил. Тогда Изяслав попытался призвать под свои стяги зятя Глеба Юрьевича из Переяславля. Но и тот не выказал желания сражаться за его интересы. Изяслав стоял под Переяславлем, пытаясь принудить Глеба к выступлению, а Ростислав тем временем собирал в Киеве войска. Когда киевская рать выступила к Переяславлю, Изяслав почел за лучшее обратиться в бегство.

Через некоторое время, впрочем, он вновь собрал разбежавшихся было половцев и двинулся к Киеву. Младшие князья, сохранившие верность союзу, опять пришли к Изяславу 8 февраля 1161 года союзники, переправившись через Днепр, внезапно подступили к Киеву. Ростислав к тому времени распустил основные войска, и половцам удалось прорваться за внешние стены столицы. Великий князь отступил к Белгороду, где собрал дополнительные силы. 12 февраля Изяслав, наконец, в третий и последний раз в жизни вступил в Киев, но не задержался в городе, а, отпустив пленных киевлян, пошел на Белгород. Ростислав сжег острог и укрепился в детинце, который Изяслав осаждал три недели. Здесь его застало посольство Святослава

Ольговича, вновь пытавшегося выступить миротворцем: «Заклучай мир. Если же не дадут тебе мира, всё равно иди за Днепр. Если будешь за Днепром, то вся правда будет твоя». Изяслав отвечал: «Братья-то мои, вернувшись, пойдут в свои волости. А я ни к половцам не могу идти, ни в Вырь — от голода помирать. Лучше уж здесь мне умереть»^{165}.

В марте к Белгороду с запада подошло большое галицко-волынское войско во главе с Мстиславом Изяславичем, а также «черные клобуки», ведомые Рюриком Ростиславичем. Изяслав, увидев превосходящие силы врага, вновь попытался бежать, но торки настигли обоз, а затем подоспело остальное войско, обрушившееся на отступавших. Несколько бояр злосчастного князя попали в плен, сам же Изяслав был зарублен в схватке. Это произошло 6 марта. Тело князя доставили в Чернигов и погребли в построенной его отцом церкви Бориса и Глеба^{166}. Эпопея борьбы за великокняжеский престол завершилась, так и не принеся Изяславу желаемого результата... Сдержанный и миролюбивый Святослав Ольгович, никогда не искавший Киева, остался единственным представителем своего поколения черниговского дома. Последние битвы большой усобицы, «разодравшей Русскую землю», мало касались Черниговщины. Святослав Ольгович быстро оправдался перед Ростиславом и примирил с ним своих племянников и сына. Вскоре после гибели Изяслава Давыдовича оба Святослава и Ярослав Всеволодович вновь целовали крест великому князю. Молодые князья, впрочем, не унялись. Воспользовавшись разладом, начавшимся у Мономашичей между великим князем и Мстиславом Волынским, младшие Ольговичи заключили союз с туровскими князьями. Они вместе, взяв еще полочан, в 1162 году напали на брата великого князя, Владимира Мстиславича, и отняли у него Слуцк. Эта акция прошла безнаказанно, но ничего, кроме добычи, черниговцам не принесла^{167}.

К 1164 году распря, наконец, утихла, и Русь после очень долгого времени усобиц получила несколько мирных лет. И именно в начале этого года ушел из жизни Святослав Ольгович, вся жизнь которого прошла среди смут и сражений, в которых он по нужде со всей доблестью участвовал, но которых, по крайней мере в зрелости, не любил. Перед смертью Святослав принял постриг под именем Гавриил (то же имя, возможно, носил в монашестве его брат Игорь, убитый в Киеве)^{168}. Умер Святослав 15 февраля и на следующий день был

погребен в Спасском соборе, где лежали почти все его родичи. Для его сыновей — и для княжившего в Курске Олега, и для почти тринадцатилетнего Игоря, и для Всеволода, пребывавшего в нежных летах, — прежняя жизнь закончилась. Теперь они, независимо от возраста, были не княжичами, а князьями. И весь груз счетов, прав и притязаний родни, все запутанные отношения владения и наследования, хитросплетения родства с этого момента определяли их жизнь. Судьба их была предрешена предками, родом еще до их рождения, и они были лишь частью этой коллективной судьбы...

Глава шестая.

ЮНОСТЬ

Со смертью Святослава Ольговича в Чернигове впервые по-настоящему встал вопрос о престолонаследии. Все годы усобицы, с момента незаконного захвата стола Всеволодом Ольговичем, проблема решалась явочным порядком — обычно по соглашению родичей ввиду перехода черниговского князя в Киев, будь то Всеволод, Игорь или Изяслав. Теперь, однако, черниговской знати предстояло самостоятельно решить, кто будет великим князем Черниговским.

Наиболее логичным и законным претендентом являлся Святослав Владимирович Вщижский. Но о нем не вспомнил никто. Сам он, помня прежние уроки, также не пытался ввязываться в соперничество между Ольговичами за его законную «отчину» — с силами одного Вщижского княжества это было вряд ли разумно. В итоге партия Давидовичей, еще несколько лет назад чрезвычайно сильная в Чернигове, осталась без вождя и без собственного интереса участвовать в происходящем. Этим, видимо, и объяснялся нейтралитет черниговского боярства в едва не развернувшемся противостоянии.

По родовому старшинству среди Ольговичей больше прав имели Всеволодовичи — Святослав Новгород-Северский и Ярослав Ропеский. Святославичи, из которых только Олег имел свой удел в Курске, а малолетние Игорь и Всеволод оставались при родителях, были в родовом смысле «моложе». Но Олег был старше Ярослава по возрасту, и в случае перехода власти к Святославу возможность посидеть в Чернигове в свой «законный» черед становилась весьма эфемерной. Так что Олег Святославич уступить не собирался.

Однако Олег во время болезни отца находился в своем Курске и даже не получил вовремя вести о его смерти. Поэтому позаботиться о благе сыновей выпало вдове Святослава Ольговича. Здесь неожиданно эта женщина, оставшаяся в летописях безымянной, выходит на миг на первый план повествования.

Летописцы сравнительно мало внимания уделяли женам князей, очень часто даже не называя их по именам. Не то чтобы тогдашняя Русь была обществом действительно патриархальным в духе XVI или даже

XIX века. Княгини имели собственные земли, сопровождали, как мы видели, мужей в походах, а при необходимости активно участвовали в политике. Христианская мораль призывала к «послушанию», а не к супружеской тирании. Мономах, как мы помним, учил сыновей не столько править семьей в духе позднейшего Домостроя, сколько не уклоняться в другую крайность — не становиться подкаблучниками. Да и странно было бы прививать идеал женщины как пассивной и смиренной, дочери и жены, покорной отцу и мужу, народу, первым христианским правителем которого была святая княгиня Ольга — жесткий политик и воительница. Однако летописи часто велись в монастырях, и внимание их авторов княгиня могла привлечь либо особым благочестием, либо, как в данном случае, неординарными политическими деяниями.

События, происходившие после смерти Святослава Ольговича, показывают новгородку как женщину энергичную, властную, вполне достойную спутницу князя времен всеобщей усобицы. Правда, искусством политического расчета она, как видно, владела в гораздо меньшей степени. Сразу после смерти Святослава княгиня призвала епископа-грека Антония, собрала бояр и потребовала целовать над гробом крест в том, что никто не пошлет вестей о смерти князя к Святославу Всеволодовичу. Антоний приступил к присяге первым, что вызвало удивление и недовольство бояр. Упомянувшийся выше Георгий Иванович, теперь уже тысяцкий Чернигова, высказал общее мнение: «Не стоило нам давать епископу целовать святого Спаса. Он же святитель, и мы не сомневаемся в нем — он ведь князей своих любил». Антоний, очевидно, понимавший мотивы княгини, торжественно отвечал: «Вот для чего свидетельствую перед вами — Бог мне свидетель и Родившая Его, что не пошлю я к Всеволодовичу никоим образом, не сотворю никакого коварства. К тому же, сынове, и вам молвлю: да не погибнете душами и не будете предателями, как Иуда». Вслед за епископом присягнула дружина.

Смерть Святослава Ольговича, казалось, и вправду удалось утаить — Олег узнал о ней только после прибытия в Чернигов. Получив вест о болезни родителя, курский князь собрал своих приближенных. «Княже, не медли, — сказали те, — поезжай быстрее. Всеволодович-то нехорошо жил с отцом твоим. Вдруг что замыслил лихое?» Олега не пришлось уговаривать — он помчался в Чернигов, надеясь застать отца

живым. 18 февраля 1164 года он въехал в город, но смог лишь поклониться отцовскому гробу и принять от матери власть.

Однако замыслы княгини сразу же пошли прахом. Она недаром требовала клятвы от Антония — но не могла, вероятно, представить, что тот легко ее преступит. Сразу же после крестоцелования епископ тайком отправил письмо Святославу Всеволодовичу в Новгород-Северский: «Дядя твой умер, а за Олегом послали. Дружина по городам далече, княгиня сидит в оторопи с детьми, а добра у нее много. Иди быстрее».

Причину этого «злого преступления» летописец объясняет просто: «...обман таил в себе, был ведь родом грек». Для древнерусского читателя этого и впрямь было достаточно — почтение к греческой учености и церковное подчинение Константинополю уживались с уверенностью в повальном коварстве греков. Однако современнику из одной этой фразы становились ясны и другие, более внятные мотивы предательства епископа. Собственно, указание на его происхождение действительно всё объясняет — с Всеволодовичами, внуками Феофано Музалон, Антония могло связывать даже родство, не говоря уже об общей с их бабкой национальности. Сыновья Всеволода Ольговича были греками даже более чем на четверть — их дед по матери Мстислав Великий приходился правнуком императору Константину Мономаху. Не Святославичам, детям новгородской боярышни и внукам дочери половецкого хана, тягаться в знатности с сыновьями Мстиславны, внуками Феофано, находящимися в родстве с аристократией половины Европы! Антоний, поправ собственное святительское достоинство, выбрал для себя и своей епархии князей, близких ему по крови и более благороднорожденных.

Упрашивать Святослава Всеволодовича не пришлось. Как раз в его поведении вряд ли можно найти что-то зазорное, кроме разве что непочтения к семье несколько раз прощавшего его дяди. В конце концов, Святослав являлся почти законным наследником и его права в рамках родового обычая трудно было оспорить. «Спешно прочтя грамоту», Святослав немедленно отправил сына занять Гомель, а в различные города Черниговщины разослал своих посадников. Явочным порядком вполне в духе отца, присвоив большую часть дядиных земель, он собирался сам выступить в Чернигов, когда узнал о прибытии туда Олега.

К чести обоих соперников надо заметить: они понимали, что усобицами Русь сыта по горло. Вместо того чтобы поднимать войска, князья вступили в переговоры. Некоторое время между Черниговом и Новгородом-Северским сновали послы — князья «ладились о волостях». Наконец решение было принято на основе закона и в согласии с епископским выбором. Олег соглашался уступить Чернигов Святославу при условии, что тот отдаст ему Новгород-Северский. С этим предложением в Новгород-Северский отправился боярин Иван Радославич. Святослав принял условия договора и целовал на том крест, поклявшись также: «Братьев твоих наделю, Игоря и Всеволода». Обмен совершился: Святослав въехал в Чернигов, а Олег отправился в Новгород-Северский на его место — с братьями, ибо выполнять обещание наделить малолеток собственными городами Святослав не спешил^{169}.

Остается отметить, что Антоний уже через несколько лет поплатился за призвание Святослава. Вместе со своим соотечественником киевским митрополитом Константином II он попытался отучить русских, в том числе князей и духовных лиц, есть мясо в великие праздники, если те приходятся на среду или пятницу. На защиту прежних обычаев, однако, встал печерский игумен Поликарп, рассорившийся из-за этого с митрополитом. Когда Святославу надоели запреты и поучения Антония, он попросту согнал своего благодетеля с епископии^{170}.

Лишившись черниговского стола, Олег Святославич принялся за укрепление своего положения на Руси. Предстояла борьба за земли для себя и братьев. Была и иная нужда — новый Новгород-Северский князь, к тому времени овдовевший, оставался бездетным. 29 июня 1164 года Олег женился на Агафье Ростиславне, дочери великого князя и собственной свойственнице^{171}. Этот брак, конечно, резко усиливал его позиции. Надо отметить, что Ростислав искренне сожалел о смерти Святослава Ольговича, узнав о которой, он преисполнился мыслями о суетности бытия и едва не постригся в монахи^{172}. Этим объясняются его согласие на не вполне канонический брак и теплые чувства, которые он позднее испытывал к зятю. В 1165 году уже сам Олег выдал младшую сестру, шестнадцатилетнюю Марию, за одного из волынских князей, Ярополка Изяславича Бужского^{173}. Союз с племянником

великого князя и братом Мстислава Изяславича был его страховкой на случай смены власти в Киеве.

Впрочем, Святослав Всеволодович также не терял времени даром. Его дети уже вошли в возраст, и их можно было использовать для расширения связей с другими княжескими домами. В 1166 году Святослав отдал свою дочь Болеславу в жены Владимиру, сыну галицкого великого князя Ярослава Осмомысла — одного из самых могущественных правителей Руси^{174}. Ярослав приходился Олегу свояком по первой жене, так что теперь Святослав как бы уводил у соперника прежнего свойственника. Впрочем, брак этот был заключен уже после того, как княжество вновь, второй раз за два года, оказалось на грани усобицы.

В том же 1166 году умер Святослав Владимирович Вщижский. Детей после него не осталось, род Давидовичей пресекся. Следовало перераспределить уделы, и Олег рассчитывал на учет интересов его и братьев. Он потребовал от черниговского князя отдать Вщиж. Тот отказался, посадил во Вщиже одного из своих старших сыновей, а лучшие земли покойного и Стародуб прирезал к владениям брата Ярослава. Однако он не учел новых родственных связей Олега. Великий князь Ростислав, усмотрев, «что Святослав Олега обижает», встал на защиту зятя и потребовал от черниговского князя наделить кузенов землями. Святослав не послушал — и тем едва не накликнул войну.

Жители Стародуба призвали к себе Олега. Однако когда тот явился с дружиной, в городе уже был присланный Ярославом Всеволодовичем гарнизон. Олег в ярости захватил полон в окрестностях города и вернулся в Новгород-Северский. Святослав велел брату выступить вместе с половцами на северские земли, но в 15 верстах от города рать повернула восвояси — возможно, это была просто демонстрация силы и союза со степняками. Олег же, вернувшись в город, разболелся, «так что и на коня не мог сесть». Узнав о состоянии зятя, Ростислав не стал начинать ради него войну, а предложил замириться со Святославом. Никто по-прежнему не хотел большой усобицы, и стороны быстро пришли к согласию. Черниговский князь отдал Олегу для него и братьев четыре города и поклялся на кресте, что будет соблюдать договор^{175}.

Жена Олега Агафья была в то время беременна. Вскоре после заключения договора у князя, наконец, родился сын. Он был назван в честь деда Святославом, а в крещении Борисом^{176}. Вскоре, однако, в княжеской семье возникла коллизия, в которой нам мало что понятно: Олег при живой супруге взял к себе некую «Андреевну», которая, впрочем, умерла через несколько месяцев^{177}. Только о последнем и упоминает летопись, создавая головоломку для исследователей генеалогии. Скорее всего, речь идет о вщижской княгине, дочери Андрея Боголюбского и молодой вдове Святослава Владимировича. Можно догадываться, что после рождения сына в княжеской чете возник разлад и князь сошелся с перебравшейся к нему вдовой родича. В перспективе он мог к тому же надеяться на союз с ее могущественным отцом — но ничто не сбылось... В конце того же года Олег, как любящий супруг, принимал у себя тестя. Впрочем, детей у них больше не было.

Половцы, притихшие за мирные годы, вновь стали пробовать на прочность границы и торговые пути Руси. В том же году великий князь посылал войска отогнать их от порогов. И Олегу Святославичу, только что похоронившему «Андреевну», пришлось отражать нападение хана Боняка на рубежи своего княжества. Половцы были разбиты и отброшены^{178}.

Игорю Святославичу уже исполнилось пятнадцать. В летописи он упоминается разве что косвенно — через ссылки Олега на интересы младших братьев. Получил ли он от брата в непосредственное управление хотя бы один из четырех переданных Святославом городов, неизвестно. Все-таки до зрелости Игорю было еще далеко. Олег мог сделать полученные города просто источником «прокорма» для младших братьев, не допуская их к управлению. Что Игорю теперь насущно требовалось, так это реальный боевой опыт. И можно не сомневаться, что в том году он его получил. Вряд ли он ходил в дружине брата к Стародубу — никакой нужды в том не было, но в битве с половцами юный князь участвовать мог. В таком случае это было первое сражение будущего героя «Слова». Но в летописи об этом ничего не сказано, и нам остается лишь строить догадки.

В конце 1166 года великий князь Ростислав отправился в Новгород Великий, чтобы разобраться во взаимоотношениях тамошних бояр с княжившим у них его сыном. По дороге он, не завернув в Чернигов,

прибыл в Чичерск, где встретился с зятем Олегом и дочерью Агафьей. Олег призвал тестя на обед и богато одарил его, с «радостью» отпраздновав встречу. На следующий день Ростислав призвал чету к себе и отдарился еще более щедро, после чего направился дальше, в Смоленск, откуда выехал в Новгород^{179}. Возможно, эта торжественная встреча демонстрировала урегулирование семейного конфликта, о котором в летописи остался лишь невнятный намек, но о котором тем не менее знали в Киеве.

Проводив тестя, Олег возобновил войну с половцами. Теперь к нему присоединились Всеволодовичи, чьим владениям осмелевшие степняки также угрожали. Морозной зимой 1166/67 года Олег Святославич и Ярослав Всеволодович одновременно выступили в степь — разорять теперь уже самих половцев, загнанных непогодой в свои кочевья. Олег напал на Гзу — одного из известных впоследствии ханов донецких половцев, разграбил его кочевье, вывез немало золота и серебра, а кроме того, увел в полон жену и детей хана. Ярослав Всеволодович разорил кочевье жившего западнее хана Беглюка. Не потерпевшие особого урона черниговцы и северцы, «восхвалив Бога и Пречистую Его Матерь, вернулись восвояси»^{180}.

Все эти первые годы после отцовской смерти юный Игорь, как мы видим, оставался в тени старшего брата. На страницах летописей мы его имя не встречаем, по крайней мере в качестве действующего лица. Однако уже близились события, роковые для всей Руси, которые впервые вывели его, хотя бы в числе остальных, на историческую сцену. Распря за черниговские уделы показала, что Рюриковичи успели отдохнуть и набраться сил, а миролюбия у них не прибавилось. А 21 марта 1167 года, возвращаясь с севера в Киев, умер великий князь Ростислав Мстиславич, которому удалось на короткое время утишить Русь. Над Киевом стали собираться тучи новой большой усобицы.

Глава седьмая.

ПАДЕНИЕ КИЕВА

История государств состоит не только из побед и достижений. Нередко крутые исторические повороты низвергают в бездну некогда могущественные державы. В итоге всякому величию приходит конец. И в то же время поражение одной стороны оказывается великим свершением для другой. Это в равной степени может касаться как внешних войн, так и внутренних раздоров. Вследствие иных из них народы вполне могут обрести новый, не менее величественный ход своей истории.

Среди многочисленных междоусобиц, постигших распадавшуюся Русь на протяжении XII столетия, в этом смысле выделяется одна — война союза удельных князей против Киева в 1169 году. С какого бы расстояния ни смотреть на падение древней столицы Руси под ударами соплеменников, оно останется трагедией и катастрофой. Но при всём том окончательный распад Древнерусского государства послужил дальнейшему расцвету отдельных входивших в него земель, среди прочих — Владимиро-Суздальской, будущей колыбели Великороссии.

Символично, что именно в этих событиях, потрясших до основания дотопле всё еще привычные основы русской политической жизни, впервые упоминается Игорь Святославич как князь и предводитель, один из рядовых вождей коалиции, обрушившей прежнюю Киевскую Русь в небытие. Едва заметный тогда и малозаметный долгие годы после, он ускользает от взора биографа, растворяясь в окружающей его истории. Но для исследователя эпохи его судьба вполне может стать путеводной нитью. Игорь, почти безликий в источниках, кроме «Слова», как будто избран через великолепную поэму стать воплощением того сонма князей, который своими крамолами подготавливал и усугублял совершившееся...

После смерти Ростислава киевская знать и Мономашичи приняли решение вручить престол Мстиславу Изяславичу Волынскому. Брат покойного князя Владимир, последний из сыновей Мстислава Великого, вынужден был согласиться с общим мнением, надеясь править совместно с племянником. Не вышло — Мстислав,

поддерживаемый могущественным галицким соседом Ярославом Осмомыслом, сразу взял всю власть в свои руки. Киевские бояре, хорошо относившиеся к «Мстиславу племени», приняли Мстислава Изяславича с охотой. Правда, среди разросшегося семейства Мстиславичей сразу возникли несогласия. Владимир Мстиславич поднял мятеж. Но новому князю удалось подавить междоусобицу в зародыше и примирить сородичей. Владимир и его двоюродный брат, зять Святослава Ольговича Владимир Андреевич, были вынуждены бежать из Киевского княжества. Последний, впрочем, вскоре вернулся и получил обратно свой Дорогобуж.

Наследство Мстиславу досталось не из легких. Его власть ограничивалась Волынью и Киевом. На северо-востоке Руси, в Суздале, Ростове и Владимире, княжил сын Юрия Долгорукого Андрей. Он хорошо помнил вражду отца с родителем нового киевского князя. На юге цитаделью Юрьевичей был Переяславль на левобережье Днепра.

За Днепром начинались владения Ольговичей. Святослав Всеволодович настороженно встретил весть о новой власти в Киеве. Ее законность была сомнительной. Мстислав приходился черниговскому князю двоюродным братом, а оттертый Владимир Мстиславич — родным дядей. Святослав Всеволодович дал приют в Чернигове матери Владимира Мстиславича, которую новый князь прогнал из Киева. Мать же черниговского князя приняла на время у себя в Глухове племянницу своего мужа, жену Владимира Андреевича, с детьми^{181}.

Мстислав не мог полностью положиться и на свою родню. У его дяди и предшественника Ростислава осталось несколько сыновей. Основной опорой Ростиславичей был Смоленск. Там княжил старший из них Роман. Его братья Рюрик и Давыд, жившие на юге, вскоре почувствовали себя обделенными. Отношения Мстислава с двоюродными братьями окончательно испортили своевольные новгородцы. Со сменой власти в Киеве они задумали прогнать Святослава Ростиславича и призвать на его место сына нового великого князя. Мстислав не смог и не захотел им отказать.

Пытаясь остановить разгоравшуюся смуту, Мстислав прибег к уже испытанному его дядей, а до него дедом и прадедом приему — затеял в 1168 году поход на половцев. Те не прекращали совершать набеги на пограничье, перерезали торговые пути — вновь вспыхнувшая княжеская распря придавала им смелости. Замысел Мстислава

стремительно воплотился в жизнь. На его призыв с готовностью отозвались даже Ольговичи и переяславские Юрьевичи, не меньше страдавшие от половецких грабежей. По этому поводу летописец отмечает: «были тогда Ольговичи в Мстиславовой воле, и всем угодна была дума его».

Что изменилось всего за несколько месяцев, не очень понятно. Однако, возможно, сыграли роль примирение Мстислава со свойственником черниговских князей Владимиром Андреевичем и возвращение последнего в Дорогобуж. В конце концов Мстислав и сам приходился прямой родней Святославу Черниговскому, а сестра Олега Новгород-Северского была замужем за его братом. Ростиславичи, ближайшие свойственники и союзники Олега, пока Мстиславу не перечили. Права же Владимира Мстиславича никого не волновали. Во всяком случае, не Ольговичам было выступать ревнителями чужого родового закона, когда они даже свой блюли без всякой охоты. Так что прибывшее от Мстислава в Чернигов посольство было встречено добром, и все Ольговичи откликнулись на призыв. Святослав и Ярослав Всеволодовичи привели в Киев черниговские полки, а Олег Святославич — своих северян. Вместе с Олегом отправился самый младший из братьев — Всеволод, для которого это был первый поход. В ту пору ему было около пятнадцати лет. Игоря, следовательно, оставили в Новгороде-Северском охранять княжество во время отсутствия старшего брата.

В итоге в Киеве собралось действительно большое войско. Мстислав мог сравнивать себя с водившим против Степи всю Русь тезоименитым дедом. Помимо четверых Ольговичей явились братья великого князя Ярослав Луцкий и Ярополк Бужский, Глеб и Михалко Юрьевичи из Переяславля, а также туровский и городенский князья. Рюрик Ростиславич пришел сам и привел полк хворавшего брата Давыда. Под знамена киевского князя собрались рати почти со всего юга Руси.

Второго марта 1168 года войско выступило из Киева. Через несколько дней умер болевший с самого начала похода Ярополк, но Мстислав повелел скрыть смерть брата и продолжать движение. Расчет его оправдался — стремительный марш русских войск вглубь степи, как уже бывало, застал половцев врасплох. Война закончилась легкой победой. Русские настигли бежавших в панике степняков, разбили их,

захватили шатры с богатой добычей и угнали немалый полон. Ярослав Всеволодович командовал арьергардом, другие же Ольговичи приняли участие в погоне и захвате добычи. За весь поход войска великого князя потеряли только двух человек. Но успех обернулся для Мстислава бедой. Уже в походе между князьями возник разлад. «Братья» решили, что доставшаяся Мстиславу большая добыча не соответствует его личному вкладу в победу.^{182}.

Однако внешне всё складывалось великолепно. На съезде в Киеве князья хором восхваляли Мстислава. Вместе с ним они торжественно прошествовали к Каневу, демонстрируя побежденным кочевникам свою силу и встречая идущих из Византии купцов. Здесь Глеб Юрьевич Переяславский дал обед в честь Мстислава и в знак дружбы богато одарил великого князя. Впрочем, Ольговичи на снем в Киев званы не были — в нем участвовали только Мономашичи и их союзник из Турова. Среди прочих встречался с Мстиславом и Владимир Андреевич, как раз вернувшийся из изгнания и принявший от великого князя Дорогобуж.

Между тем холопы киевских бояр Петра и Нестора Бориславичей угнали коней из великокняжеского табуна и поставили на них боярское тавро. Проведав об этом, князь разгневался и отдалил от себя братьев-бояр. Рассерженные Бориславичи, пламенные сторонники «Мстиславова племени», обратились к Давыду Ростиславичу, рассказав ему, будто Мстислав хочет пленить Ростиславичей. Это походило на правду — великий князь действительно намеревался отнять у двоюродных братьев как минимум Новгород.

Давыд поспешил сообщить Рюрику: «Брат, приятели мне поведали, что Мстислав хочет нас захватить». — «А за что, брат? — удивился Рюрик. — За какую вину? Давно ли он крест нам целовал?» Бориславичи, однако, заверяли: «Когда Мстислав позовет вас на обед, то тут и захватит. Наше слово вам правое».

Вскоре Мстислав действительно позвал Ростиславичей на пир. Рюрик и Давыд поставили условие: «Если крест нам поцелуешь, что лиха на нас не замыслил, то, конечно, поедем к тебе». Изумленный Мстислав созвал на совет дружину: «Велят мне братья крест целовать, а вины за собой не ведаю». Дружинники ответили: «Княже, не братья велят тебе крест целовать. Это злые люди завидуют твоей любви к братьям и вложили злое слово. Человек ведь злее беса — и бес того не

замыслит, что злой человек замыслит. А ты всяко прав пред Богом и пред людьми. Без нас ты бы ничего не замыслил и не сотворил, а мы все ведаем твою истинную любовь ко всем братьям»— и предложили: «Пошли к ним и скажи: я крест целую вам, что никакого лиха на вас не замыслил, а вы мне выдайте, кто нас ссорит». Так князь и поступил. Давыд на это обещал: «Если мне кто еще поведает такое, то выдам». Таким образом, Бориславичей он выдавать не стал. Крестоцелование совершилось, но отношения между кузенами теперь оставляли желать лучшего.

В это время и Владимир Андреевич снова обиделся на Мстислава. Княжа в малозначительном Дорогобуже, он стал просить у двоюродного племянника другую волость. Но для этого надо было прогнать кого-то с удела. Великий князь разгневался и резко ответил: «Ты, брат Владимир, разве давно крест целовал мне и волость у меня взял?» Взбешенный Владимир покинул Мстислава и уехал в Дорогобуж, изыскивая возможности поквитаться за обиду.

На таком фоне спор из-за новгородского стола вылился в междоусобную войну. Еще в 1167 году новгородскому князю Святославу Ростиславичу стало известно о заговоре горожан. Его сторонники среди новгородских бояр сообщили о ночных «вечах», устраиваемых в городе, и о замысле захватить князя врасплох. Святослав, произведя расследование, убедился в правоте доносчиков. Он созвал дружинный совет, и дружинники посоветовали ему покинуть город: «Сперва-то по отцовой смерти они тебе крест целовали, но всегда и ко всем князьям неверны. Промыслим о себе, пока люди о нас промышлять не начали». Святослав выехал в Великие Луки и отправил гонца в Новгород со словами: «Не хочу у вас княжить».

Обрадованные таким исходом новгородские бояре присягнули на образе Богородицы, что сами «не хотят» Святослава, и двинулись походом на Луки. Святослав бежал оттуда в Торопец, а новгородцы отправили послов в Киев — просить великого князя отправить к ним сына. Тут и началась усобица. Святослав обратился за помощью к Андрею Боголюбскому. Суздальский князь с готовностью откликнулся на его мольбы. Столь же охотно взялся помогать брату и Роман Ростиславич Смоленский. Пока южные князья гоняли по степи кочевников, их северные родственники двинули силы на Новгород. Суздальские полки взяли и выжгли Торжок, а смоленские — Великие

Луки. К смолянам подошла помощь из Полоцка. Союзники отрезали Новгород, прервав сообщение с Киевом. Новгородцам объявили: «Нет вам князя иного, кроме Святослава».

Те, однако, не только не сдались, а подняли в городе восстание против сторонников Святослава. Посадник, начавший переговоры с врагом, был убит вместе со своими самыми заметными сторонниками. Один из бояр, пробившись с дружиной через полоцкие полки, отправился за новым князем в Киев. После этого противники некоторое время бессмысленно маневрировали: Святослав со своим огромным воинством безуспешно пытался настичь новгородских посланцев, а новый новгородский посадник — Святослава. Весеннее половодье 1168 года остановило войну. Мстислав Киевский как раз вернулся из половецкого похода.

Четырнадцатого апреля 1168 года в Новгород прибыл новый князь Роман Мстиславич. «И рады были новгородцы своему хотению». Радость эта вылилась в месть соседям. Новгородские и псковские дружины вторглись в Полоцкую землю и опустошили ее, не дойдя 30 верст до самого Полоцка. Зимой 1168/69 года новый князь совершил набег на Торопец, поквитавшись за Луки и Торжок. Город был сожжен, а многие жители угнаны в полон^{183}.

Безнаказанность этих набегов объяснялась просто. Основные силы Суздаля и Смоленска были заняты другими проблемами. Союзники не стали возвращаться на север, а решили вместо этого идти на самого Мстислава. Андрей Суздальский сговорился с черниговскими князьями и обиженными Мстиславом «братьями». И те и другие с готовностью целовали крест на том, что вместе выступят против великого князя. Андрей обвинил Мстислава в незаконном захвате Киева и объявил ему войну. Во главе рати он поставил своего сына, тоже Мстислава. Присоединились северские Ольговичи, Глеб Переяславский, Владимир Дорогобужский и, разумеется, Ростиславичи.

Едва ли ущемление прав Владимира Мстиславича, на изгнание коего из Киева сетует официальная владимирская летопись^{184}, беспокоило Андрея больше, чем Ольговичей. После победы об этих правах и не вспомнили. Боголюбский рассчитывал укрепить свое влияние в Новгороде, а по возможности передать ближней родне и Киев. Сам он, в отличие от отца, занимать киевский престол никогда не хотел.

Резоны Ольговичей менее очевидны. Отцовских претензий на Киев Святослав Всеволодович не забывал никогда, но час для их воплощения еще явно не настал. Выступление под началом Андрея означало подчинение ему, как бывало прежде с его отцом Юрием, чего в Чернигове не могли не понимать. Потому-то, очевидно, Всеволодовичи сами на Киев и не пошли, хотя и послали в помощь черниговцев. С другой стороны, Мстислав явно мечтал главенствовать над всей Русью, уподобиться Мономаху и Мстиславу Великому, что ни одного из Ольговичей совсем не устраивало. После смерти Ярополка Бужского самая надежная связка Ольговичей с новым великим князем оборвалась. Прочие же свойственные узы побуждали скорее примкнуть к Ростиславичам и Владимиру Андреевичу, которые были теперь Мстиславу лютыми врагами. Всё это в полной мере относилось и к Олегу Северскому, который приходился шурином и смоленскому, и дорогобужскому князьям.

Итак, коалиция против Киева объединила почти все сильнейшие княжества Руси и удельных князей самой Киевщины. Помимо Мстислава Андреевича выступили его дядья-Юрьевичи Глеб Переяславский и Всеволод, двоюродный брат Мстислав, четверо Ростиславичей — Роман, Рюрик, Давыд и Мстислав, Владимир Андреевич Дорогобужский. Кроме того, подошли полки из Полоцка, Мурома и Рязани. Из Новгорода-Северского пришли Олег и Игорь. Последний впервые появляется на летописных страницах как полководец. В прежних боях брата с половцами он то ли участвовал, то ли нет. Война уделов против Киева, дотоле невиданная Русью, стала первой кампанией, об участии в которой Игоря достоверно известно. Символично, что его младший брат Всеволод — «Буй Тур», воспетый в «Слове» прежде всего как отважный и сильный воитель, всего годом ранее ходил в свой первый поход — против Степи, а первая война, в которой несомненно участвовал Игорь, была войной с соплеменниками, причем едва ли не самой катастрофичной за весь богатый на жестокости и преступления XII век...

Рать союзников собиралась в Вышгороде, недалеко от Киева. Обеспокоенный Мстислав Изяславич не нашел ничего лучше, чем послать на помощь сыну в Новгород находившегося в Киеве Михалка, брата Андрея Боголюбского. Разумеется, это обернулось лишь потерей необходимых сил. Михалко, впрочем, соблюл свою честь. Он был

перехвачен собственным племянником Мстиславом Андреевичем и просто вынужден был сдаться в плен — вроде бы из-за предательства союзника, кочевого хана Бастея.^{185}.

В начале марта, в русский Новый год, шедшие с севера Мстислав Андреевич и смоленский князь Роман последними присоединились к союзной рати. 5 марта 1169 года войска удельных князей обступили столицу Руси со всех сторон. Припасов не хватало — война разразилась почти внезапно, и к осаде никто не готовился. Недоставало защитникам и твердости. В городе оказалось множество союзных кочевников — торков и берендеев. Один из их ханов, Бастей, уже перешел на сторону осаждавших. Остальные степняки, оказавшиеся запертыми вместе с князем в столице, вступили в переговоры с противником.

И всё же Киев держался три дня. Воины Мстислава Изяславича и киевляне отбивали со стен все попытки союзников взять город штурмом. Но когда они наконец «изнемогли», дружины союзных князей благодаря помощи изнутри проникли внутрь по речному стоку. В спины защитников стен полетели стрелы. Тогда дружинники великого князя обратились к нему: «Что, княже, стоишь? Поедем — нам их не превозмочь».

«И помогли Бог и святая Богородица, и отчая и дедовская молитвы Мстиславу Андреевичу с братьями его, — сообщает владимирский летописец, — взяли Киев, чего не бывало никогда». Ему вторит киевский «коллега», хотя, конечно, с большей сдержанностью: «Помог Бог Андреевичу Мстиславу с братьями, и взяли Киев». И только новгородец, сочувствующий своему князю и его отцу, уверяет, будто Мстислав Изяславич вовсе «не бился с ними, отступил волей из Киева». При отступлении он оставил на милость победителей жену и одного из сыновей. Город пал 8 марта 1169 года.

Мстислав Изяславич с братом Ярославом и небольшой дружиной бежал к пригороду Киева, Василеву. Но по дороге их нагнали конники предателя Бастея. В спины бегущим полетели стрелы. Многие были ранены и попали в плен. По именам летописец называет четверых бояр и одного княжеского чиновника, добавив: «...и иные многие». Только на реке Унови бывший великий князь оторвался от преследователей. Оттуда он беспрепятственно добрался до своей Волыни.

Богатства Киева вскружили голову воителям из других княжеств. Два дня, даже невзирая на Великий пост, в городе продолжался грабёж.

Не пощадили ни боярскую Гору, ни торгово-ремесленный Подол, ни церкви и монастыри. Многие киевляне погибли, жен отрывали от мужей и уводили в плен. Из храмов уносили иконы, священнические ризы, книги. В качестве главных виновников погрома Киевская летопись поминает «смольнян, суздальцев, черниговцев и Олегову дружину». Оправдывая сограждан, владимирский летописец ссылался на «неправду» митрополита, спорившего с печерским игуменом из-за правил поста. Но именно Печерский монастырь пострадал более всего, подожженный торками и берендеями.

«И были в Киеве всем человекам стенание, печаль и скорбь безутешная, — повествует Киевская летопись, — и слезы непрестанные. Это же сделалось всё по грехам нашим»^{186}.

С властью киевского князя над Русью отныне было покончено навсегда. Сильнейшие князья, участники похода, теперь с полным основанием приняли титулы великих. Ни один из них, во избежание соперничества, не стал занимать киевский стол. После длительных переговоров на него посадили Глеба Юрьевича Переяславского. Этот младший отпрыск суздальского дома продержался в Киеве, как и все его ближайшие преемники, совсем недолго. Из-за княжеской чехарды, когда сменялось по два-три князя в год, Киев окончательно утратил роль столицы Руси. Распад древнего единства стал реальностью.

Едва ли оно могло сохраниться. Логика распада довлела над всеми средневековыми государствами Европы. Их столицы неизбежно вытягивали соки из окраин, властвуя над ними, взимая дань, сосредоточивая у себя всё ценное. Так было и на Руси — Киев развивался за счет других русских городов и земель. Удельная система дала им право голоса — а затем и силу низвергнуть власть Киева и не допустить ее возрождения. Раздробленность, при всех ее отрицательных последствиях, обеспечила равномерность развития разных областей Руси. Падение Киева поставило лишь символическую точку в процессе, шедшем уже десятки лет.

Быть может, добейся Мстислав Изяславич успеха в борьбе с Андреем Боголюбским и его союзниками, этот финал был бы на время отсрочен, но сам процесс всё равно продолжался бы. Возможно, Мстиславу удалось бы заложить основы объединения Руси вокруг Киева и Волыни, как современные ему французские короли закладывали основы объединения Франции. Но эти основы позднее

были бы неизбежно сметены монгольским нашествием. Сын Мстислава Изяславича Роман в начале XIII века объединил на время Киев, Волынь и Галич, но его государство просуществовало лишь около века и было погребено штормовыми валами междоусобных войн и монгольского нашествия. И не оно объединило Русь.

Падение Киева означало возвышение новых центров Руси, среди которых на первое место сразу вышло Владимиро-Суздальское княжество. Андрей Суздальский не стал претендовать на киевский престол, сосредоточившись на делах своей земли. Его трудами вырос город Владимир. По всему княжеству возводились великолепные христианские храмы — как будто в искупление киевского разора. Андрей заботился о просвещении подданных. Его любимая резиденция с сооруженным по княжескому приказу храмом получила выразительное название Боголюбово. Так начинала строиться Владимиро-Суздальская Русь. В будущем, под водительством Москвы, именно она станет достойной преемницей ушедшей в небытие Руси Киевской...

* * *

Мы не знаем, какую конкретную роль сыграл при захвате Киева Игорь Святославич. Упомянут он только в общем перечне выступивших против столицы князей. У летописцев не нашлось причин выделять семнадцатилетнего «северца» из общего ряда. Впрочем, из позднейших событий видно, что если уж Игорь ввязывался в войну, то от битвы никогда не уклонялся, так что, можно думать, удамой воитель уже тогда выказывал отвагу. Другой вопрос — насколько чистое было дело и каковы были поступки юного героя после победы.

Олег Святославич — единственный среди грабителей Киева, которого летопись называет по имени, выделяя из общего ряда иногородних разбойников. Не потому ли, что описывавшему разор города киевлянину просто не хотелось терять время, подыскивая географическое определение для жителей Новгорода-Северского: «севера», «северяне», «северцы», «новгородцы», «Новгород-северцы»? Но, скорее, всё же потому, что Олег постарался, чтобы Киев его запомнил. Князя и прежде, как мы не раз видели, не гнушались брать

добычу по праву войны, однако разграбление церквей во взятой на щит «матери городов русских» — дело иное.

С прискорбием приходится признать: вряд ли Игорь останавливал брата и его дружинников и едва ли от них отличался. Военская стезя героя «Слова» — насколько она нам известна — началась, увы, в дыму пожара главного стольного града его отечества, под плач русских женщин и детей, уводимых из домов соплеменниками. Не раз еще на этом пути он будет и участвовать в смутах, и затевать их. И к нему в том числе, если не в первую очередь, обращен упрек автора «Слова»: «Это вы своими крамолами наводили поганых на землю Русскую...»

Глава восьмая.

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

Пришло время приостановить печальное описание княжеских распрей и вновь, на этот раз пристальнее, в приближении, взглядеться в сцену и декорации, среди которых будет разыгрываться дальнейшее действие. Мир Игоря и мир «Слова» имел не только временное, но и пространственное измерение, а потому место, где Игорь жил и княжил, может сказать о нем не меньше, чем события, в которых он принимал участие.

Почти вся жизнь Игоря Святославича была связана с Новгородом-Северским. В его окрестностях он появился на свет, здесь провел детство и сюда же вернулся с братом Олегом после смерти отца. В Чернигове Игорь прожил лишь семь лет — с шести до тринадцати. На этот возраст приходилось обучение как грамоте, языкам и книжности, так и военной премудрости. Если уроки второго легко дались бы и в Новгороде, то постигать первое, как уже говорилось, было гораздо сподручнее в Чернигове. К воспитанию Игоря, должно быть, приложил руку и грек-епископ Антоний, «любивший» княжескую семью, пусть, как выяснилось, и неискренне. Так что в Новгород-Северский Игорь вернулся, надо думать, полноценно образованным по тем временам юношей. Здесь ему и суждено было остаться на многие годы. Вопрос в том, насколько отвечало Северское княжение амбициям побывавшего в большом мире «Русской земли» княжича.

Впрочем, ответ на него можно дать сразу, и будет он отрицательным. Новгород-Северский был если и не самым «медвежьим углом» Руси, наподобие вятичских Карачева или Брянска, то недалеко ушел от них. После многолюдного, обустроенного, оваянного древней славой, блещущего убранством соборов, не обделенного духовными и светскими знаниями Чернигова попасть в подростковые годы обратно в северское захолустье — радости мало. От Чернигова за пару-тройку дней можно было добраться до Киева. На глазах Игоря, еще мальчика, его отец и двоюродный дядя обсуждали судьбы всей Руси и киевского стола! Должно быть, идя на Киев войной в 1169 году, Игорь, как и его старший брат, испытывал мстительное удовольствие. Но после победы,

пусть и с богатой добычей, им пришлось возвращаться обратно. Ни в Киеве, ни в Чернигове для Святославичей места не было.

Первое упоминание Новгорода-Северского относится к зиме 1078/79 года, когда Владимир Мономах разгромил под его стенами половецкого хана Белкатгина, отбив русский полон.^{187} Однако град существовал еще задолго до этого. Славяне-северяне селились на месте будущего города в IX — первой половине X века. Естественные укрепления — овраги и всхолмья — служили защитой от возможных нападений для нескольких северских сел.^{188}

На рубеже X—XI столетий Владимир Святославич занялся обустройством приграничных областей для борьбы с кочевниками-печенегами. На месте прежнего северского села, на холме-останце над крутым берегом Десны был возведен укрепленный град. Южная и юго-западная стороны холма в те годы были перекрыты валом на деревянном срубе. Площадь первоначального града, будущего детинца, составляла около трех гектаров. Для сравнения, Чернигов уже в то время занимал порядка восьми гектаров. «Новый город» на Северщине был тогда, конечно, еще не городом, а просто крепостью, защищавшей округу и границы Руси от кочевников.^{189}

Новое строительство началось в Новгороде при Олеге «Гориславиче», которому град достался как «отчина» после Любечского съезда. Лишившийся Чернигова и Тмутаракани, видевший красоты Византии князь, конечно, не слишком уютно чувствовал себя в жалкой крепостице, уступавшей размерами даже Любечскому замку. Потому он позаботился о расширении своей новой столицы и постепенно превратил ее во второй по значимости город Черниговской земли. При Олеге Новгород-Северский стремительно разросся. Вокруг детинца, к югу и к востоку, вырос заселенный посадским людом окольный город. Его защищал острог, шедший полукольцом, замыкаясь у подножия холма с цитаделью. Общая площадь Новгорода выросла примерно до двадцати пяти, а позднее и до тридцати с лишним гектаров. Были перестроены и укрепления детинца. Детинец связывался с посадом Острожными воротами, а в самом остроге не позднее середины XII века прорубили Курские и Черниговские ворота.

Олег, естественно, озаботился и устройством собственной резиденции. Северо-запад детинца был отведен под княжеский терем с огражденным двором. По меркам Новгорода-Северского, чьи обитатели

прежде ютились в небольших заглубленных сельских домах площадью от 16 до 22,5 квадратного метра, это был настоящий дворец. О его размерах можно судить по раскопанному археологами квадратному погребу, где в амфорах хранились мед и другие хмельные напитки, а также масло. Площадь погреба составляла 56,25 квадратного метра — некоторым нашим современникам хоромы Олега показались бы довольно скромными... Впрочем, отчасти так оно и было — все-таки если не основное, то немалое время князь проводил в Чернигове. Рядом с княжеским двором при Олеге было построено первое в Новгороде-Северском каменное здание — церковь Михаила Архангела, небесного покровителя князя. В общем, к концу правления «Гориславича» Новгород-Северский уже мог считаться настоящим городом^{190}.

При последующих князьях посад продолжал заселяться и отчасти расширяться, а город в целом застраиваться. Во времена Игоря Святославича горожане уже обитали в наземных домах с деревянными или глинобитными полами. Посадские жили, как и по всей Руси, ремеслом и торговлей. Город был довольно богат, сноился с Киевом и даже Византией. Оттуда привозили, в частности, дорогую посуду, в том числе стеклянную. За острогом окольного города начинались княжеские и боярские угодья, нередко с укрепленными усадьбами, — те самые, что не раз подвергались разору во время описанных выше междоусобиц^{191}.

Итак, Новгород-Северский ко времени прибытия в него братьев Святославичей уже был крупнейшим городом Черниговской земли после столицы. Однако всё познаётся в сравнении. Уже к середине XII века город почти остановился в росте. За следующие несколько десятилетий его площадь практически не увеличилась. Новгород давно оставил позади себя Любеч, но уже во второй половине столетия его начал догонять Путивль. Что же касается Чернигова, то он продолжал расти. В первой половине века он превышал размерами Новгород более чем вдвое, а во второй половине — уже примерно в шесть раз! Унылым, должно быть, казалось Святославичам возвращение из бурлящей жизнью столицы в застойный, пусть и зажиточный северский град невдали от Половецкой степи. Последнее обстоятельство наряду с вечными княжескими распрями естественным образом замедляло развитие Новгорода. Дело было даже не в опасности набегов кочевников — от них не был застрахован и Чернигов, особенно в пору

междоусобиц. Просто северский град не граничил с богатыми землями, и желавшим торговать с Киевом или греками посадским проще было обосновываться именно в Чернигове, у устья Десны, а не выше по ее течению. Историки считают, что население Новгорода-Северского не превышало нескольких тысяч человек.

Местность за городской чертой издавна была обжитой. Новгород-Северский стоял в окружении множества старых и новых градов, и невозможно было проехать и дня по берегу Десны, не наткнувшись на русское укрепление. К югу и юго-востоку стояли грады Посулья и Посемья. Однако в основном это были княжеские замки или укрепления-убежища, а не настоящие города. Святослав Ольгович некогда жаловался, что живут в них одни «псары» да наемные половцы, а доходов никаких не приносят. Ни экономическими, ни тем более культурными центрами эти поселения не являлись — разве что знаками присутствия княжеской власти.

Однако присутствие это мало меняло вековой уклад жизни. Киев или Чернигов были центрами закона и веры, неизбежно воздействовавшими на всю округу. В Новгороде-Северском сидел князь, но не имелось епископа, едва ли было много по-настоящему грамотных людей. Никаких следов развития здесь грамотности и книжности нет. Неудивительно, что за городской чертой начинался уже совершенно иной мир. Автор «Повести временных лет» в начале XII века писал о северянах, радимичах и вятичах: «...один обычай имели: жили в лесах, как и всякий зверь, ели всё нечистое. И срамословие у них между отцами и снохами, и брака не бывало у них, но игрища между селами. Сходились на игрища, на пляски, на всякие бесовские песни, и тут умыкали жен себе, кто с кем стоворился. Имели же и по две, и по три жены. Если кто умирал, то совершали тризну над ним, и потом, устроив большой костер, возлагали на него мертвеца и сжигали. Затем же, собрав кости, клали в сосуд малый и ставили на столпе на путях, как творят вятичи и ныне»^{192}.

Из последнего замечания можно было бы предположить, что у северян и радимичей языческие обычаи уже ушли в прошлое. Но автор «Летописца Переславля-Суздальского», работавший уже в начале XIII века, не только не опускает последнее замечание о вятичах, но и дополняет рассказ об обычаях всех племен новыми подробностями и эмоциональными комментариями: «...срамословие и бесстыдство,

дьяволу угождая, возлюбили между отцами, снохами и матерями. Вместо браков возлюбили игрища между селами, и тут сближались, рыская по пляскам. И по пляске узнавали, которая жена или девица к молодым похоть имеет. От воззрения очес, от обнажения мышц, от показания перстов рук, от налагания перстов на персты чужие, да и от целования с лобзанием, как плоть с сердцем разжигались, так и сближались. Одних брали, а других, поругавшись, бросали на посмеяние до смерти. Имели же и по две, и по три жены — слаб ведь обычай женский, и начали друг перед другом лица красить румянами и тереть белилами, чтобы юноша возжелал ее похотью. И когда кто умирал у них, то творили тризну великую. И потом на груду дров великую возлагали мертвеца и сжигали. Потом же, собрав кости, ставили на распутье на столпе и в курганы ссыпали, что творят вятичи и ныне»^{193}. Очевидно, действительно «творили», — судя по гневным, явно сделанным с натуры зарисовкам обличителя, — и, скорее всего, не только вятичи.

Об этом свидетельствует и археология. Она, конечно, практически ничего не может сказать о брачных обычаях и семейном укладе, но об обычаях погребальных говорит немало. В XI—XII веках северяне по-прежнему хоронили своих мертвецов в курганах, причем иногда со скромными заупокойными подношениями. Правда, тела умерших уже не сжигали^{194}. Как бы то ни было, хотя языческие святилища в Подесенье давно уже не существовали, но языческие обычаи действительно сохранялись.

К лежавшей севернее земле вятичей, «волости Вятичи» Чернигово-Северского княжества, это относилось в гораздо большей степени. Вятичи, как и утверждал автор «Летописца», еще в XII веке подчас сжигали тела почивших соплеменников и хоронили по древнему ритуалу — в курганах, иногда с домовинами-«столпами». С приходом новой веры кремация начала отмирать, и обычные погребения в XII веке уже преобладали, но их вряд ли можно назвать христианскими: при похоронах всё равно разводили очистительный костер, и уголья от него ссыпались в насыпь кургана. В «христианскую» эпоху захоронения стали даже богаче заупокойными дарами^{195}. Итак, вятичи и в самом деле, в согласии со свидетельствами летописцев, больше сохраняли верность языческой старине, чем северяне. Однако Вятичская волость одно время входила во владения новгород-северских

князей и они немало за нее боролись. Вятичи долго сохраняли значительную автономию, если не независимость от Рюриковичей. Этим в значительной степени и объяснялась живучесть древних обычаев в их лесной глуши.

Собственных князей у вятичей к описываемому времени уже не было, но они держались дольше, чем в любом другом восточнославянском племенном союзе. В конце 1070-х — начале 1080-х годов на вятичскую столицу Кордно, где сидел князь Ходота с сыном, дважды ходил с дружиной Владимир Мономах^{196}. Видимо, тогда Вятичская земля и была включена как особая волость в состав Черниговского княжества, а ее население подчинилось Рюриковичам. Но княжеская власть оставалась здесь во многом условной, а попытки христианизации вызывали сопротивление. В начале XII века был убит вятичами пытавшийся обратить их к Христу печерский монах Кукша; по свидетельству Киево-Печерского патерика, он «бесов прогнал, и вятичей крестил, и дождь низвел, озеро иссушил, и многие чудеса сотворил», однако же «по многих муках усечен был со своим учеником»^{197}. Еще в 1140-х годах вятичи, как мы видели в связи с борьбой Святослава Ольговича и Изяслава Давидовича, собирались в Дедославле на общее вече, с которым и имели дело князя. Позднее об этом ничего не известно. Частые захваты волости враждующими князьями, конечно, подрывали племенную вольность. Но вятичи сохраняли прежние нравы, как и свое название, признанное за их волостью сменявшимися друг друга Рюриковичами. Последние в вятичских городах, как правило, не сидели, а потому племенная старшина могла по-прежнему распоряжаться здесь.

Леса Подесенья и Поочья с маленькими городками и труднодоступными селами действительно были «иным» миром, и чем дальше от Новгорода-Северского с его княжеским теремом и каменным Михайловским храмом, тем более «иным». Это был мир тех самых «украин», где, по словам автора «Слова об идолах», «и ныне... молятся проклятому богу их Перуну, Хорсу, и Мокоши, и вилам, но творят это как бы тайно»^{198}. Здесь имена этих и прочих языческих богов — Велеса, Дажьбога, Стрибога, — которые мы встречаем на страницах «Слова о полку Игореве», звучали живо и естественно, повседневно, а не в качестве поэтических метафор.

Но мир княжеских палат не был отделен непроницаемой стеной от мира маленьких градов тайных язычников. Это были части одного целого — мира тогдашней Руси, сообщение между ними осуществлялось постоянно, и, следовательно, они не могли не испытывать взаимного влияния. Вести из «инога» мира приносили в княжеские дома странствующие «песнотворцы», и христианские правители спокойно и благодарно внимали, когда их чествовали как «Дажьбожьих внуков», что не мешало тем же «песнотворцам» призывать на них благословение Божие. Странность и вредность «двоеверия» была ясна по преимуществу духовенству, писавшему обличительные «слова».

Полуязыческий Лес был не единственным соседом новгород-северских князей. Их город стоял на Десне, в порубежье Леса и Степи — и чем дальше на юг, тем ближе становился еще один «иной» мир, еще более чуждый, еще менее христианский — и в то же время опять-таки не совсем чужой для князей из дома «Гориславича». Их военные союзники и свойственники, половцы, в мирные годы легко переходили границу, оседали на службе у черниговских и северских князей, смешивались с их подданными. И если на лесном севере последние сохраняли верность отеческим обычаям, то на лесостепном юге легко заимствовали половецкие. Точно так же и половцы перенимали обычаи, а то и веру русских, — но едва ли становились более верными христианами, чем они. Для Святославичей половцы оставались ближайшими нерусскими соседями — иногда друзьями, временами врагами и в любом случае родней. Завладевшие Черниговом Всеволодовичи могли счесться родством с византийской знатью или с королевскими домами Скандинавии, зато Святославичи — со степными ханами.

Невелика гордость. Поживших в средоточии Руси Святославичей наверняка глодали обида и недовольство. Стремление доказать, что и он в своем захолустье чего-то стоит, постоянно гнало Игоря по его княжеской жизни — то к добру для него и Руси, то к худу. Пример показывал брат, до конца жизни не забывавший, что мог бы сидеть в Чернигове. В свое время Игорь не упустит собственный шанс. Но пока — большую часть отпущенных ему лет — он жил в Новгороде-Северском, и стремление то украсить собственную малую землю, то прославить себя на брани раз за разом загоралось в нем да и в

сородичах, которых он возглавил после Олега. «Или мы не князи?» — этот риторический вопрос, толкнувший Игоря в бедовый поход 1185 года, вполне мог бы стать девизом всей его жизни.

* * *

С вокняжением Глеба Юрьевича в Киеве всю Центральную Русь охватил пожар усобицы. На севере Андрей Боголюбский со смоленскими союзниками пытался сломить непокорный Новгород, на юге его брат отстаивал Киев от посягательств Мстислава Изяславича, а их родня между тем делила уделы Киевщины. В этой распри пострадала и сестра Святославичей, жена умершего в январе 1170 года Владимира Андреевича Дорогобужского. Двоюродный брат покойного Владимир Мстиславич, ища новых владений, обманом выгнал вдову с телом мужа из Дорогобужа и присвоил ее имущество.^{199}

Ольговичи вовсе не влезали в эту расприю Мономашичей. Поучаствовав в разорении Киева, они как будто ушли из большой русской политики, предоставив членам конкурирующего дома разбираться между собой. Единственный раз Святослав Всеволодович выказал неблагожелательство к Глебу, когда дал в Чернигове пристанище изгнанному им Михайловскому князьку Васильку — союзнику Мстислава из туровской княжеской линии.^{200} Но этим его вмешательство в распри 1169—1170 годов и ограничилось. Этой разумной политикой Черниговщина почти наверняка была обязана изысканному уму своего великого князя Святослава. Чернигов и Новгород-Северский копили силы. Святослав, как вскоре стало ясно, примерялся к киевскому престолу. Олег же не оставлял надежды в случае перехода кузена в Киев получить Чернигов. Надо думать, Святослав умело поддерживал это заблуждение. Их интересы, таким образом, пока совпадали — и Ольговичи слаженно уклонились от ратных дел прочих русских князей.

Однако это было именно накопление сил, и не только военных. Не позднее начала 1170 года Игорь Святославич женился. Супругой его стала дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла. Как Ярославна она упоминается в «Слове о полку Игореве». Подтверждает ее происхождение и Ипатьевская летопись, называющая Владимира

Ярославича шурином Игоря^{201}. Несомненно, эта брачная комбинация была чрезвычайно выгодной — Игорь становился не только зятем могущественного правителя Юго-Западной Руси, но и мужем племянницы Андрея Боголюбского и Глеба Киевского. Кроме того, брак гарантировал, что Осмомысл не станет поддерживать своего свата Святослава Всеволодовича против Святославичей и будет заинтересован в союзе со всеми Ольговичами, равно как и в их согласии между собой. Не исключено даже, с учетом этих обстоятельств, что брак инициировал сам Святослав, чтобы усыпить бдительность северской родни, крепче привязать ее к себе, а заодно получить надежного и сильного арбитра на случай конфликта.

В литературе Ярославна часто именуется Евфросинией. Имя это впервые всплывает в «Родословнике» императрицы Екатерины II, остальные сведения которого об этом браке, включая ошибочную дату его заключения (1184), восходят к «Истории Российской» Татищева^{202}. Откуда взято имя, неизвестно. По одной версии, императрица приписала супруге Игоря монашеское имя ее матери Ольги; по другой, появление «Евфросинии» может быть как-то связано с княжескими помянниками. В Любечском синодике упоминается Евфросиния, жена князя Феодосия, который, однако, никак не может являться Игорем-Георгием. Итак, остается признать, что имя единственной в полном смысле слова героини поэмы об Игоре в походе, ставшей самым выразительным женским образом древнерусской литературы, нам неизвестно, как и имена многих других княгинь удельной эпохи.

Еще меньше знаем мы о жене младшего брата Игоря, Всеволода. Его брак был заключен примерно в то же время или немногим позже. В «Слове» она названа Глебовной. Первые комментаторы в 1800 году домыслили, что она являлась дочерью великого князя Глеба Юрьевича. В росписи Рюриковичей, приложенной к изданию, неизвестный автор заполнил лакуну, дав княгине имя Ольга. Правда, оно не встречается ни в одном источнике^{203}. По поводу происхождения Глебовны можно только сказать, что версия издателей «Слова» весьма вероятна, но не является единственной. В первой половине 1170-х годов Святослав Всеволодович пытался вернуть в лоно черниговского дома оторвавшихся от него рязанцев. Он выдал за Романа, сына рязанского князя Глеба Ростиславича, одну из своих дочерей^{204}. На дочери же

Юрия Ростиславича Муромского черниговский князь женил своего старшего сына Олега^{205}. (именно он с наибольшей долей вероятности является Феодосием Любечского синодика; следовательно, это его жену звали Евфросинией^{206}). Так что Глебовна могла быть и дочерью Глеба Рязанского — тогда становится еще более вероятно, что устраивать судьбу младших братьев помогал Олегу Святослав.

Какие бы политические расчеты ни стояли за этими браками, «Слово» рисует их как идеальное, основанное на любви супружество. Прежде всего это касается брака Игоря и Ярославны. Хочется верить древнерусскому поэту, вложившему в уста княгини трепетный плач о не вернувшемся из похода муже. На пустом виде песнь о тоске и ожидании Ярославны вряд ли могла возникнуть. Конечно, в догадках такого рода нет ничего научного. Но «Слову» здесь хочется верить.

Восьмого октября 1170 года у молодой княжеской четы родился первенец, названный Владимиром. Это имя в черниговском доме редкое. Очевидно, дано оно было в честь галицкой родни — так звали и деда, и брата Ярославны, а также Мономаха, ее деда по материнской линии. В крещении младенца нарекли Петром^{207}. Имя было наречено в честь священномученика III—IV веков Петра Капетолийского, память которого праздновалась 4 октября. Правда, в Любечском синодике Владимир Игоревич назван Антонием, на основании чего Р. В. Зотов предположил, что у Игоря было два сына с одним именем и Владимир-Петр умер в младенчестве^{208}. Но Ипатьевская летопись внимательно следила за первыми прибавлениями в северском семействе. Скорее всего, Антоний — монашеское имя Владимира. Даже князя не слишком хорошо различали многочисленных одноименных святых, и покровителем Владимира Игоревича в семье, вероятно, считался апостол Петр^{209}. Так и сам Игорь, судя по сохранившейся его печати, считал своим небесным покровителем Георгия Победоносца — «воинского» святого, давно почитавшегося Рюриковичами^{210}.

1170 год подвел черту под вторым раундом схватки Мономашичей за Киев и Новгород. На Волыни умер Мстислав Изяславич. Его сына Романа прогнали страдающие от голода новгородцы, приняв на княжение Рюрика Ростиславича. Наконец, 20 января 1171-го отдал Богу душу великий князь Глеб Юрьевич, успев за свое короткое княжение прославиться не только сварами с родней, но и отражением от киевских границ вконец обнаглевших половцев. До киевского стола добрался

Владимир, последний из сыновей Мстислава Великого, и мира это, естественно, не принесло. Против нового великого князя сразу выступил Андрей Боголюбский, «велев» ему убираться из Киева. Неизвестно, к чему привела бы новая распря среди Мономашичей, но 30 мая того же года скончался и Владимир. Андрей, собравшийся отправить в Новгород сына вместо изгоняемого новгородцами Рюрика, решил загодя компенсировать Ростиславичам потерю и «дал» Киев Роману Смоленскому. Киевляне беспрекословно повиновались решению суздальского князя. В начале июля Роман сел на киевском столе^{211}.

Ольговичи продолжали соблюдать строгий нейтралитет. Северские князья приходились шуринами Роману Ростиславичу, а сам он — шурином старшему из них, Олегу. Владимир Мстиславич тоже приходился Ольговичам сватом — на княжне из их семейства был женат его сын Мстислав^[12].^{212} С Андреем Ольговичи также были связаны родством. Это позволяло им и дальше выжидать, оставаясь над схваткой, тем более что соперничество Мономашичей всё более напоминало войну всех со всеми. Однако Святослав и Олег сочли, что уже пришло время продемонстрировать накопленную мощь. Случай для этого вскоре представился. С ним связан первый самостоятельный поход двадцатилетнего Игоря Святославича, сразу заставивший говорить о нем как о славном полководце и заступнике Русской земли.

Половцы, заметив признаки продолжения смуты, принялись разорять Поросье. Летопись отмечает: «В то же время сидел Святослав Всеволодович в Чернигове, а Роман сидел в Киеве, и начали половцы вред причинять по Роси». Не очень понятно, почему в этой связи поминается Святослав, в чьи владения Поросье не входило. Далее зафиксировано рождение 24 июня 1171 года у Ярослава Всеволодовича сына Ростислава-Ивана, а затем уже поход Игоря. Не исключено, что именно Святослав направил молодого князя против кочевников — защищать «отчину» Мономашичей от разора, пока те заняты своими сварами. Поскольку Роман Ростиславич еще не утвердился в столице, ответственность за оборону южной границы Руси логично было взять сильнейшему среди ее правителей.

В день памяти святых апостолов Петра и Павла, 29 июня, еще до прибытия Романа в Киев, Игорь с полками выехал «в поле за Ворсклу». Откуда он отправился и где набрал «полки свои», не очень понятно. В

Новгороде-Северском все-таки княжил Олег, и тамошний «полк» служил ему. Игорю полагалась своя дружина, но, скорее всего, в походе участвовало и ополчение. Слова летописца, что поход был направлен «за Ворсклу», к границам Переяславского княжества, дают возможность предполагать, что рать выступила из какого-либо города на Сейме — Курска, Путивля или Рыльска. Возможно, Игорь от имени брата правил Посемьем. Из всех здешних городов Игорь был теснее всего связан с Путивлем, некогда хранившим верность его отцу. Он подолгу пребывал здесь и позднее, когда уже стал новгород-северским князем. Именно здесь ждала его в «Слове» Ярославна.

Итак, откуда выехал Игорь и где он собрал войско, не вполне ясно, зато понятно, куда он направлялся. Переправляться на правый, киевский берег Днепра князь, естественно, не собирался, однако готов был предотвратить разбой половцев на левобережье. Его надежды оправдались. Сразу после переправы через Ворсклу Игорю попался небольшой разведывательный отряд половцев. Степняков похватили, и князь узнал от них, что ханы Кобяк и Кончак, объединив силы, двигаются к Переяславлю.^{213}.

Здесь в нашем повествовании появляется хан донецкой орды Кончак — будущий союзник, враг и сват Игоря Святославича. Это был один из самых известных и сильных половецких вождей, запечатлевшийся в преданиях как соплеменников, так и русичей. Кончак происходил из древнего рода. Его отец Атрак приходился сыном Шарукану Старому, некогда возглавлявшему нашествие половцев на Русь. После смерти родителя Кончак подчинил себе других ханов донецкой орды и принялся совершать набеги на Русь. У половцев в XIII веке существовало предание, будто он «вычерпал Сулу, ходя пешком, котел нося на плече».^{214}.

На страницах летописей Кончак впервые упоминается в связи с усобицей 1169—1170 годов. В ту пору, как, кстати, и годом позже, он еще не располагал значительными силами. Летописец называет его вождем «половцев диких» и сообщает, что со всем своим «родом» Кончак пришел на помощь осажденному в Вышгороде Давыду Ростиславичу по приказу великого князя Глеба.^{215} Теперь, после смерти Глеба, Кончак решил использовать замятию, чтобы прощупать крупнейший город порубежья Переяславль либо его окрестности. Для этого он объединился с другим выдающимся степным вождем

следующих десятилетий, ханом лукоморской орды Кобяком Карлыевичем — тот тоже только начинал объединять своих соплеменников в Приазовье и Нижнем Поднепровье. Успешный поход на Переяславль прибавил бы обоим ханам славы и авторитета, даже если они со своими сравнительно небольшими силами не намеревались брать город.

Узнав о половецком походе, Игорь переправился обратно на правый берег Ворсклы ниже по течению, у города Лтавы (видимо, нынешней Полтавы) и скорым маршем двинулся к Переяславлю, надеясь перехватить кочевников на подступах. Половцы двигались неспешно, разоряя попадавшиеся на пути села, опустошив окрестности городов Баруча и Серебряного, так что Игорю легко удалось нагнать врагов. Степняки были захвачены врасплох. Увидев превосходящее их числом и свежее русское войско, они не решились принять бой и бежали, бросив весь захваченный полон. Дружинники Игоря кинулись вдогон, часть половцев перебили, захватили пленников. Эта победа случилась 20 июля — «так помог Бог христианам в день святого пророка Илии».

От Переяславля Игорь, освободив русских и торческих пленников и гоня с собой половецких, с богатой добычей двинулся к Киеву. Он хотел 24 июля отметить с уже севшим на киевском столе зятем Романом день памяти святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. К утренней службе Игорь не поспел, но въехал в город к вечерней. На следующее утро князь встретился с братьями-Ростиславичами Романом, Рюриком и Мстиславом. Каждому из них досталась доля добычи. Любопытно, что летописец при рассказе об этом использует слово тюркского происхождения «саигат», которое русские переняли то ли от «черных клобуков», то ли от самих половцев. После распределения «саигата» Игорь простился с Ростиславичами и отправился «восвояси».^{216}.

Между тем конфликт Андрея с Ростиславичами все-таки случился. После того как Юрий Андреевич в начале 1172 года сел в Новгороде, Ростиславичи стали высказывать недовольство. Когда Андрей потребовал выдать ему троих киевских бояр, подозреваемых в отравлении князя Глеба, Ростиславичи отказали. Прогневанный Андрей потребовал, чтобы Роман возвращался в Смоленск, а его братья оставили города Киевщины. В Киев суздальский князь теперь определил своего брата Михалка, а тот, не решившись сесть в столице,

отправил на пустующий стол младшего брата Всеволода. Роман беспрекословно повиновался Андрею, но младшие Ростиславичи взбунтовались. Обвинив Боголюбского в нарушении крестоцелования, они ночью ворвались в Киев, схватили Всеволода Юрьевича и посадили на княжение Рюрика Ростиславича.^{217}.

Святослав Всеволодович решил, что его час настал. В том же 1172 году он заложил на княжеском дворе в Чернигове храм Архистратига Михаила, своего святого покровителя.^{218}, — должно быть, стремился заручиться поддержкой свыше. Понемногу, как бы по обстоятельствам, Чернигов возвращался в политическую жизнь Руси в эти самые сумбурные месяцы замятии, когда киевский престол то пустовал, то захватывался по случаю. Обстоятельства и впрямь благоприятствовали Святославу Владимир Ярославич, сын Осмомысла и зять Святослава, поссорился с отцом, изменявшим его матери Ольге Юрьевне, и вместе с ней бежал из Галича к Ярославу Изяславичу Луцкому, который правил теперь на Волыни. Галицкий князь потребовал его выдачи, и напуганный Ярослав спровадил изгнанников в Торческ, к Михалку, брату княгини Ольги. Тогда Святослав пригласил Владимира Ярославича в Чернигов, обещав отправить зятя в безопасный Суздаль к другому дяде, Андрею, — но выполнять обещание не спешил.

Тем временем Ростиславичи собрали войска и выступили против Михалка. После нескольких дней осады Святослав предложил свое посредничество, и стороны заключили договор: Михалко и Святослав признавали Рюрика Ростиславича киевским князем, в обмен тот давал Михалку Переяславль; Всеволода Юрьевича освобождали из плена в обмен на выдачу Владимира Ярославича, которого Ростиславичи собирались отослать к отцу.^{219}. Договор на первый взгляд был невыгоден для Андрея и ничего не давал Святославу, кроме сомнительной славы предателя собственного зятя. Однако на деле Святослав обеспечил свободу брату Боголюбского и увеличил собственный политический вес в его глазах. Принятое же при его участии решение о передаче Переяславля резко усиливало позиции Юрьевичей на юге в преддверии событий, которые Святослав постарался немедленно ускорить.

Переходить на сторону Рюрика, на что надеялись Ростиславичи, Святослав и не собирался. Он практически сразу дал приют в Чернигове новому беглецу — изгнанному Ростиславичами

трепольскому князю Мстиславу, которого побоялся или не захотел принять Михалко. Ольговичи «рады были» распре, с новой силой разгоравшейся между Мономахичами. Святослав и Ярослав Всеволодовичи сговорились с северскими Святославичами, и все вместе отправили посольство к Андрею. Послы призывали Андрея идти на Ростиславичей. «Кто тебе ворог, тот и нам, а мы за тебя готовы», — заверяли они Боголюбского от имени своих князей^{220}.

Андрей сначала потребовал от Ростиславичей оставить Киевщину, а когда они отказались и даже оскорбили его посла, поднял войска. В 1173 году огромная рать, собранная со всей Ростово-Суздальской, Муромо-Рязанской и Новгородской земель, — Киевская летопись называет 50 тысяч воинов, — двинулась на юг. Вели ее новгородский князь Юрий Андреевич и воевода Борис Жидиславич. Сначала войско должно было идти к Чернигову, на соединение с Ольговичами, а после — к Киеву. У Смоленска Юрий заставил Романа Ростиславича послать против братьев собственный полк. Здесь же присоединились полоцкие и турово-пинские князья. У Чернигова все пять Ольговичей влились в союзную рать со своими полками. Затем подошли Михалко и Всеволод Юрьевич с переяславцами. Всего собрались 20 князей — почти в два раза больше, чем в прошлом походе суздальцев на Киев!

Напуганные Ростиславичи, получив известие о переправе вражеского полчища через Днепр, бросились из Киева врассыпную. Рюрик бежал в Белгород, а Давыд и Мстислав в Вышгород, откуда первый помчался в Галич — просить помощи у Осмомысла. Не встретив сопротивления, союзники «въехали в Киев»^{221}.

Теперь следовало решить судьбу киевского стола. Михалко его и прежде не хотел, а краткий опыт Всеволода отбил у него охоту к притязаниям. К тому же Киев уже стал могилой для двух князей суздальского дома — Долгорукого и его сына Глеба. Поэтому когда объединенные киевская, чернигово-северская и переяславская рати 8 сентября 1173 года пошли на Вышгород, то старшим князья признали Святослава Всеволодовича. Глава Ольговичей мог торжествовать победу — киевский стол был уже почти в его руках как дар от «всей Русской земли».

Но в этот раз победа, к разочарованию Ольговичей, была уведена буквально из-под носа с молодости искушенного в интригах черниговского князя. И виной тому был засевший в Вышгороде

Мстислав Ростиславич, которого уже начали называть Храбрым. Первыми к граду подошли полки «младших» князей Всеволода Юрьевича и Игоря Святославича, а также новгородцы и ростовцы. Мстислав, завидев врага, выехал на заливной луг перед градом и начал строить войска к битве. Завязалась перестрелка. Всеволод и Игорь с охотой ввязались в бой и атаковали лучников Мстислава всеми силами. Увидев это, Мстислав воскликнул: «Братия! Воззрите на Божию Матерь и помощь святых мучеников Бориса и Глеба!» — и повел дружину в бой. Всеволод выстроил войско тремя полками, расположив по флангам ростовцев и новгородцев, а в срединном полку встал сам. Где был Игорь, неизвестно; возможно, вместе с союзником. Мстислав, чья дружина численно уступала противнику, врезался в княжеский полк и «потоптал» его, однако развить успех ему не дали — новгородский и ростовский полки охватили его ратников с флангов.

Дружина Мстислава, однако, не поддавалась панике. Войска смешались, занялась ожесточенная сеча. В ней не оказалось победителя — показав свою удаль, Храбрый пробился обратно в город. Потерь с обеих сторон было на удивление немного.

Однако вскоре подошло основное войско под водительством Святослава и Михалка. Тут уж Мстиславу пришлось нелегко. Но Вышгород держался около двух месяцев. Мстислав не раз посылал дружинников на вылазки, наносившие урон врагу, но и сам нес тяжелые потери. Город держался из последних сил, когда внезапно с запада подошло новое войско. То была, однако, не ожидаемая помощь от Ярослава Галицкого, а Ярослав Луцкий «со всей Волынской землей». Святослав Всеволодович, как выяснилось, заранее сговаривался с ним о союзе, но на этот раз перехитрил сам себя. Ярослав готов был воевать с Ростиславичами — при условии, что Ольговичи признают его старшинство. Прав на Киев «по отчине и дедине» у него было несколько меньше, чем у Юрьевичей, но больше, чем у Ростиславичей, не говоря уже о Святославе. Впрочем, о правах в эту усобицу вспоминали уже в процессе их реализации. Святослав отказался уступать лучанину Киев. Ярослав поступил как заправский наемник, только платой в его игре был еще несколько лет назад самый чтимый на Руси престол. Луцкий князь обратился к Ростиславичам с тем же предложением, с каким ранее обращался к Ольговичам: признать его старшинство и обещать ему Киев. Получив согласие, — что еще было

делать Ростиславичам, чтобы сохранить хоть какие-то владения на Киевщине? — Ярослав свернул разбитый под стенами Вышгорода лагерь и ушел к Белгороду, где его ждал Рюрик.

В стане коалиции тут же началась паника. Ходили слухи: «Уже наверняка они соединились против нас с галичанами и с черными клобуками!» В конечном счете среди ночи полки снялись и побежали за Днепр в страхе перед отсутствующим врагом. При поспешной переправе многие потонули. Мстислав Ростиславич, увидев такой исход, мог только возблагодарить Бога и погребенных в городе князей-мучеников. Выйдя из града с дружиной, он разграбил брошенные шатры и обоз, а потом ударил бегущих по тылам — еще не вся огромная рать успела уйти на левый берег — и взял немалый полон. Каким-то чудом за всю войну не погиб и не сгинул никто из новгородцев, что с удовлетворением отметил их земляк-летописец. Зимой потрепанные северные рати ушли восвояси. А Святославу пришлось иметь дело с новым киевским князем, ибо Ярослав Изяславич не замедлил с согласия Ростиславичей занять оставленный противником Киев^{222}.

Святослав Всеволодович торопился — надо было как-то рассчитаться с уже примерившимися к Чернигову Святославичами, да и обида была слишком сильна, чтобы медлить. Как только Ярослав вошел в Киев и занял престол, к нему явились черниговские послы «с жалобой» своего князя: «На чем целовал крест? Вспомни прежний уговор! Ты же говорил: “Если я сяду в Киеве, то я тебя наделю, а если ты сядешь в Киеве, то ты меня наделишь”. Ныне же ты сел — право ли, криво ли; надели же меня!» Ярослав в ответ не без правовых резонов заявил: «Зачем тебе наша отчина? Тебе эта сторона [Днепра] не нужна».

Аргумент был действительно сильный — с точки зрения права, а не войны. Святославу указали на то, что днепровское правобережье по родовому закону принадлежит Мономашичам, а не Ольговичам. Однако Святослав после прежнего просчета в очередной раз продемонстрировал, что является одним из искуснейших политиков Руси. Его ответ ставил весь родовой закон буквально с ног на голову, но с формальной точки зрения казался почти безупречен: «Я не угрин и не лях (то есть не венгр или поляк. — С. А.). Мы одного деда внуки. Сколько тебе до него, столько и мне. Если не стоишь на прежнем уговоре — воля твоя»^{223}.

Придуманное Святославом обоснование своего права на Киев действительно было новацией — одновременно изящной и наглой — в русской политике. Действительно, Ярослав и Святослав были внуками одного деда — Мстислава Великого, великого князя Киевского, в одном колене, только Святослав — по женской линии. Неписаное право гласило, что княжеский стол занимается «по отчине и дедине». Никому, по крайней мере применительно к Киеву, дотоле в голову не приходило, что «дедина» может считаться и по матери. Святославу могла подсказать идею его жена, княжна из полоцкого рода. Всеславичи еще в начале XII века предпочитали выводить свой род от древнего Рогволода, отца Рогнеды, которую с боем взял в жены будущий киевский князь Владимир и от старшего сына которой, Изяслава, пошли полоцкие князья. Но все-таки это было далеко не одно и то же. Замечание насчет «угров и ляхов» добавляло ответу язвительности — и с Венгрией, и с Польшей волынских Мономашичей связывало свойство, а венгров отец Ярослава не раз водил с собой, в том числе и на Киев.

Святослав больше не длил переговоры, а послал за помощью к братьям Ярославу Всеволодовичу и Святославичам, сам же, собрав войска, спешно пошел к Киеву. Новый великий князь, уже распустивший большую часть армии и не успевший связаться с родней, перепугался и немедленно бежал в Луцк. Святослав, не встретив сопротивления, «въехал» в Киев и сел «на столе деда своего и отца своего», разумеется, не как узурпатор вроде отца или двоюродного брата Изяслава Давыдовича, а как законный князь.

Впрочем, в первый раз ни дерзость, ни правовые манипуляции не помогли Святославу закрепиться в Киеве — его княжение продлилось всего 12 дней. За это время он захватил «бесчисленное» имущество бежавшего Ярослава и вместе с его женой и младшим сыном отослал в Чернигов. После этого пришлось отправиться туда и самому — Ольговичи успели рассориться. Святослав не предупредил их, что собирается захватить Киев в одиночку; когда же родня узнала о случившемся, началась свара. Олег Святославич с братьями попытался явочным порядком, как было в ходу у потомков «Гориславича», завладеть черниговским княжением, которое теперь, он был уверен, принадлежало ему по праву. Святослав оставил Киев и отправился в

Чернигов, не желая уступать его Олегу и понимая, что на помощь Святославичей в удержании Киева теперь рассчитывать нечего.

Ярослав Изяславич, узнав о разорении Киева, пленении семьи и уходе Святослава, немедленно «в гневе» вернулся в оставшуюся без князя столицу и выместил зло на киевлянах, не оказавших сопротивления захватчику: «Навели вы на меня Святослава. Теперь думайте, чем выкупить княгиню и дитя». Изяславич взял заложников и обобрал всех горожан, не пощадив ни духовенства, ни даже западноевропейских купцов.

Святослав, в свою очередь, был заинтересован в скорейшем мире с Киевом. Конфликт с Олегом Святославичем, оставшимся без Чернигова, перерос в настоящую войну. Олег опустошил некоторые черниговские волости. Святослав столь же поспешно, как начал распрю, замирился с Ярославом, после чего выступил против Олега. Теперь уже на Северной земле снова запылал пожар междоусобной брани. Святослав «пожег волость, много зла сотворил и возвратился в Чернигов»^{224}.

Судьба киевского стола между тем оставалась неопределенной. Ростиславичи, поняв, что Ярослав Изяславич непопулярен в Киеве и удержать его для «Мстиславова племени» не сможет, стали просить Андрея Боголюбского снова посадить в Киеве Романа, старшего среди них. Андрей колебался, ожидая возвращения с юга своих братьев и племянников. И Михалко с Всеволодом, и племянники Мстислав и Ярополк Ростиславичи после неудачи под Вышгородом обретались в Чернигове, при дворе Святослава Всеволодовича. Не исключено, что они участвовали в захвате Киева. Андрей, вероятно, предпочел бы видеть в Киеве своего союзника Святослава, а не недавних врагов, хотя Роман и демонстрировал лояльность. Однако он так и не успел прийти к какому-либо решению, поскольку 29 июля 1174 года был убит в Боголюбове боярами-заговорщиками^{225}.

Его смерть сразу же изменила политическую ситуацию на Руси. Наиболее сильный и влиятельный княжеский дом рухнул, погрязнув в междоусобице. На совете во Владимире бояре всех главных городов северо-востока Руси решили послать за внуками Юрия Долгорукого Мстиславом и Ярополком, приходившимися шуринами сильному соседу — Глебу Рязанскому. Такому решению посодействовали находившиеся тогда во Владимире рязанские послы. Мстислава и

Ярополка нашли в Чернигове, у Святослава. Здесь же — неприятная неожиданность — обрелись в тот момент и законные наследники-Юрьевичи Михалко и Всеволод. Но послы, понукаемые рязанцами, не стесняясь Михалка, заявили младшим князьям: «Ваш отец добр был, когда жил у нас. Езжайте к нам княжить. А других не хотим».

Смущенные Мстислав и Ярополк Ростиславичи только и сказали: «Помоги Бог дружине — не забывают любви отца нашего», — а затем сочли за лучшее обратиться к Михалку: «Либо лихо, либо добро — всем нам. Пойдем все четверо». Договорились, что вперед поедут старшие — Ярополк и Михалко. Ярополк присягнул дяде перед черниговским епископом. Но воля бояр, только что покончивших с князем, оказалась сильнее клятвы. По прибытии на север под их давлением племянники не стали делиться с дядьями, и Владимиро-Суздальскую Русь охватила гражданская война. Потерпев поражение, Михалко и Всеволод вернулись в Чернигов, где Святослав предоставил им убежище^{226}.

У черниговского князя в конце 1174 года было немало своих проблем, принесены они были Святославичами. Олег и Игорь не смирились с прошлогодним поражением. Больше не надеясь победить двоюродного брата без посторонней помощи, Олег обратился к шуринам. Ростиславичи, вытребовав себе в помощники киевского Ярослава, вторглись в земли Черниговского княжества, выжгли Лутаву и Моровийск. После этого они вступили в переговоры со Святославом, целовали ему крест и вернулись за Днепр. Тем временем Олег вместе с Игорем и Всеволодом пошел на давно приглянувшийся ему Стародуб. Взять город Святославичам не удалось, но они разорили все окрестные села и со стадами угнанного скота направились к себе в Новгород-Северский. Святослав, договорившись к тому времени с Ростиславичами, двинул вдогонку свои дружины. К нему присоединился владевший Стародубом брат Ярослав. Уже не в первый раз черниговские войска подступили к Новгороду-Северскому. Олег решил показать удаль и вышел из города с полком. Но удали оказалось мало — если не у самого князя, то у его воинов — после первых стрел противника они обратились в бегство. Олег успел вбежать в город, но многих его дружинников перебили или взяли в плен. Черниговцы пошли на штурм и сожгли острог, однако до ночи взять город не сумели. Утром Святославичи запросили мира. Святослав, на плечах

которого вдобавок к киевским теперь лежали еще и суздальские заботы, согласился, возобновил договор с родичами и увел войска^{227}.

Во время этой войны Ярославна была беременна вторым ребенком. Вскоре после ухода вражеского войска от Новгорода-Северского она родила сына. Ему дали родовое имя, на этот раз «отцовское» — Олег. В крещении мальчика нарекли Павлом, явно в «пару» к его старшему брату Владимиру-Петру^{228}.

После замирения с Черниговом Ростиславичи, наконец, решили судьбу киевского стола по-своему. Андрей уже помешать не мог, Святослав, кажется, пока оставил свои притязания. Из Смоленска под предлогом помощи братьям пришел Роман с дружиной. «Привели брата своего Романа, даете ему Киев», — догадался Ярослав Изяславич и счел за благо выехать в свой Луцк. Ростиславичи вроде бы даже пытались вернуть его с дороги — но, надо думать, не слишком настаивали. Роман снова «сел в Киеве на столе деда и отца своего»^{229}; после казуса Святослава и всей недавней великокняжеской чехарды эта дежурная летописная фраза звучит уже почти издевательски.

Святослав между тем занялся суздальскими делами. Вряд ли он действительно так уж жаждал восхождения Михалка с Всеволодом на княжеские престолы Суздальщины. Не нужно было ему и падение пусть и алчного, но всё же свойственника и союзника Глеба Рязанского. Скорее Святослав рассчитывал попеременно ослаблять обе стороны, чтобы обезопасить себя с севера в пору решающей схватки за Киев. Удача пока была на его стороне.

В 1175 году владимирцы и переславцы, уставшие от насилий, чинимых приведенными с юга чиновниками и дружинниками Мстислава и Ярополка, а также столкнувшимися с ними рязанцами, вновь, теперь уже без суздальцев и ростовчан, отправили послов в Чернигов — звать Михалка и Всеволода. Послы передали Михалку решение сограждан: «Ты старший в своей братии. Иди во Владимир. Если же замыслят что из-за тебя против нас ростовцы и суздальцы, то будет у нас с ними, как Бог даст и святая Богородица». Михалко и Всеволод Юрьевичи направились на север. Святослав на этот раз даже придал им черниговский отряд во главе со своим вторым сыном Владимиром. За пять верст до Владимира Мстислав попытался остановить дядьев, но был разгромлен. Владимир Святославич

командовал передовым полком, который первым обрушился на дружину Мстислава, повергнув ее в панику.

15 июня 1175 года Михалко вступил во Владимир и вскоре был признан князем по всей земле.

Жены Михалка и Всеволода оставались у Святослава в Чернигове. Узнав от вернувшегося с заслуженными дарами сына о победе Юрьевичей, черниговский князь отправил женщин во Владимир в сопровождении старшего сына Олега, княжившего в Лопасне, на самой границе с Владимиро-Суздальской землей. Проводив княгинь до Москвы, Олег вернулся в свой удел, а оттуда послал отряд занять Свирильск — спорный город, в тот момент находившийся под властью Глеба Рязанского. Глеб выслал против дерзкого свойственника его шурина, одного из муромских Юрьевичей. В битве под Свирильском Олег разгромил его, утвердив новую чернигово-рязанскую границу.^{230}.

Обезопасив себя с севера, Святослав ждал возможности заполучить Киев — и таковая быстро представилась. Ранним летом 1176 года половцы напали на рубежи Киевского княжества. Из-за несогласованных действий Ростиславичей русские полки были разбиты. «Как услышали о том Ольговичи, Всеволодович Святослав обрадовался, — пишет летописец, — не ведая Божьей казни». Добавим: скорее всего, сами Ольговичи и инспирировали половецкий набег — их связи со Степью не ослабевали.

Святослав собрал воинов и двинулся к Киеву, объявив Роману: «Я, брате, под тобой ничего не ищу. Но порядок у нас таков — если виновен князь, то кладет волость, если муж, то голову. Давыд виноват, а того не сотворил». Передовые войска под водительством Ярослава Стародубского и Олега Лопасненского начали переправляться через Днепр. Мстислав Владимирович, зять Святослава, по его наущению поднял мятеж против Ростиславичей и захватил Треполь.

Наконец, сам Святослав перешел реку и встал под Витичевом. Здесь к нему явились сначала «черные клобуки», а затем и послы от киевлян, сообщившие: «Уже ушел Роман в Белгород». 20 июля Святослав во второй раз вошел в Киев. Отсюда он сразу выступил на Белгород, но взять город не смог и возвратился в Киев. Между тем из Смоленска на помощь братьям явился Мстислав Храбрый. «Если хочет Бог, то завтра дадим Святославу бой», — решили они. Святослав, узнав

об этом, перепугался и «побежал через Днепр». Войска переправлялись в спешке, у устья Лыбеди, и многие потонули.

Оказавшись на своем, левом, берегу, Святослав, выдав себя с головой, открыто попросил помощи у половцев. Те не заставили себя ждать. Степняки атаковали окрестности Торческа и захватили многочисленный полон. Ростиславичи поняли, что силы сравнялись и исход войны неочевиден, к тому же в Киеве уже сложилась партия, поддерживавшая Ольговичей. «Не желая губить Русской земли и христианской крови проливать», они согласились на мир. Святослав вернулся в Киев, а Роман отправился к себе в Смоленск^{231}.

Утвердившись, наконец, в Киеве, Святослав вновь обратился к делам северных земель. Теперь он, пожалуй, действительно мог считать себя самым выдающимся политическим комбинатором на Руси и примеряться к власти прежних великих князей киевских. Утвердив свое влияние во Владимире, Рязани, а возможно, и в Новгороде, Святослав мог задуматься о реальном объединении страны.

В июне того же 1176 года, пока Святослав интриговал против Ростиславичей, умер Михалко; усобица во Владимиро-Суздальской земле разгорелась с новой силой. Мстислав и Ярополк, не сумев сами свергнуть Всеволода, обратились к Глебу Рязанскому. Противники выступили друг на друга. Святослав, по-прежнему поддерживавший Всеволода, отправил ему в помощь обоих старших сыновей, Олега и Владимира. В битве на реке Колокше в феврале 1177 года Глеб с шуринами и половецкими союзниками потерпели полное поражение. В плен попали и сам Глеб с сыном Романом, зятем Святослава, и Мстислав с Ярополком.

Теперь Святослав мог выступить в роли миротворца, крепко привязав к себе северо-восток Руси. К нему прямо из темницы обратился Мстислав с мольбой о помощи: «Пошли к Всеволоду Мстислава ради и Ярополка». Сватья, жена Глеба, тоже молила великого князя о вызволении мужа и сына. Святослав отправил послами черниговского епископа Порфирия и игумена черниговского Богородицкого монастыря Ефрема, предложив отпустить Глеба при условии, что тот поселится у него. Но тут нашла коса на камень. Всеволод (тогда еще не носивший прозвище Большое Гнездо) вовсе не желал подчиняться чужому диктату, тем более киевскому, цену которому он знал не понаслышке. Да еще Глеб заупрямился: «Лучше

здесь умру, не пойду». Так и случилось — 30 июня 1177 года, посреди волнений во Владимире, когда горожане требовали от своего князя расправиться с врагами, Глеб умер при неясных обстоятельствах. Скорее всего, он был убит, потому что его сына Романа, по словам летописца, черниговские послы «едва отстояли», приведя к крестоцелованию. Всеволод отпустил Романа, давшего клятву верности, в Рязань; Мстислава и Ярополка тоже изгнали из княжества. Всеволод под давлением владимирцев приказал их ослепить — однако, как утверждает летопись, в Смоленске перед образом святых Бориса и Глеба братья чудесным образом прозрели. Черниговских послов Всеволод задержал до следующего года. В его отношениях со Святославом появилась первая трещина^{232}.

В 1179 году Святослав и Всеволод, казалось, урегулировали свои отношения. В то время великий киевский князь женил сразу двоих сыновей. Всеволод пригласил к себе Владимира Святославича, в крещении Бориса, дважды помогавшего ему отстоять княжение, и отдал ему в жены Евдокию, дочь покойного брата Михалка. Владимир с супругой вернулся в Чернигов, где тогда находился его отец. Несколько ранее, в декабре 1178 года, был заключен брак Всеволода Святославича, в крещении Даниила, и Анастасии, дочери польского великого князя Казимира II — последний тоже недавно утвердился на столе в Кракове и искал союзников. Таким образом, Святослав возобновлял союз с Польшей, которого когда-то добивался его отец^{233}. В ноябре 1179 года были упрочены родственные связи между Ольговичами и Юрьевичами — Ярослав Всеволодович выдал дочь за Владимира Глебовича Переяславского.

В августе у границ Руси вновь объявился Кончак. К этому времени он уже был могущественным ханом — вероятно, подчинил всех донецких половцев. Киевский летописец посвящает его личности немало гневных слов: «...пришли иноплеменники на Русскую землю, измаильтяне окаянные, агаряне нечестивые, исчадия делом, с сатанинским нравом. Именуемый Кончак — зачинатель зла правоверным христианам, более же всего церквам, где имя Божие славится. Сими же погаными оно хулится — то, говорю, не одним христианам, но и самому Богу враги. Если кто любит врагов Божиих, тот сам примет от Бога! Сей же богостыдный Кончак с единомышленниками своими приехал к Переяславлю, за грехи наши

много зла сотворил христианам. Кого пленил, кого перебил, более же всего перебил младенцев...»^{234} Святослав тем временем прошел вниз по Днепру за Треполь и встал здесь, ожидая подхода Ростиславичей. Воевать он вроде бы не собирался — еще до того договорился с половецкими ханами утвердить мир по старому обычаю, — но степняки заподозрили обман, что и вызвало свирепое вторжение Кончака. Когда к Святославу пришла весть о разорении пограничных русских территорий, как раз подошли Ростиславичи; князья перешли Сулу и около Лукомля стали заходить разбойникам в тыл. Кончак, узнав об этом, предпочел оставить Переяславль в покое и бежал в Степь. Кажется, мира с ханами теперь ожидать не приходилось.

* * *

Что же происходило всё это время в Новгороде-Северском? Из героев «Слова» гораздо больше известно о Святославе Всеволодовиче, «грозном великом киевском», чем об Игоре и «Буй Туре» Всеволоде. Потерпев неудачу в попытке отвоевать Чернигов, Святославичи теперь сидели тише воды ниже травы, никак не проявляя себя в ратных делах. Они сочувствовали Святославу, завоевывавшему Киев; однако он на этот раз благоразумно не позвал их на помощь, зато и благодарить их не пришлось — и Чернигов им вновь не достался. Святослав предпочел оставить город за собой, чтобы использовать его как вторую резиденцию.

В 1176 году Ярославна родила Игорю третьего сына. Он получил имя Святослав — еще одно традиционное в черниговском роду, которое уже носили его «великий» двоюродный дядя и двоюродный брат Ольгович. В крещении ребенка нарекли уникальным среди Рюриковичей именем Андреян. Возможно, оно было дано строго по святцам; тогда ребенок родился около 26 августа — дня памяти мученика Адриана Никомедийского^{235}.

Шестнадцатого января 1180 года умер Олег Святославич Новгород-Северский. Он стал первым князем, погребенным в городе, — его положили в Михайловском храме на княжеском дворе. Игорь без каких-либо препон наследовал престол после брата. При этом княжеские города Северщины, судя по дальнейшему, были

распределены следующим образом: Путивль Игорь оставил за собой, Трубчевск на Десне и Курск выделил Всеволоду, а Рыльск оставил племяннику Святославу. В летописи об этом разделе специально не упоминается, зато отмечается, что Ярослав Всеволодович, узнав о смерти Олега, немедленно сел в Чернигове^{236} — конечно, с согласия старшего брата. Со смертью Олега двусмысленное соглашение 1164 года утратило силу, а Игорь притязаний брата не унаследовал — он вполне удовлетворился Новгородом-Северским, по крайней мере внешне. Лишь теперь он получил, наконец, возможность играть на сцене удельной Руси заметную и самостоятельную роль. Лишь теперь летописцы начали его по-настоящему замечать. Кульминация жизненного и властного пути Игоря Святославича приближалась.

Глава девятая.

«ИЛИ МЫ НЕ КНЯЗИ?»

Весной 1180 года в Любече Ольговичи после долгого перерыва собрались на снем. Святослав Всеволодович призвал к себе брата Ярослава и обоих северских Святославичей, Игоря и Всеволода. Князья вступили в переговоры и заключили соглашение о разделе территорий. Братья признали старшинство великого князя, а он закрепил Чернигов за Ярославом, а Новгород-Северский за Игорем. «Верхние» северные волости, самой важной из которых была земля вятичей, Святослав оставил за собой^{237}.

Святослав нуждался в окончательном примирении с родней, поскольку скоро могли потребоваться все силы — назревала большая война с Мономашичами. Великий князь оставил надежды на влияние во Владимире, но от Рязани, почти превращенной в черниговский удел, так просто отказаться не мог. Роман Глебович, наследовавший Рязань после гибели отца, ориентировался на Киев, а не на Владимир, и проводил независимую от Всеволода политику. Он пытался заново объединить муромо-рязанские земли под своей властью. В конце концов обижаемые им младшие братья обратились к Всеволоду: «Ты господин, ты отец! Брат наш старший Роман отнимает волости у нас, слушает тестя своего Святослава. Тебе крест целовал и преступил». Всеволод быстро внял призыву и пошел на Рязань. Святослав, узнав об этом, послал своего четвертого сына Глеба в Коломну на помощь зятю.

Всеволод подступил к Коломне, встретился здесь со своими рязанскими союзниками Всеволодом и Владимиром Глебовичами и стал требовать, чтобы Глеб Святославич вышел к нему. Тот, не в силах противостоять могучей рати, послушался. Всеволод отправил его скованным во Владимир. В стычке сторожевых полков на Оке рязанцы были разбиты, после чего князь Роман бежал, не возвращаясь в свой стольный город. Его братья Игорь и Святослав не могли ничего поделаться с ратью Всеволода, которая захватила города Борисов и Глебль, а затем подступила к самой Рязани. Всеволод потребовал от Романа и Игоря, чтобы те выделили землю братьям-доносчикам и

подчинялись его воле. Рязанцы повиновались, и владимирские войска ушли^{238}.

Узнав обо всем, Святослав «распалился гневом и разжегся яростью». Но для того чтобы расплатиться с врагом, требовалось еще кое-что предпринять. «Отомстил бы Всеволоду, — рассуждал Святослав, — но не дадут Ростиславичи — они мне во всём вредят в Русской земле. Во Владимировом племени кто ближний, тот и добр». Когда весть о пленении Глеба пришла к Святославу, он охотился на днепровском левобережье — а у противоположного берега охотой с ладей промышлял Давыд Ростиславич. Святослав, посоветовавшись лишь с женой и «милостником» Кочкарем, принял решение: «Давыда захвачу, а Рюрика выгоню из земли и приму власть Русскую один с братией. Тогда-то отмщу Всеволоду за свои обиды». Святослав переправился и напал на походную стоянку Давыда. Давыд, застигнутый врасплох, едва добежал вместе с женой до ладьи. Им удалось отплыть, преследователи стреляли, но промахнулись. Захватив добро Ростиславича и пленив его дружинников, Святослав направился в Вышгород. Давыда он здесь не обнаружил — тот бежал в Белгород к брату Рюрику. Святослав уже пожалел о своей выходке, но ничего нельзя было исправить. Он вернулся за Днепр и объявил: «Я уже раскрылся Ростиславичам, так что в Киеве мне быть нельзя». С тем он прибыл в Чернигов, вызвав туда сыновей и Святославичей.

Для черниговских бояр и князей-Ольговичей происшедшее стало неприятным сюрпризом, но борьба с Мономашичами была давним родовым занятием левобережной знати. Когда дружины братьев собрались в Чернигов и было поднято ополчение, Святослав обратился к родичам: «Куда выступим — на Смоленск или на Киев?» От имени князей дипломатично ответил Игорь Святославич: «Отче, лучше бы была тишина, но раз уже это не угодило, то лишь бы Бог дал тебе здоровья».

Рюрик Ростиславич, узнав от брата о покушении Святослава, а затем о его бегстве за Днепр, тут же вступил в Киев и провозгласил себя великим князем. На помощь ему явились двоюродные племянники Ярославичи из Луцка, а также галицкие полки от Осмомысла. Давыд был отправлен за подмогой в Смоленск, но в пути получил весть о смерти смоленского князя Романа Ростиславича, после чего ему

осталось лишь принять по наследству власть брата и отправить весть Рюрику.^{239}.

В тот год судьба не щадила Ростиславичей, как будто подыгрывая Ольговичам. Из четырех братьев в живых осталось только двое. 14 июня в Новгороде умер княживший здесь прославленный военачальник Мстислав Храбрый. Новгородцы, не желая подчиняться владимирскому князю, отправили к Святославу в Чернигов послов — просить дать им на княжение сына. В канун войны это стало для Святослава настоящим подарком. Он отправил к ним Владимира, и тот 17 августа сел в Новгороде.^{240}.

Поздней осенью 1180 года Святослав собрал в Чернигове большую рать. Он призвал и половцев — те легко простили князю прежний срыв мирных договоренностей за возможность поучаствовать в русской усобице. Кочевников привели всё те же Кончак и Кобяк, теперь уже верховные ханы своих орд. Созвав Ольговичей, Святослав объявил им свое решение: «Я старше Ярослава, а Игорь старше Всеволода. Ныне же я вам вместо отца остался. Велю тебе, Игорь, остаться здесь с Ярославом, блюсти Чернигов и всю свою волость. А я пойду с Всеволодом [Трубчевским] к Суздалью и отыщу своего сына Глеба — как нас Бог рассудит с Всеволодом [Владимирским]!» С собой Святослав взял обретавшегося у него несостоявшегося суздальского князя Ярополка, надеясь утвердить его вместо неблагодарного Всеволода. Для охраны Чернигова, помимо оставленной братьям части войск, князь выделил половину половецких сил.

Уже на суздальских землях, при впадении в Волгу Тверцы, Святослав соединился с сыном Владимиром, приведшим новгородцев. Рать Ольговичей вместе с половцами принялась выжигать Поволжье, двигаясь к Переяславлю. На реке Влене Святослава остановил Всеволод Юрьевич с войском. Последовало двухнедельное стояние. Влена, несмотря на зиму, не замерзла, течение ее меж крутых берегов было быстрым. Позиции суздальцев на кручах были выгоднее, чем ратников Святослава, и они стремились к битве больше, но Всеволод не решался начать первым. Наконец он послал за реку обходом рязанских князей — они внезапно атаковали лагерь Святослава, разграбили его, принялись рубить и хватать людей. Однако тут подоспел Всеволод Трубчевский и обратил врага в бегство. Рязанцам еле удалось уйти за Влену, потеряв немало воинов убитыми и плененными.

После этой стычки Святослав по совету новгородцев отправил к Всеволоду Юрьевичу своих священников со словами: «Брате и сын! Много я тебе добра творил и не чаял такого возмездия от тебя. Но раз уж умыслил на меня зло и захватил сына моего, то недалеко тебе меня искать. Отступи подальше от этой речки, дай мне путь — ближе к тебе перееду, и пусть нас рассудит Бог. Мне пути не дашь — я тебе дам, ты переедешь на эту сторону, и здесь нас Бог рассудит». Всеволод, однако, не ответил и отправил посланцев Святослава пленниками во Владимир. Не получив битвы, Святослав повернул полки и быстрым маршем ушел от Влены, бросив свой стан на разграбление Всеволоду. По дороге великий князь восполнил потери, дотла разорив город Дмитров.

Надо было принимать решение о дальнейших действиях. По приглашению новгородцев Святослав направился к ним вместе с сыном Владимиром, а часть войск во главе с другим сыном Олегом и Всеволодом Трубчевским послал в Чернигов. Прибыв в Новгород, он вызвал туда Ярополка и с согласия новгородцев посадил его княжить в Торжке — угрожать Владимирскому княжеству и прикрывать Новгород^{241}.

* * *

А что же Игорь? Где находился всё это время герой нашего повествования? Каково его участие в событиях? Теперь-то он полноправный князь, не так ли? Эти вопросы неизбежно возникают не только у читателя, но и у исследователя, настроившегося на «жизнеописание». Последний вопрос раз за разом возникал и у самого Игоря. Такова участь героя второго плана. В суздальской войне Игорю досталась миссия почетная, но пассивная: охранять Чернигов. А он жаждал воинской славы, которой овеял себя в этом походе его брат Всеволод, более того — славы полководца. Но история Руси и тем более черниговского дома вращалась вокруг его двоюродного брата, и тот умел этим вращением управлять. Игорю оставалось лишь выполнять его распоряжения.

Когда в 1181 году Всеволод и Олег привели с севера практически не пострадавшую рать, Игорь и Ярослав решили, что теперь их черед прославиться. Святослав, как стало известно, собирался в поход на

Друцкое княжество, полоцкий удел — тамошний князь Глеб Рогволодович рассорился с родней, свойственниками Святослава. Удачный поход против него укрепил бы влияние великого князя в Западной Руси и восполнил бы потерю Рязани. Ярослав и Игорь приняли решение двинуться к Друцку, захватив с собой половцев Кончака и Кобяка, а Всеволода и Олега оставили охранять Чернигов.

Святослав с новгородцами между тем выступил на Друцк с севера. В пути к нему присоединились шесть князей-Всеславичей во главе с его шуринами Брючиславом Витебским и Всеславом Полоцким. Они привели с собой не только собственные дружины, но и своих данников — ливов и литовцев. Но и Глеб Рогволодович получил подмогу: узнав о походе новгородцев и черниговцев, в Друцк прибыл сам Давыд Ростиславич со смоленским полком.

Игорь и Ярослав шли к Друцку, надеясь на легкую победу. Однако на подступах к городу их встретила объединенная рать Давыда и Глеба. Давыд принял решение разбить черниговцев и новгородцев поодиночке. Столкнувшись с большими силами, чем ожидали, Игорь и Ярослав отошли на кручи над рекой Друть, и началось приречное стояние. Теперь уже смоляне стреляли по черниговцам, нанося им немалый урон. Стояние продлилось неделю — пока не показалась новгородско-полоцкая рать Святослава. Увидев приближающиеся стяги черниговского князя, Игорь и Ярослав дали приказ наводить переправу. Дотемна, однако, они не успели, а ночью Давыд бежал в Смоленск. Союзные войска подступили к Друцку, взяли окольный город и сожгли его. Тут, однако, пришли вести, что Всеволод Юрьевич захватил Торжок, взял в плен Яропол-ка и угнал во Владимир жителей града. Святослав отпустил новгородскую рать, а сам, пустив впереди Игоря, Кончака и Кобяка, пошел к Рогачеву, а оттуда вниз по Днепру.

Игорь с ханами достиг Вышгорода и встал, дожидаясь Святослава. Рюрик Ростиславич, сидевший в Киеве, пока другие Мономашичи сражались с Ольговичами на севере, от близости половцев почувствовал себя в столице неуютно. Получив весть о приближении Святослава, он предпочел перебраться в Белгород. Святослав с Ярославом и Игорем вошел в Киев и в третий раз стал великим князем.^{242}.

За время совместных действий половецкие ханы сдружились с Игорем. Может быть, они находились в родстве. Генеалогия кочевых

вождей нам почти неизвестна. С ордой Кобяка позже действовали ханы Осолук и Изай из рода Бурчевичей^{243} — явно родственники Осолука, деда Игоря. К ним же, как правило, относят и Гзу (Козу) Бурновича — его «отчество» происходит от того же родового тотема — волка (*др.-тюрк.* бури). Как бы то ни было, но Кончак и Кобяк выпросили у Святослава именно Игоря с его полком в качестве сопровождающего до Долобска. Здесь они «легли» — устроили привал и празднование успешного похода. Рюрик Ростиславич в Белгороде, прознав, что половцы расположились под Долобском, не чая никакой угрозы, собрал все наличные силы, присоединил державшего теперь его сторону Мстислава Владимировича Трепольского с «черными клобуками» и отправил на степняков.

Игорь и ханы действительно повели себя беспечно, не выставили сторожей даже на ночь. Обнаружив отсутствие охраны, передовые разъезды «черных клобуков» немедленно сообщили об этом ехавшему впереди князю Мстиславу и своим соплеменникам. Удержать последних от немедленной атаки оказалось невозможно — вопреки запретам русских воевод они ринулись на половецкий лагерь. В итоге атака просто промахнулась — большая часть «своих поганых» пронеслась в темноте мимо стана, и только небольшое число незнатных воинов, скакавших по флангу, наткнулось на половцев. Те, поднятые шумом, увидели напавших и перехватили их. Среди «черных клобуков» началась паника, они побежали и смяли полк Мстислава; сам князь, не разобравшись в произошедшем и неспособный удержать своих дружинников, поддался общему настроению и бежал (позже Рюрик обвинял Мстислава, что бежал он намеренно, якобы подыгрывая своим шуринам Ольговичам и второй раз предав Мономашичей).

Вооружение и доспехи половецких воинов

Казалось, Игорю и ханам улыбнулась воинская удача. Но воевода Лазарь, ведший полк Рюрика, другие бояре и не поддавшиеся смятению вожди «черных клобуков» собрали русские полки и повели их в бой.

Поднятые ночной тревогой половцы, толком не изготовившись, устремились им навстречу. В сражении степняков «потоптали», и они обратились в бегство. Было много погибших, плененных и утонувших в реке Черторые. Были убиты два младших хана, в том числе брат Кончака Елтоут, а два сына Кончака и еще четверо ханов попали в плен.

Игорь, увидев разгром, обратился в бегство. Они с Кончаком заскочили в одну ладью и плыли вместе до Городца, а оттуда направились к Чернигову. Едва ли не в тот раз, спасаясь от врагов и деля горечь поражения, сговорились Игорь и Кончак обновить союз Степи с Ольговичами, поженив своих детей — княжича и ханскую дочь. Во всяком случае, через несколько лет, когда война снова развела их по разные стороны, Кончак уже называл Игоря «сватом».

Победа и порадовала, и озаботила Рюрика. Он, как повествует составленная при его дворе киевская летопись, «не возгордился, а возлюбил мир паче рати, ибо жить хотел в братской любви. К тому же и ради христиан, пленяемых во всякий день погаными, крови их не желая видеть, размыслил с мужами своими». Рюрик и его бояре приняли мудрое и действительно пошедшее на пользу Руси решение — предложить Святославу мир на принципиально новых условиях. Отложив в сторону запутанную благодаря сопернику проблему «дедины», Рюрик просто признал, что Святослав «старше годами», и уступил ему Киев в обмен на «всю Русскую землю» — киевские уделы, которые Мономашичи считали своей «отчиной». Святослав согласился, полагая, что за его спиной всё равно останется управляемый братом Чернигов. Так в Киеве утвердилось новое соправительство. Оно оказалось самым длительным и стабильным правлением за весь XII век. Новообретенную «любовь» решили скрепить свойством. У Рюрика была дочь на выданье, и Святослав просватал ее за своего вернувшегося из плена сына Глеба^{244}.

Едва ли Святослав был рад обстоятельствам, сопутствовавшим возвращению Глеба, но из всех зол выбирают меньшее. Новгородцы, отчаявшись сладить с могущественным соседом, осенью 1181 года прогнали Владимира Святославича и признали власть Всеволода. Последний посчитал конфликт со Святославом исчерпанным. Глеба Святославича отпустили из Владимира, Всеволод провозгласил «великую любовь» к киевскому князю и предложил скрепить этот союз

родственными узами. Он отдал в жены младшему сыну Святослава, Мстиславу, сестру своей супруги, аланскую царевну.^{245}

В начале 1183 года сыграли сразу две свадьбы великокняжеских сыновей: Глеб, в крещении Пахомий, женился на дочери Рюрика Анастасии, а Мстислав, в крещении Пантелеймон, — на Марфе, «ясыне из Владимира Суздальского». Утверждая союз с Всеволодом, Святослав в том же году вновь отправил ему в помощь, на этот раз против волжских болгар, сына Владимира: «Дай Бог, брате и сын, в дни наши нам творить брань на поганых!».^{246}

Эти слова стали девизом всего правления Святослава. Гнетущая череда междоусобиц, в которых с обеих сторон проливалась русская кровь, разрушались и возвышались отдельные княжества, на время приостановилась. Руси вновь пришло время доказывать свое право на жизнь в борьбе с завоевателями, и для отражения внешней опасности силы русских князей вновь объединялись. Поход Святослава Всеволодовича на половцев в 1184 году представлялся современникам не менее примечательным событием, чем великие завоевания князей предшествующих веков.

Святославу удалось, опираясь на союз с Всеволодом Юрьевичем, впервые за полвека утвердить в Киеве стабильную власть и покончить с частой сменой князей. Почти никто не оспаривал его первенства, тем более что всем уже стало ясно: киевский князь остается «первым среди равных» только на словах.

Святослав теперь и не пытался стать первым на деле, предпочитая быть одним из равных, зато уважаемым всеми. Союзом с Всеволодом он, естественно, дорожил. В том же году киевский князь даже поддержал владимирского в желании поставить в Ростов епископа по собственной воле, вопреки решению митрополита. Мнение князей восторжествовало, и назначенный было епископ-грек покинул Ростов. Уже позже, после победы над кочевниками, Святослав торжественно примирился с митрополитом на освящении построенной самим князем церкви Святого Василия. В 1189 году при содействии Святослава митрополит уже без всяких колебаний утвердил епископом нового кандидата Всеволода.^{247}

Относительное спокойствие внутри Руси позволило Святославу обратить внимание на обстановку на рубежах его земли. А там спокойствия оставалось лишь желать. Главной заботой на протяжении

жизни уже многих поколений были половцы. Да, в годы усобицы и даже в начале своего правления Святослав не раз использовал их помощь. Но Кончак, теперь кровник Рюрика Ростиславича, не мог быть доволен его сговором со Святославом^[13]. Впрочем, тому была и более прозаическая причина: усобицы давали возможность с разрешения князей опустошать земли их врагов. Половцы, по свидетельству «Слова», за время княжеских «крамол» даже обложили пограничье данью — «по белке от двора». Теперь взыскивать ее, должно быть, стало сложнее. Отношения между великим князем и степняками охладевали. Кончак, скопив силы, был готов вновь испытать русские рубежи на прочность, а Святослав — преподать Степи урок.

Двадцать третьего февраля 1184 года у Дмитрова объявились половецкие отряды во главе с Кончаком и крещеным лукоморским ханом Глебом Тиреевичем и стали грабить окрестности города. Святослав, узнав об этом, выступил вместе с Рюриком из Киева и призвал на помощь младшего брата, черниговского князя Ярослава. У села Ольжичи войско, дожидавшееся подхода Ярослава, соединилось с его ратью. К этому времени стало известно, что напуганные половцы, не сотворив особой «пакости», повернули в Степь, поэтому Ярослав посоветовал: «Ныне, братья, не ходите. Но, выгадав время, если даст Бог, летом пойдем», — на что Святослав и Рюрик согласились. Так родилась мысль об общем походе на половцев.

Тем не менее, чтобы преподать урок половцам, Святослав послал на них сыновей Олега и Всеволода, отдав их под начало Игоря Святославича. Игорю в тот момент было почти 33 года. Олег в этом возрасте уже успел повоевать с великим князем и едва избежать войны с собственным отцом, а по смерти последнего побороться, хотя и безуспешно, за Чернигов. Отец был, наверное, немногим старше, когда сел в Новгороде Великом. Дед был моложе, когда на Нежатиной Ниве в битве с ним пал великий князь Изяслав... А Игорь, немало потрудившись ради того, чтобы киевский стол достался бывшему врагу, и не получив от него ничего, тихо сидел в Новгороде-Северском. Он был, пожалуй, даже не вторым после великого князя — выше его стоял Ярослав Черниговский; тот, по крайней мере, сам решал, когда и куда ему идти, а Игоря посылали, будто какого-то воеводу. Участь «младшего» князя — быть в тени старшего.

Рюрик отправил в общий поход против половцев своего родственника, переяславского князя Владимира Глебовича. Однако в отсутствие верховных князей старая вражда Ольговичей и Мономашичей дала о себе знать. Еще до объединения сил Владимир Глебович потребовал у Игоря права ехать впереди рати, ссылаясь на обычай, установившийся в «Русской земле», то есть среди Мономашичей Киевщины. Игорь, сам жаждавший славы и видевший себя главой похода, отказал. Рассерженный Владимир не просто повернул вспять — совершил набег на северские города и захватил здесь «много добычи».

Тогда Игорь повернул обратно большую часть киевских полков, передав их под начало Олега Святославича и своего племянника Святослава Рыльского, сам же с двумя Всеволодами Святославичами — киевским княжичем и собственным братом, уже славным воителем, которого придворные певцы заслуженно называли «Буй Тур», отправился искать половцев. С собой Игорь взял младших сыновей — Святослава-Андрея на и Романа. Это был их первый поход, ранний даже по древнерусским меркам. Святославу еще не исполнилось восьми лет; время рождения Романа неизвестно, но он был еще младше. Очевидно, воинскую науку новгород-северский князь считал важной для сыновей. Игоря сопровождали ханы «черных клобуков» Кулдырь и Кунтувдый с небольшим числом соплеменников.

У реки Хирии Игорь обнаружил половецкие шатры. При виде его дружины половцы снялись с лагеря и бросились наутек. Тех, кто не успел переправиться через реку, захватили русичи и их союзники. Ночью шел дождь, и Хирия разлилась, так что Игорь не стал гнаться за степняками — они и так достаточно пострадали, в панике потопив при переправе множество скота, коней и шатров. Игорь вернулся в Новгород-Северский с победой и добычей. После этого он расквитался с Владимиром Глебовичем, жестоко разорив город Глебов в окрестностях Переяславля^{248}.

Святослав между тем готовил большой поход на орду Кобяка, кочевавшую в Нижнем Поднепровье. Святослав и Рюрик разослали гонцов ко всем соседним князьям, призывая собраться в Киев в начале лета. На зов великого князя прибыли Мономашичи, а также князья северо-западных киевских уделов, пришла помощь из союзного Мономашичам Галича. Всего собралось 12 князей. Из Ольговичей были

только два младших сына самого Святослава — Мстислав и Глеб. Послы из Чернигова и Новгорода-Северского отговорились неудобством избранного великим князем пути: «Далеко нам идти вниз по Днепру. Не можем своей земли оставить. Вот если пойдешь на Переяславль, то соединимся с тобой на Суле».

Святослав понял, что его «братия» просто не желает сражаться с готовыми к войне половцами, предпочитая набеги на небольшие стойбища, а потому, «не любя свою братию, поспешил путем своим, сопутствуемый Божьим промыслом».

Спустившись по Днепру, русское войско перешло реку по Инжирброду и вышло на «ратное», вражеское левобережье. Местонахождение ханов «лукоморской орды» с их основными силами пока оставалось неизвестно. На розыски за реку Орель, приток Днепра, послали передовые полки во главе с Владимиром Глебовичем и еще пятью младшими князьями. Владимир сам попросил Святослава: «Моя волость пуста из-за половцев — пусти меня, отче, вперед в сторожах». Ему придали более двух тысяч союзных кочевников-берендеев. Поиск половецких становищ продолжался пять дней. Наконец неприятель показался.

Увидев приближающиеся русские полки, передовые заставы Кобяка обратились в бегство. Владимир пытался нагнать врагов, но безуспешно — те были далеко впереди. Не желая попасть в засаду, переяславский князь остановил войско и отошел на север, к Орели. Между тем бежавшие половцы принесли вести своему хану. Решив, что они имели дело со всей русской ратью, Кобяк собрал основные силы и бросился вслед Владимиру. Завидев стоящие на Орели русские полки, Кобяк начал атаку, провозгласив: «То Бог предал князей русских и полки их в руки наши». С громким кличем половцы ринулись в бой. Полетели стрелы, а затем на переправе началась битва.

Святослав и Рюрик быстро получили вести о начале сражения. Тогда князья пустили в дело «большие полки» под своими стягами, а сами с дружинами двинулись следом. Когда подмога только показалась вдаль, обе стороны увидели ее и решили, что великие князья уже близко. Половцы пали духом, а дрогнувшие было русичи, «приняв помощь Божью, обратились на них, стали их сечь и хватать». Святослав и Рюрик еще не успели прибыть на поле боя, как всё было кончено: половцы обращены в бегство, Кобяк с двумя сыновьями и еще более

десятка ханов взяты в плен, в том числе недавний союзник Кончака Глеб Тиреевич. В числе пленников оказалось 417 половцев ханской крови и семь тысяч прочих. Два хана погибли вместе с многими другими — «без числа» — соплеменниками.

Битва на Орели произошла 30—31 июля 1184 года. В эти два дня с лукоморской ордой было, по сути, покончено — она больше не представляла угрозы для Руси. Прославивший свое имя Владимир Глебович, стоя на поле победоносного боя, провозгласил: «В сей день, сотворенный Господом, возрадуемся и возвеселимся ему, ибо Господь избавил нас от врагов наших и покорил врагов наших под ноги наши, и сокрушил главы змиевы!» Дружина радостно славилась князей, но более того — Христа и Богоматерь, «скорую помощницу роду христианскому». Святослав и Рюрик «со славой и честью великой» возвратились в Киев, гоня многочисленный половецкий полон^{249}.

Скорбя о случившемся через год поражении Игоря, автор «Слова» вспоминал победу Святослава:

Те ведь два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
Уже зло пробудили,
Которое усыпил было отец их Святослав
Грозный великий киевский грозою,
Притрепал полками своими сильными
И мечами булатными.
Вступил на землю Половецкую,
Притоптал холмы и яруги^[14],
Возмутил реки и озера,
Иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка из луки моря
От железных великих полков половецких
Будто вихрь, исторгнул,
И свалился Кобяк во граде Киеве,
В гриднице Святославовой.
Тут немцы и венецицы,
Тут греки и моравы
Поют славу Святославу,

Корят князя Игоря...

Северские князья не смогли разделить торжества киевских, однако совсем в стороне от войны они не остались. Узнав, что войско Святослава выступило на половцев, Игорь Святославич собрал в Новгороде-Северском дружинный совет, призвал на него брата Всеволода, сына Владимира и племянника Святослава Рыльского и сказал: «Половцы оборотились против русских князей, а мы без них покусимся на вежи их ударить». Но без боя, одним грабительством, Игорю обойтись не удалось. За рекой Мерлой он натолкнулся на половецкий отряд хана Обовлы Костуковича, собиравшегося с четырьмя сотнями воинов пограбить черниговские рубежи и вовсе не ожидавшего боя со всей северской ратью. Половцы, разумеется, тут же побежали. Игорь нагнал врагов, рассеял их и предпочел возвратиться восвояси. Таким образом, и Ольговичи внесли вклад, пусть и незначительный, в победу того года^{250}.

У Игоря в то время были и иные заботы. К нему прибыл, прося защиты и помощи, шурин Владимир Ярославич из Галича, вновь рассорившийся со своим отцом. Осмомысл, давно расставшийся со своей женой Ольгой Юрьевной, теперь желал оставить галицкий престол сыну от наложницы — «Настасьичу», а законного сына выгнал. Княжич долго мыкался по соседям и родичам, ища убежища. Роман Волынский, Ингварь Дорогобужский, Святополк Туровский и даже Давыд Смоленский один за другим, не желая ссориться с грозным хозяином Галича, в приюте отказали. Давыд, правда, посоветовал Владимиру отправиться к родному дяде по матери Всеволоду Большое Гнездо. Тот принял племянника в Суздале, однако, видно, без особой охоты. Княгиня Ольга Юрьевна уже три года как умерла, и ее брат тоже не горел желанием из-за ее сына раздражать правителя другого конца Руси, вполне сопоставимого с ним по силе. Владимир «и там не обрел себе покоя», покинул Суздаль и приехал в Путивль, где его встретил Игорь.

Из всех князей, сильных и слабых, Игорь повел себя по отношению к бесприютному родичу наиболее достойно — принял шурина «с любовью» и «возложил на него честь великую». Владимир остался в Путивле у зятя и сестры^{251}. Не является ли это еще одним

доказательством того, что Игоря и Ярославну связывало нечто большее, чем политические расчеты и забота о продолжении династии? Впрочем, нельзя не признать, что приезд Владимира вполне отвечал всё более явному стремлению Игоря прославить себя на Руси. Теперь новгород-северский князь мог почувствовать себя вершителем большой политики. У средневекового аристократа чистые душевные порывы вполне могли сплетаться с жаждой личной славы.

* * *

За разгром Кобяка уже зимой попытался поквитаться с Русью его давний союзник Кончак. «С множеством половцев» своей донецкой орды он двинулся в поход. На этот раз Кончак намеревался «пленить грады русские и пожечь огнем». Незадолго до того он нанял на службу инженера-мусульманина, который соорудил огнемет, стрелявший «живым огнем» на нефтяной смеси, а также несколько огромных баллист. Рассказывавший об этих орудиях русский летописец не мог удержаться от восхищения: чтобы вручную натянуть эти «самострельные луки», потребовалось бы «50 мужей».

Кончак со своей ордой и построеными машинами явился к реке Хоролу. Отсюда, стремясь разбить силы противника, он отправил послов к черниговскому князю Ярославу. Кончак, свойственник черниговцев, знал о разладе между князьями и стремился его углубить. Он предложил Ярославу заключить мир, на что тот с готовностью откликнулся и направил к хану одного из своих бояр. Но великий князь Святослав, проведав о пересылке брата с половцами, отправил к нему своих послов, передавших его слова: «Брат, не верь им и мужа своего не шли. Я на них пойду». Переговоры Ярослава с Кончаком приостановились, а Святослав и Рюрик со всеми киевскими полками двинулись к границе. Сам черниговский князь, однако, не выступил вместе с братом. «Я послал к ним (половцам. — С. А.) мужа своего Ольстина Олексича, — извинился он, — и не могу на мужа своего идти».

Отправил Святослав послов и в Новгород-Северский. Получив его призыв, Игорь пылко воскликнул: «Не дай бог от похода на поганых отрекаться! Поганые всем нам общий враг». О дружбе и свадебном

сговоре с Кончаком он, кажется, и не вспомнил. Однако дальнейшие действия новгород-северского князя выглядели довольно сомнительно — впрочем, возможно, что в летописи они описаны достоверно, а не приукрашены в свете его последующих деяний. В этом случае следует признать, что, скорее всего, дружинники Игоря не слишком хотели воевать со сватом своего князя.

Итак, Игорь собрал дружинный совет и спросил, как лучше двигаться за Святославом. Мужики отвечали: «Княже, птицей не сможешь перелететь. Вот, приехал к тебе муж от Святослава в четверг, а сам он в воскресенье идет из Киева. Как же ты сможешь, княже, его настигнуть?» Игорь вроде бы отказался слушать дружину, заставил воинов выйти из града и спешить к Суле. Но на реке северяне... заблудились в тумане. Они проплутали целый день, «никак не сумели найти себе пути» и, сочтя опоздание безнадежным, вернулись восвояси. Таким образом, Святослав снова не получил подмоги из родной земли.

Но отменять из-за этого поход он, конечно, не стал. В передовом полку вновь пошел Владимир Глебович. Его сопровождал участвовавший и в прошлом предприятии племянник Рюрика Мстислав Романович. В дороге младшие князья встретили купцов, ехавших на Русь из Степи, и те сообщили, что половецкая орда стоит на Хороле. Владимир дал знать Святославу и Рюрику, а сам направился с передовым полком к реке. По его следам, предвкушая новую победу, двинулись старшие князья.

Владимиру пришлось довольно долго искать Кончака — тот уже снялся с указанного купцами места, перейдя в укромную излучину реки. Не обнаружив половецкого стана, Владимир и Мстислав 1 марта 1185 года перешли реку и поднялись на высокие холмы, чтобы обозреть поречье. Новой ханской ставки они так и не заметили, зато с высоты углядели стоявший у реки половецкий обоз. Кончак, завидев атакующих русских, пришел в замешательство. На помощь обозу он прийти не успел — и в итоге потерял все осадные орудия вместе с их конструктором. Хан стал отступать. Младшие князья немедленно велели отправить добычу к Святославу, сами же погнались за уходящими половцами. Когда русские воины настигли тылы Кончака, а вдаль показались полки великих князей, половцы ударились в бегство. «Многое множество» попало в плен, не меньше и полегло. Русским, помимо «живого огня» и машин, досталось немало коней и оружия.

Вслед бежавшему Кончаку послали хана «черных клобуков» Кунтувдыя. Но тот вскоре вернулся, доложив, — то ли искренне, то ли нет, — что не настиг Кончака из-за весенней распутицы. Как бы то ни было, Святослав и Рюрик отпраздновали победу и вернулись в Киев, славя Господа за свой успех^{252}. К несчастью, на этом война не закончилась. Наступивший год едва не переломил ее ход в пользу врага. И виной тому оказалась честолюбивая затея Игоря Святославича Новгород-Северского...

Глава десятая.

ПОХОД

Весной 1185 года Святослав Всеволодович выслал в набег на половцев боярина Романа Нездиловича с берендеями, а сам направился в Карачев, чтобы собрать войска вятичей и других «верхних земель». Великий князь замышлял новый поход, на этот раз к Дону, где собирался пробыть до осени. Боярин с поручением справился — 21 апреля, на Пасху, разорил половецкие кочевья, взяв «много полона и коней»^[253].

Игорь и Всеволод тем временем совещались в Новгороде-Северском. В брате, пылком и отважном воителе, Игорь нашел единомышленника — он тоже был раздосадован на то, что в прошлом году (да разве только в прошлом?) Святослав со своими союзниками прославился больше. «Или мы не князи? — задались вопросом Святославичи. — Пойдем так же сами по себе, хвалы добудем». Послали гонцов к Ярославу Черниговскому. Тот вновь не явился сам, но прислал служивших ему кочевников — «черниговских ковуев» — под водительством своего боярина Ольстина Олексича. Игорь призвал Святослава Рыльского и своего старшего сына Владимира, которому как раз перед этим выделил Путивль, взял с собой и второго сына, одиннадцатилетнего Олега. Как мы помним, Святослава и Романа Игорь брал в краткосрочный набег в еще более нежном возрасте. Олега же он, видимо, считал уже вполне взрослым, заслужившим участие в большом дальнем походе^[15]. При описании злосчастного похода стоит иметь в виду возраст и опыт его участников. Старшие из них были взрослые, храбры и закалены в боях, но имели недостаточно опыта для войны с кочевниками в глубине степи, а главное — недостаточно умудренной осторожности. Самым старшим был 34-летний Игорь, Всеволод был моложе года на два-три; но воевали они до того только на Руси или у самых ее границ. С крупными силами кочевников оба имели дело исключительно как с союзниками. Что касается младших князей, то у них не было практически никакого боевого опыта, да и жизненный весьма ограниченный. Святославу Рыльскому было 18 лет. Единственной его войной, известной нам, был прошлогодний поход с

дядей на Мерлу. Его жену звали Анастасия^{254}, о детях бесспорных данных нет. Владимиру еще не исполнилось четырнадцати, и участвовал он только в том же самом походе. Невестой путивльского князя была дочь Кончака, но поход против предполагаемого тестя, очевидно, свадьбу отодвигал.

Игорь решил направиться к Донцу. В науке высказывались мнения, что князь рассчитывал воевать только с соперниками Кончака — прежде всего с сильнейшим после него ханом здешних половцев Гзой Бурновичем. Но вряд ли это так. Князь теперь уже рассчитывал не просто совершить грабительский набег, как в прошлом году, но одержать победу, сопоставимую с разгромом Кобяка. А такая победа могла быть только над «сватом» Кончаком, ускользнувшим в марте от Святослава. Старая, скрепленная кровью и невзгодами дружба и матримониальные планы отступали перед честолюбием. Впрочем, и честолюбие неразрывно сплеталось с внезапно и запоздало пробудившимся в Ольговичах стремлением защитить Русскую землю от «поганных». Это переплетение, ясное дружинному поэту, вполне видно уже в первых строках «Слова»:

Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира
До нынешнего Игоря,
Что испытал ум крепостью своей
И заострил сердце свое мужеством,
Исполнился ратного духа,
Навел полки свои храбрые
На землю Половецкую
За землю Русскую.

Игорь с родичами и черниговской подмогой выступил из Новгорода-Северского 23 апреля. Ехали не спеша — «были ведь у них кони очень тучны», замечает летописец; в пути присоединялись северские бояре со своими отрядами. Ждали подхода Всеволода, который сначала направился из Трубчевска в Курск, а оттуда должен был привести все свои силы на соединение с братом. К Донцу вышли вечером 1 мая. Было солнечное затмение. Игорь, увидев, что «солнце стало как месяц», обратился к боярам: «Видите ли? Что это за

знамение?» Бояре «поникли головами»: «Княже, это знамение не на добро». «Братья и дружина, — ответил Игорь, — тайны Божией никто не ведает, а знамению творец — Бог, как и всему миру своему. Нам же что сотворит Бог, на добро ли, на наше ли зло, то мы увидим». С тем он и отдал приказ переправляться через Донец^{255}.

Тогда Игорь воззрел на светлое солнце
И увидел, что тьмой все его вой прикрыты.
И прорек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше бы нам побитыми быть,
Нежели полоненными быть.
Так сядем, братия, на своих борзых коней
Да воззрим на синий Дон».
Пало князю на ум хотение,
И жажда ему знамение застила
Отведать Дона Великого.
«Хочу ведь, — рек он, —
Копье преломить о конец поля Половецкого
С вами, русичи, хочу главу свою положить
Либо же испить шеломом Дона».

Войска переправились через Донец и двинулись дальше на восток, к Осколу. Здесь остановились на два дня, чтобы дожидаться Всеволода. Наконец он подошел с курянами и трубчевцами, и войско повернуло на юг. Шли к району нынешнего города Изюма, где в Донец впадала река Сальница^[16].^{256}

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты сей поход возбренчал,
Скача, соловей, по древу мысленному,
Летая умом под облака,
Свивая славы обапол^[17] сего времени,
Рыща тропой Трояна чрез поля на горы.
Пел бы ты песнь Игорю, того^[18] внуку:
«Не буря сокола занесла
Чрез поля широкие —

Галочьи стаи летят к Дону Великому!»
Так ли воспеть, о вещий Боян, Велесов внук:
«Кони ржут за Сулою —
Звенит слава в Киеве.
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят стяги в Путивле».
Игорь ждет мила брата Всеволода.
И прорек ему Буй Тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый — ты, Игорь!
Оба мы с тобой Святославичи!
Седлай, брате, своих борзых коней,
А мои уж готовы, оседланы
У Курска наперед.
А куряне мои — кметы^[19] сведущие,
Под трубами повиты,
В шеломах взлелеяны,
С конца копья вскормлены.
Пути им ведомы,
Яруги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли изострены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».

Половцы между тем узнали о вторжении русских: «Братья наши перебиты и отцы наши, а других в плен взяли, теперь же идут на нас!» Ханы приграничных орд, во владения которых вступила рать Игоря (возможно, главным из них был Гза), разослали призыв «по всей земле», а сами собрали войска «от мала до велика», отвели кочевья с женщинами и детьми за реку Сюурлий и встали между ними и рекой, прикрывая семьи и ожидая подхода союзников.

Князья, продвигаясь к Сальнице, выслали вперед сторожу, чтобы захватить «языка». Разведчики встретили княжескую рать у реки без всякой добычи. «Приехали, видели врагов, — доложили они. — Враги ваши в доспехах скачут. Или идите быстро, или возвращайтесь домой, потому что не наше время». Игорь обратился к родичам: «Если мы не

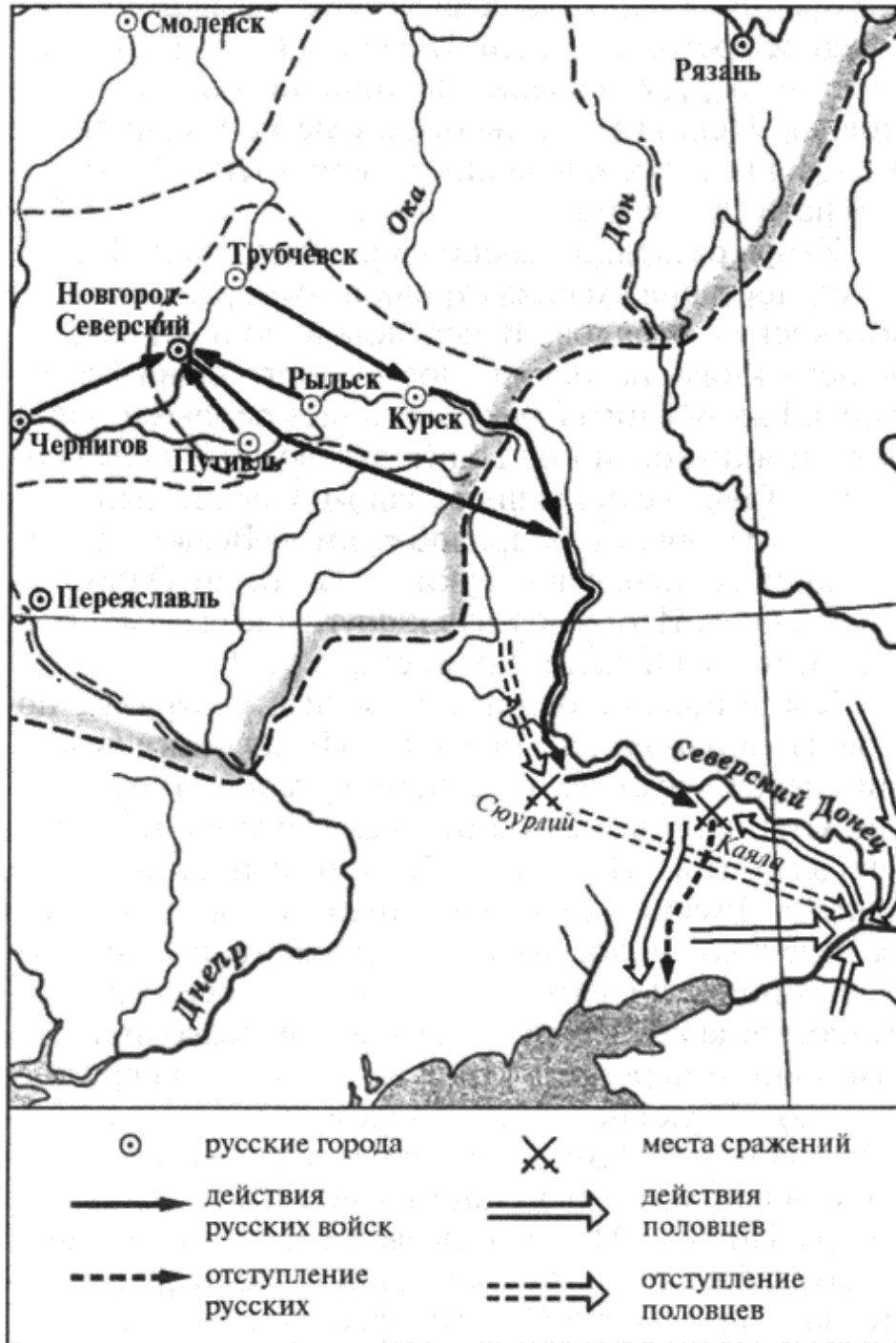
бившись вернемся, то срам будет пуще смерти. Но как нам Бог даст!»
Приняли решение ночью идти к Сюурлию без остановки^[20].^{257}.

Тогда вступил Игорь князь в злато стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало,
Ночь, стеною ему грозою, птиц будила,
Свист звериный встал.
Взвился Див, кличет вверху древа,
Велит послушать он земле неизвестной,
Волге, и Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню, и тебе,
Тмутараканский болван.
А половцы неготовыми дорогами
Побежали к Дону великому.
Кричат телеги в полночи,
Как лебеди спугнутые.
Игорь к Дону воев ведет.
Уже ведь беду его ждут птицы на дубах,
Волки грозу ерошат по яругам,
Орлы клекотом на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червлёные щиты.
О Русская земля! Уже за шеломянем ты!
Долго ночь меркнет.
Зарей свет занялся,
Мгла поля покрыла,
Щебет соловий стих,
Говор галок пробудился.
Русичи великие поля
Червлёными щитами заградили,
Ища себе чести, а князю — славы.

И летописцы, и автор «Слова» говорят о том, что ночной марш происходил с четверга на пятницу, но дня не называют, что дополнительно запутывает географию похода в глубину неизвестного Дикого поля.

ПОХОД ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НА ПОЛОВЦЕВ

апрель—июнь 1185 года

Всё же, видимо, рать Игоря шла дальше на юг, за Донец и вниз по нему, «к Дону», но продвинулась не очень далеко от впадения Оскола в Донец. «В обеднее время» достигли Сюурлия и на противоположном берегу увидели изготовившихся к бою половцев. Основные силы орды еще не подошли, но половецкие военачальники вынуждены были защищать свои юрты.

Игорь разделил войско на шесть полков. Впереди он поставил русских стрелков, отобрав их из всех княжеских отрядов. В передовой полк основного войска князь назначил своего юного сына Владимира. Рядом с ним к реке двигались особым полком кочевники-ковуи под водительством воеводы Ольстина. Главные силы шли следом. Срединный полк вел сам Игорь, полк правой руки — Всеволод Святославич, а полк левой руки — Святослав Ольгович. Перед боем Игорь воззвал к другим князьям: «Братия! Сего мы искали, так постараемся!»

Когда русские полки подошли к Сюурлию, половцы попытались атаковать. Их лучники выехали вперед, «пустили по стреле в русь» — и отступили. Степняки внезапно осознали, что им не хватит сил для битвы. Началась и быстро распространилась паника. Русские только вступили в воду — а уже и задние ряды половецкого войска бежали. Три передовых полка и Святослав Ольгович бросились в погоню, тогда как Игорь и Всеволод не позволили своим воинам нарушить строй и двигались вперед без спешки. Половцев гнали до их юрт и дальше, многих убили или захватили в плен. В кочевьях нашли не успевших бежать женщин и детей, а также немало добра. Ночью к Игорю и Всеволоду, хозяйничавшим в захваченных половецких станах, вернулись Святослав, Владимир и Ольстин со своим полоном.

В разоренных кочевьях остались на три дня, «веселясь». Игорь и его родичи похвалялись: «Братья наши ходили со Святославом, великим князем, и бились с ними, глядя на Переяславль, когда они сами к ним пришли, а в землю их не смели за ними пойти. А мы в земле их, и самих их перебили, и жены, и дети их в плену у нас. А ныне пойдём на них за Дон и до конца их изобьем! Если же будет нам победа, то пойдём в Лукоморье, куда не ходили и деды наши, и возьмем сполна себе славы и чести!»^{258}.

Рано утром в пятницу

Потоптали поганые полки половецкие

И, рассыпав стрелами по полю,
Помчали красных девок половецких,
А с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты.
Попонами, епанчами и кожухами
Начали мосты мостить
По болотам и местам слякотным,
И всякими узорочьями половецкими.
Червлен стяг,
Бела хоругвь,
Червлена кисть,
Серебрёно древко —
Храброму Святославичу!
Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо.
Далече залетело!
Не в обиду оно было порождено
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черный ворон, поганый половчин!
Гзак бежит серым волком, Кончак ему след правит
К Дону великому.

География и хронология дальнейших событий еще более запутаны, чем предыдущих. Согласно Ипатьевской летописи, роковая битва на Каяле случилась в субботу. У автора «Слова» получается, что сражение произошло на следующий день после Сюурлия и ночевки в разоренных станах. Но согласно владимирским летописям, князья, как уже сказано, оставались в становищах кочевников три дня. Летописец Переславля-Суздальского и Лаврентьевская летопись уточняют, что за три дня до последней битвы русские уже были задержаны, хотя вряд ли остановлены, половецкими лучниками^{259}. Значит, после стоянки они сутки двигались дальше к Дону, прежде чем наткнулись на силы Кончака и Гзы, и битва на Каяле произошла через восемь дней после стычки на Сюурлие. Очевидно, где-то в одном-двух днях пути вниз по Донцу и следует искать Каялу — реку, упомянутую как место сражения в Ипатьевской летописи и «Слове». В последнем Каяла из-за созвучия со словом «каять(ся)» уже становится именем нарицательным, — например, она неожиданно переносится под Киев на Нежатину Ниву при описании тамошнего рокового сражения. Знает Каялу и автор

«Задонщины», отождествляющий ее с Калкой — местом первого разгрома русских князей татарами (1223). Однако это не дает оснований отрицать реальность самой Каялы как места поражения Игоря — просто ее расположение, возможно, навсегда останется неизвестным. «У Дона великого», между устьем Донца и местом впадения в Донец Оскола, по правому, обращенному к морю берегу — вот и всё, что можно сказать о нем с определенностью.

Действия половцев за эту неделю описаны во «владимирской» летописной повести и отчасти в «Слове» и потому известны лучше, чем действия русских князей. Где-то близ Дона Гза и Кончак встретились, собрав бежавших от Сюурлия и подошедшие силы других кочевий. Когда беглецы «поведали свою погибель», Кончак разослал гонцов ко всем окрестным или подвластным ему ханам, а сам повел войска навстречу русским. В среду близ реки Каялы противники встретились. Хань выслали вперед конных лучников — обстреливать русичей, изматывая их и не подпуская к воде, сами же встали в отдалении, дожидаясь подкрепления. Наконец оно подошло — «многое» или даже «бесчисленное множество». В ночь на субботу стало ясно, что надвигаются «все половцы» и будет сражение^{260}.

Русские полки не знали отдыха трое суток, мучились от зноя и безводья. Игорь обратился к князьям и боярам, предлагая отступить за Донец: «Вот, Бог силою Своею возложил на врагов наших победу, а на нас честь и славу. Мы видим полки половецкие, и их много — едва ли не все они здесь собрались. Ныне поскачем в ночь; кто поскачет утром за нами, так пусть хоть все скачут, но лучшие конники переберутся, а нам самим как Бог даст!» Святослав Ольгович возразил: «Далече я гонялся за половцами, и кони мои изнемогают. Если сейчас и поеду, то только чтоб на дороге остаться». Его поддержал Всеволод, предлагая ночевать на месте и принять бой. Игорь с ожесточением бросил: «Да, не дивно, братья, умереть с разумением!» Войска остались на ночевке.

С рассветом Игорь двинул рать к Донцу, стремясь добраться и до воды, и до переправы. Хань, заметив это, повели в бой своих воинов. Увидев основные силы половцев, Игорь и его родичи пришли в смятение и не знали, как строить полки. Игорь сказал: «Думаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую — Кончака, и Кзу Бурновича, и Токсобичей, и Колобичей, и Етебичей, и Терьтробичей». Наконец решили: всем всадникам сойти с коней и биться в пешем

строю, пробиваясь к Донцу. «Если побежим и утечем сами, — рассудили князья и дружинники, — а черных людей оставим, то от Бога нам будет грех, что, их выдав, ушли. Но или умрем, или живы будем на одном месте». Впрочем, владимирская летопись, в отличие от киевской, объясняет решение дружинников Игоря не столь благородно: «...ведь кони под ними изнемогли».

Сеча разгорелась близ впадения Каялы в Донец. Половцы, пытаясь отрезать русских от реки, в итоге «притиснулись» к ней вместе с ними. Игоря ранили в левую руку, и она омертвела. Был ранен и его воевода, шедший впереди княжеского полка. Бились весь день до вечера, множество воинов Игоря было ранено или убито. Попытки прорваться к Донцу не прекращались всю ночь и уносили всё новые жизни^{261}.

Вот как описывает начало битвы «Слово»:

Другого дня, вельми рано,
Кровавые зори свет поведывают,
Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И трепещут в них синие молнии.
Быть грому великому,
Идти дождю стрелами
С Дона великого!
Тут-то копьям преломиться,
Тут-то саблям постучаться
О шеломы половецкие,
На реке на Каяле,
У Дона великого!
О Русская земля! Уже за шеломянем ты!
Се ветры, Стрибожьи внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля стонет, реки мутно текут,
Пороша поля покрывает,
Стяги глаголют:
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех стран
Русские полки обступили.
Дети бесовы кличем поля загородили,
А храбрые русичи

Преградили щитами червлеными.

На рассвете в воскресенье битва продолжилась, и ход ее, без того тяжкий, окончательно переломился не в пользу князей. Ковуи, устав сражаться за них, «возмутились» и обратились в бегство. Они, в отличие от русской знати, с лошадой не сходили, и потому догнать их оказалось трудно. За ковуями побежали некоторые ополченцы и боярские «отроки»-дружинники. Игорь, из-за ранения снова оседлавший коня, оставил сражение и пытался остановить бегущих. Битву возглавил Всеволод, вокруг которого сплотились в пешем строю знатные русичи. Игорь снял шлем, чтобы дезертиры узнали его и послушались его призыва. Но и это не помогло — из всех беглецов вернулся только некий Михалко Юрьевич, судя по упоминанию отчества, боярин; для ковуев же и простых воинов, бежавших за ними, князь сейчас был никем.

Всеволод между тем, по свидетельству летописи, «немалое мужество показал». О том же сказано и в «Слове»:

Ярый Тур Всеволод!
Стоишь в обороне,
Прыщешь на воев стрелами,
Гремишь о шеломы
Мечами булатными.
Куда, Тур, ни скачешь ты,
Своим златым шеломом посверкивая, —
Там и лежат поганые
Головы половецкие.
Поструганы саблями калеными
Шеломы оварские^[21]
От тебя, Ярый Тур Всеволод!
Что там раны, дорогая братия,
Забывшему живот и почести,
И града Чернигова отчий златой престол,
И своей милой супруги красной Глебовны
Свычай и обычай?!
Что мне шумит, что мне звенит
Далече рано пред зорями?

Игорь полки заворачивает —
Жаль ведь ему мила брата Всеволода...

Перед последним четверостишием автор «Слова» вспоминает прежние войны Олега «Гориславича» и сравнивает те бесчестные усьобицы с битвой Игоря против Степи. С одной стороны, «полк Игорев» более славен:

То было в те рати и в те полки,
А подобной рати не слыхано!
С ранней поры до вечера,
С вечера до света
Летят стрелы каленые,
Гремят сабли о шеломы,
Трещат копя булатные
В поле незнаемом
Среди земли Половецкой.

Но, с другой стороны, оттого и горечь поражения больше, чем невзгоды княжеских распрей:

Черна земля под копытами
Костью была засеяна,
А кровию полита;
Скорбью взошли они по Русской земле!

И крамолам Олега, и доблестям его внука конец один: зря пролитая русская кровь. Потому и Нежати́на Нива, где пал киевский князь Изяслав, — тоже «Каяла»:

С такой же Каялы
Святополк полелеял отца своего
Меж угорскими иноходцами
Ко святой Софии, к Киеву...

Поэт, смешивая с битвой предварявшие ее стычки и следуя фольклорному стремлению к числу «три», счел, что сражение завершилось на третий день. Но, согласно летописи, всё было кончено уже в воскресенье.

Когда Игорь возвращался к своим полкам вдвоем с Михаилом Юрьевичем, его завидели половцы. У них-то было кому опознать новгород-северского князя. Половецкие конники перехватили Игоря на расстоянии полета стрелы от бьющегося русского войска. Князя пленил Чилбук из «Тарголовой» орды — возможно, хана Тарга, годом ранее плененного Святославом на Орели. Кончак, увидев, что князь ранен, «поручился» за него как за своего свата. Игорю осталось только смотреть, как ожесточенно сражаются остатки русского войска во главе с Всеволодом. «И просил душе своей смерти, лишь бы не видеть падения брата своего».

Князь вознес молитву: «Вспомянул я грехи свои перед Господом Богом моим, как много убийств и кровопролитий сотворил в земле христианской, как я не пощадил христиан, но взял на щит город Глебов у Переяславля. Тогда ведь немалое зло содеялось невинным христианам: отлучался отец от детей своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от супругов своих, и дочери от матерей своих, и подруга от подруг своих — всех смели пленение и скорбь, тогда наставшая. Живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, как мученики святые, огнем от жизни сей восхищение поимев. Старцев разрывали, юных люто и немилосердно ранами терзали, мужей же рубили и разрубали, а жен оскверняли, — и всё это сотворил я. Недостойно мне жить, и вот, ныне вижу возмездие от Господа Бога моего! Где ныне возлюбленный мой брат? где брата моего сын? где чадо, рожденное от меня? где бояре думные? где мужи храбрые? где строй полков? где кони и оружие многоценное? Не этого ли всего лишившись, предан я связанным в руки этих беззаконных? Се, воздал мне Господь по беззаконию моему и по злобе моей, и снизошли днесь грехи мои на главу мою. Истинен Господь, и правосуден зело! У меня же нет больше части среди живых. Се, вижу, как ныне другие мученический венец принимают. Почто я, один повинный, не принял страсти за всех их? Но Владыко Господи Боже мой, не отринь меня до конца, но как воля Твоя, Господи, так и милость нам, рабам Твоим!»

Битва кипела вокруг озера. Всеволод продолжал сражаться уже едва ли не голыми руками. В конце концов половцы взяли верх. Всеволода захватил в плен крещеный хан Роман, сын Гзы. Спасти прижатым к озеру русским оказалось практически невозможно — «огорожены были, будто стенами крепкими, полками половецкими». Все князья были схвачены живьем. Святослава пленил Елдечук из орды Бурчевичей, Владимира Игоревича — Коп-тый из Улашевичей. Из бояр и дружинников одни погибли, другие, израненные, попали в плен. Половцы считали, что не осталось никого, кто мог бы принести весть на Русь, но скрывать победу не собирались. Перехватив проезжего купца, ханы велели ему передать русским князьям: «Приходите за своей братией, а пока мы идем к вам за своей братией». На самом деле кое-кто из ковуев и русских всё же вырвался, хотя уходили они на юг, к морю, куда половцы под конец большинство их и загнали. По словам киевской летописи, «руси с 15 мужей утекло, а ковуев меньше». Но, может быть, имеются в виду только именитые беглецы. Один из них, Беловолод Просович, позднее принес весть в Чернигов^{262}:

Бились так день, бились так другой,
Третьего дня к полудню
Рухнули стяги Игоревы.
Тут-то братья разлучились
На берегу быстрой Каялы;
Тут кровавого вина не достало,
Тут пир окончили храбрые русичи:
Сватов напоили,
А сами полегли
За землю Русскую.
Никнет трава жалобами,
А древо со скорбью к земле преклонилось.
Уже ведь, братия, невеселые годы настали,
Уже пустыни силу прикрыли.
Встала обида в силах Дажьбожа внука,
Вступила девою на землю Трояню,
Всплеснула лебязьими крылами
В синем море у Дона;
Плескаясь, спугнула время доброе.
Князьям от поганых сгинуть усобицами,

Прорекал ведь брат брату:
«Се мое, а се мое тоже».
И начали князья про малое молвить: «это великое»,
Стали сами на себя крамолу ковать,
А поганые со всех стран
Приходили с победами на землю Русскую.
О, далече залетел сокол, птиц бия, —
К морю.
А Игорева храброго полка не воскресить.
По нем кличет Карна, и Жля^[22]
Скакнула по Русской земле,
Отмыкая огонь людям в пламенном роге.
Жены русские заплакали,
Говоря:
«Уже нам своих милых лад
Ни в мысли не мыслить,
Ни в думах не думать,
Ни очами не взглянуть,
А злата-серебра не потрогать и малости!»
И застонал, братия, Киев во скорби,
А Чернигов в напастях.
Тоска разлилась по Русской земле,
Печаль бурно течет среди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
А поганые сами, с победами
Нападая на Русскую землю,
Дань собирали по белке со двора.
...
Тут немцы и венецицы,
Тут греки и морава <...>
Корят князя Игоря,
Что погрузил добро на дно Каялы,
Реке половецкой русского злата насыпавши.
Тут Игорь князь пересел из седла злата
В седло кощеево.
Уныние градским забралам^[23],

А веселье поникло.

Между тем Святослав Всеволодович пока ничего о происшедшем не знал. Он возвращался на юг по Десне в ладьях с набранными в Вятичах воинами, и у Новгорода-Северского ему сообщили, что Святославичи втайне от него выступили против половцев. Святославу это было «нелюбо», но поделаться он ничего не мог и продолжил путь к Чернигову. Здесь он и получил весть о поражении на Каяле. Выслушав Беловолода, Святослав прослезился и со вздохом сказал: «О любимые мои братья, сыновья и мужи земли Русской! Дал мне Бог стеснить поганых, но не удержать юности. Отворили ворота на Русскую землю! Воля Господня да будет обо всем. И как жаловался я на Игоря, так ныне жаль мне более Игоря, брата моего».

Чтобы не оставлять земли без князя и прикрыть их на случай вторжения, Святослав отправил в Посемье своих старших сыновей Олега и Владимира. Они и объявили жителям северских уделов о разгроме их князя. «И пришли в смятение города Посемские, и были скорбь и горе лютое, каких никогда не бывало, во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и по всей волости Черниговской: князя в плену, дружина в плену или перебита... Многие тогда отрекались душ своих, жалея князей своих». Скорбь, естественно, поселилась и в знатных домах. Такого поражения от внешнего врага не было давно — а может, не было вовсе: в плену на чужбине оказались пятеро Рюриковичей, многие боярские роды недосчитались своих членов. «Все князья... возопили с плачем и стенанием».

Святослав отправил весть к Давыду Смоленскому, с которым раньше сговаривался идти воевать Степь: «Мы говорили пойти на половцев и летовать на Дону, ныне же половцы победили Игоря и брата его с племянником. Так что приезжай, брате, постереги землю Русскую». Давыд со своей ратью спешно спустился по Днепру; пришли и удельные князья Киевщины. Войска соединились у Треполя, откуда Святослав и Рюрик прошли к Каневу, оставив Давыда и смолян. Ярослав Всеволодович в Чернигове собрал свои войска и готов был прикрывать Левобережье.

Узнав о приготовлениях русских князей, половцы, уже шедшие к рубежам Руси, отступили за Дон. Здесь ханы, по мнению летописца, «собрали весь язык свой», то есть всех сородичей, кочевавших от Дуная

до Волги, и начали совещаться. Вскоре им стало известно о рассредоточении русских сил, а возможно, и о том, что смоляне не особо хотят сражаться на юге. Кончак предлагал: «Пойдем на Киевскую сторону, где перебиты братья наши и великий наш хан Боняк». Гза возражал: «Пойдем на Сейм, где остались жены их и дети. Готовый нам полон собран — возьмем без опаски». В конечном счете решили разделить силы надвое.

Кончак, очевидно, был под стать Игорю — так же честолюбив в планах и патетичен в речах. Он не оставил надежд захватить крупнейшие города Руси и теперь со своей ордой устремился к Переяславлю. Целый день половцы штурмовали город и наконец влезли на стену острога. Тогда князь Владимир Глебович повел дружину на вылазку, но не все решились последовать за ним. Половцы окружили князя и его воинов, но он сражался мужественно, пока не был ранен тремя ударами копий. Только тут горожане, вдохновленные отвагой князя, вышли из острога и отбили Владимира у врага. Отогнав половцев, тяжело страдающий от ран князь «утер мужественный пот свой за отчину свою».

Владимир отправил гонцов к Святославу, Рюрику и Давыду: «Половцы у меня, помогите мне!» Святослав, в свою очередь, тоже послал за смолянами. Те, однако, уже успели рассориться с князем и забунтовать. На вече они заявили: «Мы шли до Киева. Была бы здесь битва — бились бы. Нам ли иной битвы искать? Не можем этого — уже изнемогли». В итоге Святослав и Рюрик, не дождавшись Давыда, с подвластными князьями поплыли по Днепру к Переяславлю, а Давыд вынужден был увести свои полки обратно на север.

Кончак решил не испытывать судьбу — узнав о приближении Святослава, он повернул прочь от Переяславля, гоня многочисленный полон. Владимир торопил союзников, но они, раз задержавшись, за половцами не успели. По пути степняки подступили к городу Римову. Слишком много горожан вошло на укрепления — два звена деревянной стены рухнули, открыв врагу дорогу в город. Часть горожан прорвалась за стены и отбилась от половцев на близлежащем Римском болоте, а всех прочих Кончак присоединил к своему полону. Не поспев за ним, Святослав и Рюрик повернули от Переяславля к Киеву^{263}.

Между тем Гза вторгся в Посемье и подошел к Путивлю, где, рассказывает «Слово», дожидалась мужа Ярославна. Разорив

окрестные села, Гза подступил к городу, но его успехи в итоге оказались скромнее, чем у Кончака: он смог лишь сжечь острог и с тем возвратился восвояси^[264].

В «Слове» за описанием разгрома Игоря и скорби Руси следуют два вставных эпизода, ранее, вероятно, бытовавших как отдельные песни: «Вещий сон» с последующим «златым словом» Святослава и «Плач Ярославны». Они сильно различаются по жанру и содержанию и столь же сильно выделяются из остального текста «Слова». Первый — публицистический призыв, причем голос князя незаметно сменяется голосом самого «песнотворца», называющего князей не «братьями», а «господами». Второй — лирическая песнь о потерянном муже, без всякого «политического» содержания.

Святослав, подобно героям многих былин, узнаёт о поражении двоюродных братьев благодаря сну:

А Святослав мутный сон видел в Киеве
На горах.
«Ночью с вечера одевали меня, — рек, —
Черными полотнами на кровати тисовой,
Черпали мне синее вино, с горем смешанное,
Сыпали мне колчанами поганых толковин^[24]
Великий жемчуг на лоно,
Меня нежили.
Уже доски без конька в моем тереме
Златоверхом.
Всю ночь Бусовы вороны^[25] граяли
У Плесньска на оболони, где дебрь Кисаня^[26]
Понеслись они к синему морю».
Сказали бояре князю:
«Уже, княже, горе ум полонило.
Се, ведь два сокола слетели
С отчего злата стола
Доискаться града Тмутараканя
Либо же испить шеломами Дона.
Уже соколам крылья подрезали
Поганых саблями,
А самих их опутали

Путами железными.
Настала тьма в третий день:
Два солнца померкли ведь,
Погасли столпа багряных два,
И в море погрузились,
И с ними молодые месяцы,
Олег и Святослав,
Тьмою оба поволоклись.
На реке на Каяле тьма свет покрыла:
По Русской земле простерлись половцы,
Как барсово гнездо,
И великое буйство хинам^[27] подали.
Уже понеслась хула на хвалу;
Уже бьется нужда о волю;
Уже свергнулся Див на землю.
Се ведь готские красные девы
Запели на берегу синего моря,
Звеня русским золотом,
Поют время Бусово,
Лелеют месть Шаруканову.
А мы уже, дружина, лишь ждем веселия».

Для историка здесь важно упоминание Олега и Святослава. Много было споров — почему названы именно эти два князя (точнее, князь и безудельный княжич)? Почему не упомянут Владимир? Под «четырьмя солнцами» в «Слове» бесспорно имелись в виду Игорь, Всеволод, Святослав и Владимир. Ответ, как представляется, довольно прост и печален. Ни Олег Игоревич, ни Святослав Ольгович после злосчастного похода в источниках не упоминаются ни разу. Очевидно, оба они так и не вернулись на Русь, умерев в половецком плену. Что же касается Владимира, то его судьба отличалась от судьбы Игоря и Всеволода, не говоря уже о неизвестно сгинувших родном и двоюродном братьях. В плену юный путивльский князь все-таки женился на створенной за него ранее дочери Кончака.

Далее в поэме следует «злато слово, слезами смешанное». Святослав одного за другим призывает на помощь князей, но поддержки их, как и в реальности, не видит:

Но вот зло — князья мне не пособие:
В ничто сия година обратилась.
Вот, у Рим[ова] кричат под саблями половецкими,
А Владимир страждет от ран —
Горе и тоска сыну Глебову!

Перед слушателем или читателем «Слова» один за другим проходят те, кого «песнотворец» хотел бы видеть мстящими за Игоря. Вот черниговский князь Ярослав со своими боярами и служащими ему кочевниками:

Те ведь без щитов с засапожниками^[28]
Кличем полки побеждают,
Звеня в славу прадедовскую.

Вот «великий князь» Всеволод из Владимира с покорными ему — о чем без приязни вспоминали в Киеве и Чернигове — «удалыми сынами Глебовыми» из Рязани и Мурома:

Ты ведь можешь и Волгу веслами расплескать,
А Дон шеломами перелить.
Вот Рюрик и Давыд Ростиславичи:
Не ваши ли вой злаченными шлемами
По крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
Рыкает, будто туры,
Раненные саблями калеными
На поле неизвестном?
Вот галицкий Ярослав Осмомысл:
Высоко седишь ты
На своем златокованом столе,
Подпер горы Угорские
Своими железными полками...
Грозы твои по землям текут,
Отворяешь ты Киеву врата...

Вот князья Волынские: братья Мстиславичи во главе с Романом Владимирским и двоюродные им Ярославичи:

Где же ваши золотые шлемы
И сулицы^[29] ляхские, и щиты?

А вот и не чужие киевскому князю полоцкие Всеславичи, занятые собственными распрями. Один среди них достойный — шурина Святослава Изяслав Василькович, — но и он, не дождавшись помощи от братьев, пал в битве с литовцами, «изронил жемчужную душу из храброго тела»...

Никто из князей не спешит постоять «за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича». В печали завершает поэт «золотое слово»:

О, стонать Русской земле, поминая прежнюю годину
И первых князей!
Того старого Владимира
Не пригвоздить было к горам Киевским;
И ныне стоят ведь стяги Рюриковы,
А другие — Давыдовы,
Но врозь их хвосты развеваются,
Копья поют!

Между тем в Путивле, пережившем половецкий налет (о чем в «Слове» не говорится), тоскует о супруге Ярославна. В поэтическом мире «Слова», где география подчинена эпическим законам, где Дон и Дунай, как в народных песнях, отмечают границу иного мира, плач княгини разносится далече:

На Дунае Ярославнин глас слышен,
Кукушкою безвестной рано кличет:
«Полечу, — говорит, — по Дунаю кукушкою,
Омочу шелков рукав в Каяле реке,
Утру князю кровавые его раны
На крепком его теле».

Ярославна рано плачет
В Путивле на забрале, говоря:
«О Ветер, ветрило!
Зачем, господине, так сильно веешь ты?
Зачем мечешь ты хиновские стрелы
На своих неустанных крыльях
На моего лады воев?
Мало тебе разве в выси
Под облаками веять,
Лелея корабли на синем море?
Зачем, господине, мое веселие
По ковылю развеивать?»
Ярославна рано плачет
В Путивле городе на забрале, говоря:
«О Днепр Славутич!
Ты пробил собой каменные горы
Сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святослава насады
До полка Кобякова.
Взлелей, господин, моего ладу ко мне,
Дабы не слала к нему слез на море рано».
Ярославна рано плачет
В Путивле на забрале, говоря:
«Светлое и пресветлое Солнце!
Всем тепло и прекрасно ты,
Зачем, господин, простерло горячие
Свои лучи на лады воев?
В поле безводном жаждою им луки спрягло,
Горем им колчаны заткнув».

Тем временем Игорь изнывал в половецком плену, хотя его с сыном Владимиром, которого Кончак собирался женить на своей дочери, содержали лучше, чем остальных пленников, которых хорошо стерегли, держали в оковах, а то и пытали^{265}. Как уже говорилось, двое князей, судя по всему, плена не выдержали, хотя малолетний Олег Игоревич вряд ли подвергался мучениям. Игорю же, и по поручительству Кончака, и как предводителю противника, разрешали свободно

передвигаться и даже охотиться под охраной двадцати молодых половцев, пятеро из коих принадлежали к знати. Стража не только обращалась с князем уважительно, но и выполняла любые его распоряжения. Он взял себе пять-шесть русских слуг, в том числе сына новгород-северского тысяцкого, которые тоже сопровождали его в поездках по степи. Наконец, Игорь выписал себе с Руси священника, который совершал для него и слуг христианское богослужение. Князь полагал, что останется в плену надолго, и воспринимал это как наказание за грехи: «Я по достоинству своему воспринял поражение, от повеления твоего, Владыко Господи, а не поганская дерзость сломила силу рабов Твоих. Не жаль мне за свою злобу принять всё необходимое, что я принял».

Однако уже осенью того же года с Игорем заговорил некий половец. «Слово» называет его Овлуром, а Ипатьевская летопись — Лавром (Лавром). Если последнее не является русификацией, то половец, вероятно, был крещен, что отчасти объясняет его поведение. Есть, впрочем, версия, что Лавр-Овлур был послан Кончаком, заинтересованным в мире с Новгород-Северским княжеством и потому не хотевшим оставлять Игоря в плену. Но доказательств этой остроумной догадки нет.

Лавр сказал Игорю: «Пойду с тобой в Русь». Князь сначала не поверил ему, заподозрив подвох, но о побеге задумался и стал советоваться с приближенными. Он решил собрать, сколько сможет, пленных воинов и бежать вместе с ними, пока основные силы половцев воюют на Руси. «Я ради славы не бежал тогда от дружины, и ныне не славным путем не пойду!» — заявил он. Сын тысяцкого и княжеские конюшие, однако, требовали, чтобы князь согласился с Лавром: «Иди, княже, в землю Русскую, если захочет Бог избавить тебя!» Пока Игорь размышлял, орда Кончака повернула от Переяславля обратно в степь и побег по задуманному плану стал невозможен. К тому же приближенные встревожили князя новыми вестями: «Мысль высокую и неуютную Господу имеешь в себе. Ты хочешь взять мужей и бежать с ними, а об этом почему не подумал — вот приедут половцы с войны и, по слухам, убьют и тебя, князь, и мужей, и всю русь. И не будет ни славы тебе, ни жизни!» Таковы ли были намерения степняков, неизвестно. Во всяком случае, Кончак хотел другого. Но Игорь теперь решил поторопиться и принять совет Лавра.

Днем при Игоре постоянно находилась стража, ночью же он под охраной оставался в шатре. Тем не менее совещания пленных русичей и пересылку с Лавром половцы не обнаружили. Игорь заметил, что стражники его слегка расслабляются вечером, перед заходом солнца, и отправил конюшего к Лавру с вестью: «Переезжай на ту сторону Тора с конем в поводу». Вечером половцы сели пить кумыс. Конюший вернулся к князю с известием, что Лавр ждет. Игорь поклонился перед крестом: «Господи сердцеводец! Спасешь ли Ты меня, Владыко, недостойного?» Пока сторожа «играли и веселились», полагая, что князь лег спать, тот приподнял полог шатра и вылез. Перейдя реку по мелководью, он сел на коня и вдвоем с Лавром умчался прочь от кочевья. Дальнейшие обстоятельства не очень ясны. Видимо, через какое-то время конь пал, потому что затем Игорь 11 дней шел пешком до города Донца^{266}. Именно так рисует события «Слово»:

Брызжет море в полуночи;
Идут смерчи мглою.
Игорю князю Бог путь кажет
Из земли Половецкой на землю Русскую,
К отца злату столу.
Погасли вечерние зори.
Игорь спит, Игорь бдит,
Игорь мыслью поля меряет
От великого Дона до малого Донца.
Коня в полуночи Овлур свистнул за рекою,
Велит князю уразуметь —
Князю Игорю не быть!
Кликнул — стучит земля,
Шумит трава,
Зашатались вежи^[30] половецкие.
А Игорь князь
Проскочил горностаем к тростнику,
И белым гоголем на воду,
Вскинулся на коня борзого,
Соскочил с него серым волком,
И поспешил к луке Донца,
И полетел соколом под мглою,

Избивая гусей и лебедей к завтраку,
И обеду, и ужину.
Коли Игорь соколом полетел,
Тогда Овлур волком поспешал,
Отряхивая росу студеную —
Загнали ведь своих борзых коней.
Донец сказал: «Княже Игорю!
Немало тебе величия,
А Кончаку ненависти,
А Русской земле веселия!»
Игорь сказал: «О Донче!
Немало тебе величия,
Лелеявшему князя на волнах,
Постилавшему зелену траву
На своих серебряных берегах,
Одевавшему его теплыми мглами
Под сенью зелена древа.
Стерег его гоголем на воде,
Чайками на струях,
Чернядью на ветрах»...

Половцы гнались за Игорем, но не смогли настичь его^{267}. В «Слове» гонятся лично ханы Кончак и Гза, и именно во время этой погони первый решает судьбу Владимира Игоревича:

А не сороки затрещали —
По следу Игореву едут Гзак с Кончаком.
Тогда враны не граяли,
Галки замолчали,
Сороки не стрекотали,
Полозы ползали только.
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет возвещают.
Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит —
Соколенка расстреляем
Своими злачеными стрелами».

Речет Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит —
То мы соколенка опутаем
Красною девицею».
И сказал тут Гзак Кончаку:
«Если его опутаем мы
Красною девицею,
Не будет нам ни сокольца,
Не будет красной девицы,
То-то и начнут нас птицы бить
В поле Половецком».

Игорь возвращался на Русь. Град Донец относился к чернигово-северским землям, и отсюда князь уже беспрепятственно добрался до столицы своего удела, где был встречен с радостью. Горожане любили своего правителя — многие, как отмечал летописец, «печалились и проливали слезы свои за него» — и простили ему безрассудство. Из Новгорода-Северского Игорь направился в Чернигов — лично сообщить Ярославу о своем избавлении и попросить помощи в защите от половцев разоренного и, видимо, частично обложенного данью Посемья. Ярослав «обрадовался и помощь дать обещал». Игорь поехал в Киев — представиться Святославу и Рюрику; и те тоже «рады были ему»^{268}. Судя по «Слову», Игорь ехал также и поклониться за чудесное спасение киевским святыням:

Рек Боян, и Ходына, Святослава песнотворцы,
Старого времени Ярослава,
Олега кагана любимцы:
«Тяжко той голове, что без плеч,
Зло тому телу, что без головы» —
Русской земле без Игоря.
Солнце светится на небесах —
Игорь князь в Русской земле.
Девицы поют на Дунае —
Вьются голоса чрез море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
К святой Богородице Пирогощей.

Страны рады, грады веселы.
Спели песнь старым князьям,
А потом — молодым воспеть!
Слава Игорю Святославичу,
Буй Туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Здравы, князи и дружина,
Когда боретесь за христиан
С погаными полками!
Князьям слава и дружине!
Аминь.

Глава одиннадцатая. **НОВЫЕ ВОЙНЫ**

«Слово о полку Игореве» завершается возвращением князя из половецкого плена, и лишь отдельные зыбкие намеки на позднейшие события находим мы в нем. Но у Игоря впереди были новые заботы и новые брани, внутренние и внешние. Мы мало знаем о том, чем занимался князь в ближайшие год-два после возвращения в Новгород-Северский, происшедшего в начале 1186 года. Очевидно, он восстанавливал силы княжества, при помощи Ярослава Черниговского вытеснял половцев Гзы из Посемья, а также принимал меры по выкупу пленников и восстановлению союза с Кончаком. Последнее вскоре дало плоды. В конце 1186-го или в начале 1187 года Игорю удалось примирить остававшегося всё это время в Путивле Владимира Ярославича с его отцом Ярославом Осмомыслом — тот, чувствуя приближение смерти, предпочел видеть законного сына при себе, хотя стол ему оставлять так и не желал. В 1187 году Владимир уехал в Галич, а сопровождал его Святослав, старший из остававшихся при Игоре сыновей^{269}. После смерти отца Владимиру все-таки удалось занять престол, хотя это стоило Галицкой земле немало кровавых треволнений.

Святослав Всеволодович первое время после возвращения Игоря тоже не был замечен как ратоборец. В 1186 году он строил в Чернигове церковь Благовещения — очевидно, призывая на русские полки вышнюю помощь^{270}. Однако одновременно с благочестивыми делами киевский князь и его брат Ярослав затеяли новую политическую интригу. Столкнувшись впервые за десятилетия с действительно масштабным и неуправляемым с Руси половецким нашествием, Святослав осознал всю ничтожность сил нынешнего Киевского княжества, которая была ясна и автору «Слова». Великому князю требовалось расширить свое влияние. Взоры Святослава вновь обратились к Рязани. Здесь в семействе Глебовичей в очередной раз началась распря, и Всеволод Большое Гнездо опять готовился к походу против непокорного Романа, зятя Святослава. Интересы Святослава

совпадали здесь с интересами Ярослава, который вполне разделял его желание вернуть Рязанщину под власть черниговского дома.

Весной 1186 года братья Всеволодовичи отправили к Всеволоду Юрьевичу представительное посольство из бояр во главе с черниговским епископом Порфирием, которое должно было заступиться за рязанцев и убедить Всеволода заключить мир. Убежденный ростовским епископом Лукой, Всеволод согласился и отправил Порфирия в Рязань уже с собственными послами. Но Порфирий, имевший тайное поручение от киевского князя, повел с Глебовичами переговоры, убеждая не повиноваться Всеволоду и, вероятно, положиться на поддержку черниговской родни. Однако в последнем он не преуспел — Всеволод прознал об интриге, и архиерей «со срамом и бесчестьем» бросил посольство и спешно вернулся в Чернигов. Первым желанием Всеволода было послать за епископом погоню; но потом владимирский князь, «положившись на Бога и Святую Богородицу», придумал иной ход. «Гнездо» у него уже было поистине большое, и его птенцы могли по-своему послужить отцовскому делу.

Одиннадцатого июля 1186 года в Чернигове состоялось бракосочетание: дочь Всеволода Юрьевича Всеслава (возможно, в крещении ее звали Евпраксия^[271]) стала женой Ростислава, сына Ярослава Всеволодовича^[31]. Со стороны невесты на свадьбе присутствовали свояк и соратник Всеволода Ярослав Владимирович, периодически княживший в Новгороде Великом, и Давыд Юрьевич из Мурома. Последний сам находился в свойстве с черниговцами, а в рязанском конфликте муромские Юрьевичи однозначно держали сторону Всеволода. Так что, вероятно, свадьбой дело и было решено — с Черниговом, но не с Рязанью; на нее Всеволод в конце года уже невозбранно пошел войной^[272].

А с половецким нашествием всё равно надо было что-то делать, и киевскому князю с братом пришлось действовать самим. Весной 1187 года стало известно, что половцы стоят в среднем течении Днепра, у брода Татинец. Святослав и Рюрик быстрым маршем, не взяв обоза, выступили против них. По пути к ним присоединился Владимир Глебович Переяславский. Он вновь попросился возглавить передовой полк из своих дружинников и «черных клобуков», но на этот раз уже сам Святослав стал возражать, желая прославить кого-то из своих

сыновей. Рюрику и киевским боярам с трудом удалось убедить великого князя. Однако среди «черных клобуков», по замечанию летописца, приходившихся половцам «сватами», вновь проявилось двурушничество — неприятеля предупредили о приближении князей. Половцы быстро переправились на левый берег Днепра и ушли в степь. Начиналось половодье, у князей не было достаточно припасов, и они вернулись ни с чем.^{273} На обратном пути разболелся Владимир Глебович. Возможно, он так и не оправился от позапрошлогодних ран. В Переяславль его уже внесли на носилках. 18 апреля 1187 года переяславский князь умер.^{274}

Кончаку же события 1185 года позволили распространить свое влияние на степное Поднепровье. Он превращался в настоящего хозяина европейских степей. Летом он вторгся в Поросье, которое Святослав передал во владение своему черниговскому брату. Впоследствии хан еще не раз совершал туда набеги.

Святослав не мог мириться с такой дерзостью. Зимой 1187/88 года, ранней и на редкость лютой, он вновь позвал Рюрика идти на половцев. Тот предложил повторить опыт прежних, до нашествия, лет: «Ты, брате, езжай в Чернигов, соединишь со своей братией, а я здесь со своей». Сначала всё и впрямь складывалось успешно. Ольговичи не отказались от похода. Пошел ли Игорь — из летописного сообщения непонятно, но думается, что скорее нет. Но Ярослав в этот раз привел свой полк. Князя с войском двинулись по льду Днепра — берега занесло непроходимым снегом. Войска беспрепятственно прошли Днепром вглубь степи и достигли реки Снепород (нынешней Самары). Здесь удалось захватить половецкую сторожу и узнать, что зимуют кочевники в стороне от реки, у Голубого леса. Оставалось только захватить их.

Но тут опять начался княжеский разлад. «Не могу идти дальше от Днепра, — заявил Ярослав Всеволодович, — земля моя далеко, а дружина моя изнемогла». Рюрик, напротив, призывал Святослава: «Брате и сват! Этого-то мы у Бога и просили — весть нам, что половцы все лежат за полдня. Если кто раздумывает и не хочет идти, так мы двое до этих мест ни на кого не смотрели, а что нам Бог давал, то и брали». Святослав вроде и был с ним согласен, но ослабления рати не хотел, а потому ответил: «Я-то, брате, готов всегда и ныне! Но пошли к брату Ярославу и понуди его, чтобы поехали все». Рюрик принялся убеждать Ярослава: «Брате, не стоило тебе устраивать смятение! Весть правая,

что вежи половецкие все за полдня — невеликий путь. Брате, кланяюсь тебе: ради меня пройди полдня, а я ради тебя и дни проеду». «Не могу же я ехать один, — отрезал Ярослав, — полк-то мой пеш. Вы бы мне дома поведали, докуда идти». Тем дело и кончилось. Все убеждения и возражения Рюрика пропали втуне. Святослав, разрываясь между стремлением покончить со степняками и нежеланием терять поддержку брата, в конце концов принял решение повернуть восвояси.^{275}.

Видимо, недаром после этого эпизода Рюрик решил укрепить связи с Ольговичами. 24 июля 1188 года, через несколько дней после бракосочетания его сына с дочерью Всеволода Большое Гнездо^[32], Рюрик отдал дочь Ярославу за Святослава, сына Игоря Новгород-Северского. В доме Игоря тоже справили одну за другой две свадьбы, ибо переговоры с Кончаком, наконец, завершились успешно: Владимир Игоревич вернулся к отцу — причем не один, а с женой, дочерью хана, и рожденным от нее сыном Изяславом. Молодых немедленно обвенчали. Тогда же, очевидно, крестили их сына — по основанному на Любечском синодике предположению, именем Филипп.^{276}.

Союз со Степью был скреплен заново. Вскоре (не позднее 1191 года) вернулся в свой Трубчевск и Всеволод Святославич. Кончак и Игорь теперь действительно были сватами, как и Игорь с Рюриком. Время показало, что Игорь в согласии с политикой Киева не отказался от сведения счетов в Степи, как и Кончак — от полюбившихся ему набегов в Поросье. Но друг с другом они больше никогда не воевали — вполне достойный выход из положения в эпоху, когда личные интересы, связи и обязательства аристократов стояли выше всякого «патриотизма». Сын Кончака, шурин Владимира, в какой-то момент принял крещение и стал зваться Юрием — очевидно, что в связи с крестильным именем Игоря. Не исключено, что Игорь был его крестным отцом.

Тем временем Святослав и Рюрик не оставляли мыслей о войне со Степью. Зимой 1188/89 года они послали в набег на левобережные кочевья воеводу Романа Нездиловича с «черными клобуками». В то время днепровские половцы, не опасаясь нападения со стороны вечно спорящих русских князей, ушли воевать на Дунай на стороне восставших против византийцев болгар. Кочевья остались почти без охраны. Роман захватил их и возвратился «со славой и честью великой».^{277}.

Такие набеги Святослав рассматривал как разведку боем — конечно, он продолжал думать о большом походе. Но в 1189 году он едва не рассорился с Рюриком. Причиной была разгоравшаяся в Галиче борьба за престол, в которую оказались втянуты Польша и Венгрия. Святослав договорился с захватившим Галич венгерским королем об утверждении на тамошнем столе его сына Глеба. Но у Рюрика был свой кандидат — двоюродный племянник и зять из «Мстиславова племени» Роман Мстиславич Волынский. Рюрик приказал перехватить Глеба, а Святослава обвинил: «Как же ты послал сына к королю, а меня не спросил, нарушил договор?» Только вмешательство митрополита остановило развитие распри в зародыше. «Иноплеменники отняли отчину вашу — не лучше ли вам потрудиться?» — обратился предстоятель к князьям. Святослав целовал Рюрику крест и сказал: «Брате и сват! Я сына своего послал не наводить на тебя короля, а по своим делам. Если хочешь идти на Галич, то я с тобою готов». Но совместного похода и здесь не получилось. Уже после выступления Святослав предложил Рюрику в случае успеха обменять Галичину на все киевские уделы. Тот, естественно, отказался — и войска повернули назад^{278}. Галич на время достался венгерскому королевичу, пока законный князь Владимир не утвердился в нем при помощи Всеволода Большое Гнездо.

Замирившись с Рюриком, Святослав одновременно укрепил союз с Игорем Новгород-Северским, чьих сепаратных действий в Степи, мирных или военных, имел все основания опасаться. У Игоря, помимо сыновей, была дочь, а у Святослава подрастали старшие внуки. Князья давно перешагнули церковные каноны и легко женили ближнюю родню. В 1189 году Святослав устроил свадьбу своего внука Давыда Ольговича с дочерью Игоря^{279}. «Молодые» (скорее всего, еще не вошедшие в возраст) приходились друг другу троюродными теткой и племянником — не такое уж близкое родство, в сравнении с некоторыми другими парами. Помимо прочего, оно позволяло Святославу нейтрализовать влияние Рюрика, недавно ставшего Игорю сватом.

Игорь, свойства с которым наперебой добивались киевские князья, в тот год выжидал, оценивая силы «утишившейся» днепровской Руси в ее противостоянии со Степью. Святослав же и Рюрик действовали — правда, по-прежнему без особого согласия. Им удалось на какое-то

время «умирить» половцев, настороженных установившимся между князьями согласием. Летом 1189 года после свадьбы внука Святослав охотился и пировал с Рюриком на Днепре, у устья Тясмина, «пребывая в любви». Но уже осенью между ними снова возник разлад. Святослав, наконец, заподозрил хана «черных клобуков» Кунтувдыя в предательстве и велел его схватить. Рюрик выпросил ему свободу, и сразу после этого Кунтувдый бежал к половцам. Сильнейший в ту пору в Поднепровье хан Тоглый (кстати, одно время бывший сватом Давыда Смоленского, брата Рюрика) сговорился с Кунтувдыем отомстить за его позор. Вместе они вторглись в Поросье и стали разорять его. Святослав в то время был в Черниговской земле, где встречался с Ярославом и, возможно, Игорем. Рюрик потребовал от соправителя прислать хотя бы сына и помочь защитить Русь от последствий собственного поступка. Святослав обещал было отправить к нему Глеба, но затем передумал. Князь видел, что разорению подверглись в основном сами «черные клобуки», которым он не доверял. Рюрик сговорился с Давыдом Смоленским и Всеволодом Владимирским и от имени всех Мономашичей обвинил Святослава в нарушении всех прежних клятв. Тот разгневался и чуть вправду не разорвал договор, но черниговские бояре убедили его отказаться от этой мысли. Князь поклялся на кресте поддержать Рюрика в возобновившейся борьбе с половцами^{280}.

Пока «черные клобуки» и Ростислав Рюрикович успешно отражали набеги половцев, Святослав собрал черниговские войска, переправился через Днепр и спустился в Поросье. Узнав о его приходе, Тоглый обратился в бегство, «побросав стяги и копья». Святослав повернул войска к Киеву, оставив в Каневе Глеба. Тоглый, к которому присоединился Кунтувдый, немедленно вернулся и направился к городу Товарному. В его окрестностях их внезапно атаковала конница Глеба. Половцы обратились в бегство, многие утонули в Роси, других перебили или захватили живыми. Однако ханам удалось уйти^{281}.

Этот успех вдохновил Святослава и всю его черниговскую родню. Игорь, возможно, всё еще воздерживался от участия в войне, поскольку дожидался возвращения из плена Всеволода. Но брат вернулся — и пришло время рассчитаться с обидчиками. В 1191 году новгород-северский князь вместе с братом вторгся в Половецкую степь. Обрато он пригнал большие стада рогатого скота и конские табуны. На зиму Игорь и Всеволод задумали массовый поход, под стать прежнему, но на

этот раз договорились с Всеволодовичами. Святослав прислал трех младших сыновей — Всеволода, Владимира и Мстислава, Олег Святославич отправил к Игорю своего юного сына Давыда, зятя Игоря, а Ярослав Черниговский — сына Ростислава. Оставив детей Игоря управлять княжеством, семеро князей выступили прежним Игоревым путем, к Осколу. Половцы, однако, тоже действовали по-прежнему — собрали все силы и встали на пути врага, прикрывая кочевья. Пограничным ханам удалось быстро собрать с зимовий значительное войско, и Ольговичи, оценив силы противника, вступить в бой не решились. Разбив стан напротив неприятеля, князья ночью снялись и ушли восвояси. Половцы, обнаружив утром отсутствие противника, погнались за ним, но настичь не сумели^{282}.

Этим участие Игоря в войне с половцами и ограничилось. Стремление к славе, похоже, иссякало, а вновь подвергать опасности себя и свою землю князь не желал. К тому же он был теперь в настоящем свойстве, а может, и в кумовстве с Кончаком. Впрочем, война заканчивалась. Спровоцированное беглым Кунтувдыем нападение Тоглыя и его союзника Акуша, призванное закрепить их власть в лукоморской орде, было последним выбросом степной энергии. Даже Кончаку на пике могущества не удалось захватить ни одного крупного города, а в союзе с князьями половцам всегда было сподручнее воевать на Руси, чем против князей. Святослав же с Рюриком окончательно осознали, что организовать новый большой поход в Степь не получится, и тоже искали мира.

Лето 1192 года князья-соправители с ратью провели у Канева, демонстрируя половцам силу и предотвращая набеги — но не более того. Зимой Рюрику удалось вернуть на русскую службу Кунтувдыя и при его посредничестве замирился с Тоглыем^{283}. Святослав был недоволен сепаратным миром и по весне заявил Рюрику: «Вот, ты съезжался с лукоморскими половцами, а ныне пошлем за всеми половцами, и за Бурчевичами». Хань из рода Бурчевичей, Осолук и Изай Беглюковичи, как уже говорилось, видимо, находились в родстве с северскими князьями и кочевали близко к черниговским границам. Рюрик первым браком был женат на их сестре. Их родичем, возможно, был и Гза, но в последней войне они после разгрома 1184 года активно не участвовали. Князья решили на осень назначить половцам снем. Святослав пригласил Беглюковичей, а Рюрик — лукоморских ханов.

Осенью, когда Святослав и Рюрик прибыли в Канев, туда же приехали Тоглый и Акуш в сопровождении Ростислава Рюриковича.

Осолук и Изай прибыли к Каневу, но оставались на своей, левой стороне Днепра. Ханы не хотели переправляться, опасаясь быть захваченными «черными клобуками», поскольку имели немало пленников-рабов из их числа. Беглюковичи предложили Святославу и Рюрику: «Если вам любо, то поезжайте к нам на эту сторону». — «Ни деды наши, ни отцы наши, — гневно отвечали князя, — не ездили вам навстречу Если вам угодно, то поезжайте к нам, а неудобно — воля ваша». Беглюковичи переправляться отказались и уехали. Рюрик предложил Святославу все-таки скрепить мир хотя бы с Тоглым и Акушем, которые хотели его, но тот отказался: «Не могу с половиной их мириться» — и покинул Канев. Переговоры были сорваны.

Тогда Рюрик предложил Святославу все-таки устроить поход: «Вот, брате, мира ты не возлюбил, так что нам уже нельзя снимать доспехи. Брате, подумай о земле своей — не пойти ли нам зимой в поход? Скажи, а я повелю дружине своей быть в доспехах, и братии своей. Или будем свою землю стеречь — поведай». Святослав отвечал: «Ныне, брат, похода учинить нельзя, потому что в земле нашей жито не уродилось. Ныне бы свою землю поберечь!» Но тут выяснилось, что и Рюрик идти не хочет. «Брате и сват, — заявил он, — если у тебя похода нет, то я сообщаю, что у меня поход на Литву, а этой зимой займусь своими делами». Тут вновь возникло «нелюбье». «Брате и сват, — вопрошал Святослав, — ты идешь из отчины своей по своим делам, а я тоже иду за Днепр по своим делам, — а в Русской земле кто останется?» Рюрик, хотя и обвинял в срыве мира с половцами Святослава, был вынужден подчиниться его старшинству и остаться^{284}.

Кончилось, однако, тем, что «черные клобуки» в декабре подбили Ростислава Рюриковича на отдельный поход против половцев — и поход этот оказался успешен. В битве на реке Ивле степняки были наголову разбиты, Ростислав ушел от погони свежих сил других кочевий и с победой вернулся на Киевщину. Таким образом, был взят реванш за поражение Игоря — пусть несопоставимый по масштабам и в другом районе. Святослав был раздражен, тем более что Рюрик все-таки собрался идти в Литву, и прислал сопровителю суровое назидание: «Вот, сын твой захватил половцев, начал войну, а ты куда-то идти

собрался, свою землю оставив. Ныне же иди в Русь, стереги свою землю». Обоим князьям с войсками пришлось простоять зиму у Василева с оружием наизготовку. Когда по весне Рюрик вернулся в Белгород, а Святослав все-таки отправился на север Черниговской земли, в Карачев, половцы напали на населенный торками город Убережь в Поросье и захватили полон^{285}.

Однако это были последние раскаты военной грозы. Половцы осознали, что у Руси достаточно сил, чтобы и впредь разорять их кочевья в степи. Поэтому без всякого формального замирения, которого хотел Святослав, война прекратилась, тем более что вскоре вдоль русско-половецких границ возобновились княжеские распри и степным ханам с их ордами хватило работы.

Всё это произошло, возможно, по одной причине — ушел из жизни Святослав Всеволодович, мечтавший «заградить Полю дорогу» и пытавшийся, пусть не всегда чистыми методами, сдерживать княжеские раздоры. Прибыв по весне 1194 года в Карачев, Святослав пригласил туда брата Ярослава, Игоря и Всеволода Святославичей и призвал пойти на Рязань под предлогом решения приграничных споров. Конечно, настоящей целью было воплощение давнего замысла Святослава восстановить власть Чернигова над потерянным уделом. Чтобы избежать нового противостояния с Всеволодом Юрьевичем, во Владимир отправили посольство с жалобами на рязанцев и просьбой разрешить поход. Но Всеволод прекрасно понимал, что Рязань — сама спорная территория между ним и Черниговом, потому наотрез отказал.

Огорченный Святослав распустил братьев и 23 апреля поехал из Карачева. Из-за какого-то несчастного случая у князя внезапно заболели ноги, и путь до Десны он ехал на санях, а затем плыл по реке в плоскодонке-«насаде». Прибыв, наконец, в Киев, — шел уже июль, — он отправился в Вышгород поклониться мощам святых Бориса и Глеба, день памяти которых приближался, а также могиле отца, погребенного в том же Борисоглебском храме. К раке святых князь припал, но гробницу Всеволода Ольговича нашел закрытой — священник с ключом уже ушел. Охваченный печальными думами князь вернулся в Киев, а на следующий день вновь преклонил колена в храме Бориса и Глеба, на этот раз в построенном его родителями Кирилловском монастыре. 24 июля, в воскресенье, в день памяти князей-мучеников, князь уже чувствовал тяжелое недомогание и встречал праздник на

«новом дворе», где остановился, а не в тереме-резиденции. В понедельник он получил весть о прибытии византийских послов — князь готовил самое значительное по русской политической иерархии бракосочетание своей внучки Евфимии Глебовны с греческим царевичем Алексеем. Святослав, чувствовавший себя всё хуже — «сила истощалась и язык немел», — отправил к послам бояр. Проснувшись наутро, Святослав спросил у жены: «Когда будет день святых Маккавеев?» (в этот день умер его отец). «В понедельник», — ответила княгиня Мария. «О, не дожидаться мне того», — вздохнул Святослав, но его мысль поняли только позже. Пока же на все расспросы жены он ответил: «Я верую во единого Бога», — велел постричь себя в монахи и послать за Рюриком. После пострижения князь скончался^[33] и был погребен в Кирилловском монастыре, рядом с матерью.^{286}.

Что же, даже в смерти Святослав оказался более знаменит, чем Игорь. Кончина его описана киевским летописцем подробно, с сопереживанием — это свидетельство современника и очевидца. Остается только удивляться парадоксам истории, благодаря которым ныне Игорь известнее и интереснее нашим современникам, чем его великий родич. О кончине Игоря, как увидим, известно одно — сам ее факт. Святославу же, после честного описания всех его худых и добрых дел, летописец слагает итоговую хвалу: «Князь же Святослав Мудрый в заповедях Божиих ходил, и чистоту телесную соблюдал, черноризский чин и иерейский любил, и нищим давал милостыню».^{287}.

Однако же теперь предстояло делить наследство Святослава. Судьбу Киева он определил сам, на смертном одре вызвав Рюрика. Тот вошел в город уже после смерти соправителя и был встречен с честью. Наконец-то Ростиславич мирно и по праву утвердился в Киеве. Но ему не преминули напомнить нынешнее место киевского стола. После смерти Святослава Всеволод Большое Гнездо уже не стеснялся диктовать Киеву свою волю. Он отправил своих бояр «посадить» свата в Киеве — и Рюрик беспрекословно принял это унижительное утверждение, о коем его придворный летописец предпочел умолчать, а владимирский не преминул написать^{288}.

В чернигово-северском левобережье ничего не изменилось. Ольговичи внешне легко смирились с потерей Киева — да и не смогли бы они тягаться с замыкавшимся на Рюрике единым фронтом владимирских, смоленских и волынских Мономашичей. У самих же

Ольговичей земли были давно поделены: Ярослав остался в Чернигове, Игорь — в Новгороде-Северском, а Всеволод — в Трубчевске. Пятеро сыновей Святослава либо сидели в малых волостях Черниговщины, либо оставались при дяде.

Изменился, однако, статус Игоря. Святослав был бесспорным лидером всех Ольговичей, старшим по роду («в отца место») и по возрасту. Его могли не слушаться в конкретных ситуациях, но его авторитет и сюзеренитет все признавали. У Ярослава такого авторитета не было. Будучи князем Черниговским, он являлся юридическим главой рода, но Игорь оказывался почти вровень с ним, тем более что в прежнее время подчинялся напрямую Святославу. Чтобы сохранить единство Чернигово-Северского княжества, им теперь надо было управлять коллективно, и Ярослав это сразу понял. В дальнейшем «Ольговичи» всё чаще именуется в летописях вместе, и Игорь определенно стоит наравне с Ярославом, как второй после него, скорее связанный родством союзник, чем обязанный крестоцелованием подданный. В дальнейших событиях, едва не взорвавших хрупкий мир Южной Руси и ставших предвестием настоящей, губительной бури, чувствуется последнее пробуждение лихих амбиций новгород-северского князя. Игорь, в отличие от Ярослава, не любил избегать битвы...

* * *

Единство Мономашичей продержалось недолго. В 1195 году разгорелся конфликт между Рюриком и его зятем Романом Мстиславичем Волынским, требовавшим от него уделов на Киевщине. Того же хотел от Рюрика и Всеволод Большое Гнездо. Киевский князь, после долгих колебаний, ущемил зятя в пользу свата. Оскорбленный Роман развелся с женой и отправил посольство к Ольговичам, склонившее Ярослава Всеволодовича к союзу против Рюрика. Союзники скрепили сговор крестоцелованием и стали готовиться к войне. Рюрик, однако, узнал об этих приготовлениях, открыто объявил бывшему зятю войну и, в свою очередь, обратился за помощью к Всеволоду Юрьевичу^{289}. Но тут ситуация резко изменилась — Роман, ища помощи в Польше, ввязался в усобицу тамошних князей, потерпел

тяжелое поражение и тут же отправил в Киев к Рюрику и митрополиту Никифору послов с покаянием. Рюрик, боявшийся войны, с готовностью простил Романа, а осенью обратился к Ольговичам с предложением мира, согласовав его с братом Давыдом Смоленским и Всеволодом. «Целуй нам крест, — потребовал Рюрик от Ярослава и «всех Ольговичей», — со всею своей братией, не искать отчины нашей, Киева и Смоленска, под нами, под нашими детьми и под всем Владимировым племенем. Так как нас разделил дед наш Ярослав [Мудрый] по Днепру, то Киев вам не надобен».

Ольговичи собрались на совет и ответили сообща — причем не Рюрику, а Всеволоду. Требование Рюрика всего через год после кончины Святослава показалось им оскорбительным. В своем ответе князя цитировали почившего старейшину: «Раз ты сам нам вменил Киев, то нам и блюсти его для тебя и для свата твоего Рюрика — на том и стоим. Если же отречься от него велишь совершенно, так мы не угры и не ляхи, но одного деда внуки. При вашей жизни его не ищем, а после вас — кому Бог даст». Когда ответ был оглашен, послы заспорили, начался скандал — «распря многая и речи великие» — и бояре Мономашичей уехали ни с чем^{290}.

Однако, узнав, что Всеволод немедленно начал собирать войска и готовиться к походу, Ольговичи быстро передумали. Стремясь снова расколоть ряды соперников, они одновременно отправили послов к владимирскому князю и Рюрику. Игумен Дионисий, посланный к Всеволоду, заверил, что Ольговичи готовы повиноваться «всей воле его». Тот, поверив, отменил поход, а вызванных на помощь новгородцев, уже дошедших до Торжка, завернул назад^{291}.

Рюрику же послы Ольговичей сказали: «Брате, нам с тобою не бывало никакого лиха, даже если не договорились мы этой зимой с Всеволодом, с тобой и с братом твоим Давыдом. Ты у нас рядом — целуй с нами крест, что не будешь с нами воевать, пока с Всеволодом и Давыдом не уладимся». Рюрик после совещания с боярами отправил ответное посольство, которое и утвердило крестоцеловальный договор: до общего мира не воевать друг с другом. Рюрик распустил приготовленную было для войны армию с наемными половцами^{292}.

Ярослав и Игорь только этого и ждали. Замирившись с Рюриком и Всеволодом, они рассчитывали сладить с самым слабым звеном союза Мономашичей — Давыдом Смоленским, с которым у них в последний

год уже назрел конфликт из-за полоцких земель. Ольговичи имели здесь давние интересы, связанные изначально с браком Святослава Всеволодовича. Сейчас племянник жены умершего князя Василько Брячиславич был изгнан из Витебска неназванным зятем Давыда^[34]. В феврале 1196 года Ярослав отправил к Витебску войско под началом своих племянников. Верховным полководцем поставили Олега Святославича, свата Игоря. Он не только занял Витебск, но по пути разорил смоленские земли. Давыд послал на помощь зятю — отбить Витебск и наказать Ольговичей — войско во главе с племянником Мстиславом Романовичем, сватом Всеволода Большое Гнездо. Олег к тому времени успел соединиться с Васильком Брячиславичем, полоцким и друцким князьями. Смоляне столкнулись с объединенной ратью Ольговичей и Всеславичей.

Черниговцы заняли позицию у леса, среди снежных наносов. Первая атака смолян оказалась успешной: стяги Олега «потоптали», погиб его совсем молодой сын Давыд, муж Игоревны.

Однако ход сражения переломили полочане. Они не стали сшибаться с шедшим на них полком смоленского тысяцкого, а ударили в тыл дружине Мстислава. Смоляне были сметены внезапной атакой. Когда Мстислав, увлекшийся погоней за Олегом, с передовым отрядом вернулся на поле боя, то уже не смог противостоять побеждавшему противнику. Сам он был взят в плен Борисом Друцким, а другие предводители смоленского войска бежали. Олег выпросил у союзника драгоценного пленника — племянника одного врага и свата другого — и немедленно отправил сообщение о победе в Чернигов: «Мстислава взял в плен, и полк его победил, и Давыдов полк, смолян. Сказывают мне смоляне пленные, что братия их не добра с Давыдом. Отче, такого времени уже не будет — поезжай не медля, собрав братию свою. Ныне же возьмем честь свою!»^{293}.

Ярослав, Игорь и Всеволод, не откладывая — поступок в духе Игоря, но не Ярослава! — подняли свои дружины и повели их на Смоленск. Но в пути их перехватил посол Рюрика, передавший его речи Ярославу: «Если уж поехал брата моего убить и рад этому, то отступаешься от крестного целования. Вот твоя крестная грамота! Иди же к Смоленску, а я к Чернигову — как нас Бог рассудит и крест честной!»

Ольговичи поспешили вернуться в Чернигов, откуда Ярослав отправил посольство к киевскому князю с заверениями, что отступить от договора не собирался, а Давыд посягает на его союзников, пытаясь отнять Витебск. Рюрик отвечал: «Я Витебск тебе уступил, и послов своих послал к брату Давыду, и говорил ему уступить Витебск тебе. А ты того не дождался, послал племянников своих к Витебску. Племянники твои по пути воевали смоленскую волость; Давыд же, услышав о рати, послал Мстислава, племянника своего». Ярослав, конечно, неправоту свою не признавал — и до конца зимы о мире не договорились. И в Киеве, и во Владимире, и в Чернигове, и в Новгороде-Северском копили войска. Всеволод Большое Гнездо послал за половцами. Казалось, возвращается время великих общерусских усобиц^{294}.

По весне Рюрик отправил во Владимир новое посольство. Он упрекал Всеволода в отмене прежнего похода и призывал больше не откладывать выступление. Сам он вновь собрал половецкую помощь — в этой усобице Мономашичи прибегали к ней охотнее, чем Ольговичи — и стал совершать набеги на левобережье. Впрочем, Всеволод после прошлогоднего крестоцелования Рюрика с Ольговичами уже не очень доверял свату. К тому же у него начался конфликт с новгородцами, тяготившимися его диктатом. Потому только поздним летом пришел ответ: владимирский князь готов выступить, когда Рюрик сам начнет войну.

Ярослав, почуяв разлад в стане противника, вновь отправил к Рюрику посольство: «Зачем, брате, начал волость мою воевать, а поганым руки наполняешь? Мне с тобой делить нечего, я Киева под тобой не ищу. А Давыд и послал было Мстислава на моих племянников — так Бог рассудил. Я отдаю тебе Мстислава без выкупа, по любви. Крест со мной целуй, а с Давыдом введи в любовь. А Всеволод захочет с нами уладиться — уладится, а тебе с братом Давыдом дела нет». Рюрик отвечал: «Если хочешь со мной вправду любви, дай мне дорогу послать к Всеволоду и к Давыду. Как решим всё, так с тобой и уладимся». Тут уже Ярослав заподозрил обман: не хочет ли Рюрик сговориться с союзниками о войне вместо мира? Ольговичи перехватили все дороги и отказались пропускать киевских послов. До осени шли вялотекущие порубежные стычки — ни мира, ни настоящей войны^{295}.

В эти-то дни Ольговичи лишились своего лучшего воителя, а Игорь Новгород-Северский — последнего брата. В мае 1196 года умер в Чернигове Всеволод Трубчевский. Вся родня и всё черниговское духовенство во главе с епископом собрались на его погребение. Умершего упокоили в церкви Богородицы в Чернигове. Ольговичи погребали его, отмечает летописец, «с честью великой, с плачем великим и рыданием, ибо среди всех Ольговичей был он удалее рожден и воспитан, превосходил всех статью, добротой, мужественной доблестью и любовь питал ко всем»^{296}.

Осенью пожар войны, наконец, разгорелся. Роман Мстиславич, скопив войска, выполнил тайно возобновленный договор с Ольговичами — атаковал владения Ростиславичей с запада. Однако он сам оказался в кольце врагов, поскольку Рюрик тут же обратился за помощью к Владимиру Галицкому. Той же осенью Всеволод Большое Гнездо и Давыд Смоленский с владимирскими, рязанскими, смоленскими войсками и половцами вторглись в черниговские земли, захватили и выжгли все вятичские города.

Ярославу и Игорю пришлось теперь защищать собственные владения. Ярослав оставил в Чернигове Олега и Глеба Святославичей — защищать город от возможного нападения Рюрика. Сам Ярослав вместе с Игорем, тремя другими племянниками и, видимо, новым трубчевским князем Святославом Всеволодовичем выступил на север против Всеволода. На этот раз и черниговцы привели себе половцев в помощь — тем не впервой было сражаться в усобицах на обеих сторонах. Подступив к границам вятичей, Ольговичи велели строить в лесах засеки и рубить мосты на реках, чтобы затруднить передвижение врага. Но войны они не хотели, понимая, что против Большого Гнезда не устоять. «Брате и сват! — обратились к Всеволоду и Давыду послы Ольговичей. — Отчину нашу и хлеб наш взял. Если по нраву тебе с нами договор честный и в любви с нами быть, так мы от любви не бегаем и во всём твоей воле повинемся. Если же что замыслил — то и от того не бегаем, как уж нас Бог рассудит».

Всеволод начал совещаться с союзными князьями. И Давыд, и рязанцы настаивали на том, чтобы идти к Чернигову. Но владимирский князь отказался. Он по-прежнему не доверял Рюрику, подозревая его в тайном сговоре с Ольговичами. Поэтому он лишь потребовал освободить его свата, Давыдова и Рюрикова племянника Мстислава, и

изгнать своего давнего соперника в борьбе за владимирский стол Ярополка, который уже долгие годы обретался в Чернигове. Кроме того, он хотел, чтобы Ольговичи отказались от поддержки Романа Волынского. Но в последнем Ярослав и Игорь отказали — Роман был им нужен как союзник против Рюрика. Кроме того, Ярослав, возможно, уже зная о возрождении в Великом Новгороде «черниговской партии», а может, просто желая ослабить противника, попросил дать новгородцам полную свободу в выборе князей. Всеволод неожиданно легко согласился — в обмен на выполнение остальных условий. Кроме того, он требовал гарантировать ему и детям права на уделы в Южной Руси, не претендовать при жизни Ростиславичей на Киев и на Смоленск. На этих условиях все князья целовали крест^{297}.

Рюрика условия соглашения не устроили. Он обвинил Всеволода в нарушении всех имевшихся между ними договоренностей и отнял у него все пожалованные ранее южнорусские города^{298}. Ольговичи могли быть довольны — союз Мономашичей полностью развалился. Однако же выиграла и вся Русь — усобица закончилась, не успев развернуться...

Ярослав Всеволодович недаром ратовал за права новгородцев. Той же осенью они прогнали из города свояка Всеволода Большое Гнездо и отправили посольство в Чернигов — просить себе князя. В третий и последний раз за XII век представилась Ольговичам возможность укрепиться в Новгороде. Правда, оказалась она столь же ненадежной, как и обе предыдущие. Ярослав отправил к новгородцам своего младшего сына Ярополка. Он прибыл в марте 1197 года, но просидел на столе лишь полгода. После этого вечевики одумались, прогнали его и вновь попросили Всеволода прислать им князя от себя^{299}. Это была последняя вспышка соперничества с Мономашичами. Русь снова на время успокоилась.

* * *

Как видим, и в летописных статьях этих лет Игорь вновь «теряется». Но только если раньше он не был замечен в тени Святослава Мудрого, то теперь — в плотном сонме родни. Он был и остался частью единого целого, зовущегося Ольговичи, и теперь, в

отсутствие явного лидера, именно это вышло на первый план. Общие интересы, общие мысли, общие действия — всегда вместе, сплоченные назо врагам, а иначе грозила потеря столов, а то и гибель. Так жили Ольговичи после Святослава и благодаря этому сохранили земли и власть для будущих схваток.

Но и в эти годы, и в прежние была в жизни Игоря и иная сторона, о которой мы ничего не знаем из летописей. Каким правителем он был? И летописные повести о бедовом походе князя, и «Слово» однозначно свидетельствуют: князя в Новгороде-Северском любили паче разума. Но за что? Только ли как бесшабашно доблестного вояку? Вряд ли. Тем более что прославленным богатырем, доблестным в сражении, как брат Всеволод, Игорь не являлся. Но судить о том, чем он заслужил народную приязнь, мы едва ли можем. Его мирные дела летописцы не запечатали, и только данные археологов позволяют о них догадываться. Жаль — ибо это-то его, Игоревое, этого-то у него не отнимешь...

В годы княжения Игоря Новгород-Северский продолжает расти, хотя и медленнее, чем при Святославе. Зато стремительно, раз в десять, увеличивается в размерах Путивль, как уже говорилось, почти сравнявшийся со старшим стольным городом. В настоящий город превращается Трубчевск — надо думать, стараниями его князя Всеволода^{300}. Ниже Новгорода-Северского по течению Десны, над рекой Игорь устроил себе загородную резиденцию. В ней или рядом в конце XII века был возведен второй в княжестве каменный Спасский собор, заметный тогда памятник зодчества (много позднее вокруг храма вырос Спасо-Преображенский монастырь). В то же самое время был построен первый каменный храм в Трубчевске^{301}. Стоит отметить, что Ипатьевская летопись, немало строк уделившая пробуждению у Игоря благочестия в половецкой неволе, позже именует его «благоверным»^{302}.

Итак, Игорь содействовал развитию городской жизни, зодчеству, духовному процветанию своей «отчины». Здесь его честолюбие, стремление сравниться с сидевшими в Киеве и Чернигове старшими родичами шли на пользу подданным. Так что любовь городского люда он действительно заслужил, и остается сожалеть, что о его деяниях на этой ниве нам известно мало.

И была еще жизнь семейная, о которой не поведают археологи. После 1176 года у Игоря родились еще двое сыновей и дочь. Роман Игоревич упоминается в первый раз в связи с походом 1184 года, в который ходил вместе с отцом и старшим братом Святославом-Андреяном. Значит, родился он вскоре за последним, вероятно, в 1177 году. Дочь вышла замуж в 1189-м, так что, скорее всего, была лишь немногим младше. Уже в 1196 году Игоревна (к тому времени мать двух детей — трехлетнего Федора-Мстислава^[35] и младшего Константина^{303}.) овдовела. Дальнейшая судьба дочери Игоря, как и ее имя, неизвестна.

Игорь был уже отцом большого семейства. Владимир имел двоих сыновей: Изяслава-Филиппа и Всеволода-Симеона. Святославу супруга Ярослава Рюриковна родила сына Олега-Георгия, а затем, возможно, еще одного, Дмитрия. У Романа, как предполагается на основе Любечского синодика, сыновей было трое: Иоанн, Константин и Михаил^{304}. Как минимум сыновья Владимира и Святослава должны были родиться при жизни деда.

Неизвестна и судьба Ярославны. После возвращения брата в Галич она не упоминается в источниках, которые, впрочем, редко упоминают и более значимых для всей Руси княгинь. О том, что Ярославну в Северской земле любили не меньше, чем ее мужа, ясно свидетельствует «Слово». Может быть, именно ее попечением расцвел Путивль, который и в «Слове», и в летописи упоминается как частая ее обитель, удел ее первенца. Однако, судя по всему, к концу жизни Игоря рядом с ним была иная женщина — и, скорее всего, не по закону.

В Галицко-Волынской летописи, описывающей смуту начала XIII века, когда Игоревичи претендовали на престол деда по матери, в рассказе о гибели Святослава и Романа в 1212 году вместе с ними упоминается некий Ростислав, по контексту — их брат и соправитель^{305}, что и утверждают позднейшие летописи^{306}. Однако братья не выделили Ростиславу собственного удела, а позже их троюродный брат Всеволод Святославич обвинял галичан в гибели только двух, а не трех братьев^{307}, то есть Ростислава братом не считал. Причина достаточно очевидна — Ростислав был сыном от наложницы. Такие в княжеских домах рождались не единожды, что в глазах законной родни ничуть не оправдывало их, хотя какие-то призрачные права всё же давало. Однако и этот сюжет история от нас

скрыла. Взял ли Игорь мать Ростислава, овдовев? Или любовь Игоря и Ярославны — поэтическая греза? А может, она просто остыла с годами? Об этом, как и о многом другом в жизни Игоря, мы можем только строить догадки.

Глава двенадцатая.

ЧЕРНИГОВ

В конце 1198 года или начале 1199-го в Чернигове скончался Ярослав Всеволодович^[36]. Перед смертью он принял постриг под именем Василий. Племянники и высшее черниговское духовенство организовали погребение князя в Спасском соборе подле предков^{308}. Он с супругой Ириной (происхождение которой неизвестно) имел двух сыновей — Ростислава-Иоанна, зятя Всеволода Большое Гнездо, и Ярополка-Гавриила, недолго княжившего в Великом Новгороде^{309}. Однако помимо сыновей было еще и пятеро племянников, уже поднабравшихся военного и политического опыта. Именно они хоронили дядю. Только этим можно объяснить, что во избежание распрей черниговский престол чуть ли не первый раз без всяких препон и проволочек перешел к законному наследнику. Игорь Святославич Новгород-Северский, последний из второго поколения Ольговичей, вошел в Чернигов и сел на отцовском и дедовском столе^{310}.

Предел мечтаний его семейства был достигнут — добиться большего шансов не было, ибо на Киев у сыновей Святослава Ольговича не имелось никаких, даже самых призрачных прав. Так что на долю Игоря выпали управление только черниговской землей и удовлетворение нужд многочисленных двоюродных племянников. Их пришлось рассаживать по малым уделам Черниговщины. Какие территории каждый из них получил, совершенно непонятно; все догадки на этот счет либо основаны на поздних домыслах, либо умозрительны. Точно известно лишь, что Ростислав, старший сын покойного предшественника Игоря, княжил в Сновске^{311}.

Но, видимо, Игорь племянников не удовлетворил. По крайней мере, под 1200 годом летопись сообщает о кончине уже нового черниговского князя, Владимира Святославича^[37].^{312} К сожалению, Киевский свод в составе Ипатьевской летописи завершается 1199 годом, а потому о ближайших событиях на юге мы можем судить лишь по довольно скурым замечаниям северных летописей. К тому же хронология владимирских летописцев опережает общепринятую на год

из-за разницы в стилях летосчисления^[38], что часто не учитывается — например, при определении даты смерти Игоря.

Очевидно, во всяком случае, то, что Игорь лишился черниговского стола почти сразу после его занятия. Чем-то недовольный Владимир Святославич в 1199 или 1200 году поднял мятеж, выгнал двоюродного дядю из города и стал княжить сам. Это была чистая узурпация, даже если Владимир счел Чернигов родовым достоянием Всеволодовичей — он ведь взял стол не только Игоря, но и собственного старшего брата Олега.

В 1200 году захватчик скончался и Игорь смог вернуться в Чернигов. Обстоятельства этого возвращения нам опять же совершенно неизвестны. После него Святославич прожил недолго. Должно быть, треволения подорвали здоровье пятидесятилетнего князя. Время смерти Игоря стало предметом споров — в основном из-за попытки В. Н. Татищева сконструировать точную дату на основе сухого летописного контекста. В Радзивилловской летописи и во всех ранних владимирских сказано всего лишь: «Преставился князь черниговский Игорь»^{313}. Сообщение поставлено в начале статьи, обозначенной 6710 годом (по уточненной хронологии, 1201/02). Татищев, однако, скомбинировал это сообщение со следующим ниже упоминанием лунного «знамения» 29 декабря. (На самом деле это ошибка переписчика, продублировавшего прошлогоднюю запись^{314}. Но понять это историографу было трудно, поскольку в Радзивилловском списке перепутаны последние листы.) В итоге получилась «точная» дата, воспроизводимая во многих научных трудах и справочных изданиях, — 29 декабря 1202 года, тогда как на самом деле великий князь скончался, вероятно, весной 1201-го^{315}.

Смерть Игоря, последнего из поколения Олеговичей, ясно помнившего «прежних времен усобицы», как будто отворила ворота новой и на этот раз неудержимой кровавой распри. В 1202 году Рюрик Ростиславич, всё более опасавшийся растущей мощи своего прежнего зятя Романа Волынского, обратился за помощью против него к Ольговичам. Черниговские войска, которые вел новый князь Олег Святославич со своей многочисленной братией, вошли в Киев. Но Роман, к тому времени овладевший и галицким престолом, собрал все силы Юго-Западной Руси, сам пошел на Рюрика, и киевляне отворили ему ворота. Ольговичи вынуждены были уйти на левобережье, а

киевским князем по соглашению Всеволода Большого Гнезда с Романом стал ставленник последнего, его двоюродный брат Ингварь Ярославич. Утверждая свое право на лидерство в Южной Руси, Роман совершил победоносный поход на половцев, освободив много русских пленников и пригнав немало половецких.^{316}

Это была его ошибка, дорого стоившая Киеву. Половцы, Ольговичи и Рюрик объединились против общего врага. Степняков привели все еще правивший на Дону и Донце Кончак и ставший вождем Лукоморья крещеный хан Даниил Кобякович (Бякович). 1—2 января 1203 года Киев второй раз в своей истории был взят на штурм. «И сотворилось великое зло в Русской земле, какого зла не бывало от крещения Русской земли». Половцы жестоко разграбили город, не пощадив ни Софийского собора, ни построенной святым Владимиром Десятинной церкви, ни боярских дворов и старых княжеских теремов на киевской Горе. «Были над Киевом напасти и взятия, но не такое ныне зло случилось», — сокрушался летописец.^{317}

Роману удалось отбить Киев, но сам он погиб в войне с поляками в 1205 году, оставив Южную Русь охваченной пламенем междоусобицы, невиданной по размаху и длительности. После его смерти распря неразрывно слилась с начавшейся в Галицко-Волынском княжестве гражданской войной. Смута длилась более сорока лет почти без перерывов, и даже монгольское нашествие не сразу остановило ее...

Из четверых переживших отца сыновей Игоря эта распря стоила жизни сразу троим. Роман и Святослав вместе с Ростиславом в 1212 году были повешены галичанами в отместку за попытку заполучить дедовский престол на западе Руси. Владимир Игоревич уцелел в той войне, но умер вскоре после нее. Потомки Игоря, впрочем, долго правили Северной землей, дробя уделы...

А между тем близилась уже гроза настоящая, которую накликали своими крамолами неразумные князья. Как раз в те годы, когда умер Игорь, а наведенные его родней и Рюриком половцы разоряли Киев, когда погиб Роман Галицкий и весь юг Руси обвалился в хаос княжеского раздора, — как раз тогда в далеких глубинах Азии неведомые еще на Руси монгольские племена объединились под властью Тэмуджина, вошедшего в мировую историю как Чингисхан. Пройдет пара десятков лет, и копыта передовой его конницы притопчут Половецкую степь и падут в боях и Юрий Кончакович, и Даниил

Кобякович. А спустя еще полтора десятка лет монголы войдут и в русские земли. Полвека никто не будет жить на месте разоренной столицы Игоря, Новгорода-Северского. Да что Новгород-Северский — десятки городов Руси будут лежать в руинах или запустении. Немало былого будет утрачено и забыто. Потому и дойдет до нас из многих песен дружинной поэзии единственное «Слово», поражающее своей уникальностью и оттого вызывающее недоверие и споры. С ним выйдет в первый ряд исторической памяти не самое приметное в свои времена княжеское имя — Игорь Святославич, князь Новгород-Северский...

Приложение.

**РОДОСЛОВНЫЕ ПОКОЛЕННЫЕ
РОСПИСИ ОСНОВНЫХ ВЕТВЕЙ
ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ,
УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ [\[39\]](#)**

Черниговский дом [\[40\]](#)

I поколение

1. Святослав Ярославич (1027—1076)

II поколение

- 2 (1) [\[41\]](#). Глеб Святославич († 1078)
- 3(1). Роман Святославич († 1079)
- 4(1). Давыд Святославич († 1123)
- 5(1). Олег Святославич († 1115)
- 6(1). Ярослав Святославич († 1129)

III поколение

- 7 (4). Ростислав Давидович († 1120)
- 8 (4). Всеволод Давидович († 1124)
- 9 (4). Николай-Святоша Давидович († 1136)
- 10(4). Владимир Давидович († 1151)
- 11 (4). Изяслав Давыдович († 1161)
- 12 (5). Всеволод Ольгович († 1146)
- 13 (5). Игорь Ольгович († 1147)

- 14 (5). Глеб Ольгович († 1138)
- 15 (5). Святослав Ольгович († 1164)
- 16 (6). Святослав Ярославич († 1145)
- 17 (6). Ростислав Ярославич († 1153)

IV поколение

- 18(10). Святослав Владимирович († 1166)
- 19(12). Святослав Всеволодович († 1194)
- 20 (12). Ярослав Всеволодович (1139-1198/99)
- 21 (14). Изяслав Глебович († 1134)
- 22 (15). Олег Святославич († 1180)
- 23 (15). Игорь Святославич (1151—1201)
- 24 (15). Всеволод Святославич († 1196)
- 25 (16). Владимир Святославич († 1161)
- 26 (17). Глеб Ростиславич († 1178)
- 27 (17). Юрий Ростиславич († 1176?)

V поколение

- 28 (19). Олег Святославич († 1204)
- 29 (19). Владимир Святославич († 1200)
- 30 (19). Всеволод Святославич († 1215)
- 31 (19). Глеб Святославич († 1219?)
- 32 (19). Мстислав Святославич († 1224)
- 33 (20). Ростислав Ярославич (1174 — после 1214)
- 34 (20). Ярополк Ярославич († после 1214)
- 35 (22). Святослав Ольгович (1167-1185/86?)
- 36 (23). Владимир Игоревич (1173 — после 1211)
- 37 (23). Олег Игоревич (1175-1185/86?)
- 38 (23). Святослав Игоревич (1177-1212)
- 39 (23). Роман Игоревич († 1212)
- 40 (23). Ростислав Игоревич († 1212)
- 41 (24). Святослав Всеволодович († после 1232)

- 42 (26). Роман Глебович († 1216)
- 43 (26). Игорь Глебович († 1195)
- 44 (26). Святослав Глебович († после 1207)
- 45 (26). Всеволод Глебович († 1207)
- 46 (27). Владимир Глебович († после 1186)
- 47 (28). Давыд Юрьевич († 1228)
- 48 (28). Владимир Юрьевич († 1205)

Мономашичи^[42]

I поколение

- 1. Всеволод Ярославич (1030—1093)

II поколение

- 2(1). Владимир Всеволодович (1053—1125) 3(1). Ростислав Всеволодович († 1093)

III поколение

- 4 (2). Мстислав Владимирович (1076—1132)
- 5 (2). Изяслав Владимирович (1078—1096)
- 6 (2). Ярополк Владимирович (1082—1139)
- 7 (2). Вячеслав Владимирович (1083—1154)
- 8 (2). Юрий Владимирович (1091-1157)
- 9 (2). Андрей Владимирович (1102— 1142)

IV поколение

- 10 (4). Всеволод Мстиславич († 1138)
- 11 (4). Изяслав Мстиславич (f 1154)
- 12 (4). Святополк Мстиславич († 1154)
- 13 (4). Ростислав Мстиславич († 1167)
- 14 (4). Владимир Мстиславич (1132—1171)
- 15 (8). Андрей Юрьевич (1112-1174)
- 16 (8). Глеб Юрьевич († 1171)
- 17 (8). Борис Юрьевич († 1159)
- 18 (8). Иванко Юрьевич († 1146)
- 19 (8). Ростислав Юрьевич († 1151)
- 20 (8). Михалко Юрьевич († 1176)
- 21 (8). Всеволод Юрьевич (1154-1212)
- 22 (9). Владимир Андреевич († 1170)

V поколение

- 23 (11). Мстислав Изяславич (1125—1170)
- 24 (11). Ярослав Изяславич (1132-1180)
- 25 (11). Ярополк Изяславич († 1168)
- 26 (13). Роман Ростиславич († 1180)
- 27 (13). Святослав Ростиславич († 1170)
- 28 (13). Давыд Ростиславич (1140-1197)
- 29 (13). Рюрик Ростиславич († 1214)
- 30 (13). Мстислав Ростиславич († 1180)
- 31 (14). Мстислав Владимирович († после 1203)
- 32 (15). Мстислав Андреевич († 1173)
- 33 (15). Изяслав Андреевич († 1165)
- 34 (15). Юрий Андреевич († 1190)
- 35 (16). Владимир Глебович († 1187)
- 36 (19). Ярополк Ростиславич († 1196)
- 37 (19). Мстислав Ростиславич († 1178)

VI поколение

- 38 (23). Роман Мстиславич († 1205)
- 39 (26). Мстислав Романович († 1223)
- 40 (29). Ростислав Рюрикович († после 1218)
- 41 (29). Владимир Рюрикович († 1239)

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НОВГОРОД- СЕВЕРСКОГО

1151, 3 апреля — у новгород-северского князя Святослава Ольговича родился сын Игорь.

1157, после 19 мая — отец Игоря стал великим князем Черниговским.

1158 — сопровождал отца и старшего брата Олега на снем в Лутаве.

1164, 15 февраля — смерть Святослава Ольговича.

Между 18 февраля и 29 июня — Олег Святославич с братьями ушел в Новгород-Северский, оставив Чернигов Святославу Всеволодовичу.

1166 — усобица за вщижское наследство. Святослав уступил Олегу с братьями четыре города.

1168/69, зима — Олег и Игорь присоединились к княжеской коалиции против киевского князя Мстислава Изяславича.

1169, 8 марта — Киев взят и разграблен союзными князьями.

Около 1169 — женился на дочери галицкого князя Ярослава Осмомысла.

1170, 8 октября — родился первенец Владимир.

1171, 29 июня — первый самостоятельный поход против половцев.

20 июля — нанес поражение ханам Кончаку и Кобяку недалеко от Переяславля.

25 июля — встретился в Киеве с князем Романом Ростиславичем и его братьями.

1173, лето—осень — участвовал с братьями в походе княжеской коалиции на Киев.

Сентябрь — вместе с Всеволодом Юрьевичем сражался под Вышгородом с Мстиславом Храбрым.

1174—1175 — участвовал в войне старшего брата Олега против Святослава Всеволодовича. Родился сын Олег.

1176— родился сын Святослав.

1180, 16 января — после смерти Олега Святославича стал князем Новгород-Северским.

Весна — присутствовал на снеме в Любече. Передел чернигово-северских земель.

Весна—осень — участвовал в военных приготовлениях Святослава Всеволодовича против Мономашичей.

Конец осени — Святослав, выступив в поход на север, оставил Игоря и Ярослава в Чернигове.

1181 — совместно с Ярославом совершил поход к Друцку, соединил силы со Святославом и осадил город. После возвращения на юг и захвата Святославом Киева был вместе с Кончаком застигнут врасплох Рюриком Ростиславичем и спасался с ханом бегством в одной ладье.

1184, ранняя весна — по приказу Святослава выступил вместе с Владимиром Глебовичем против половцев, после ссоры продолжил поход с собственной дружиной и «черными клобуками», разорил кочевье на реке Хирии. В отместку за вторжение Владимира в северские владения опустошил город Глебов.

Лето — отказался участвовать в походе Святослава против лукоморских половцев, но совершил собственный набег на соседних степняков и разгромил небольшой отряд хана Обовлы на реке Мерле. По возвращении дал приют Владимиру Ярославичу, сыну Осмомысла.

1185, февраль — согласился участвовать в войне Святослава с Кончаком, но северская дружина не успела подойти, заблудившись в тумане на Суле.

23 апреля — с племянником и сыновьями Владимиром и Олегом выступил из Новгорода-Северского в поход на половцев.

1 мая — войско Игоря у Донца. Солнечное затмение.

Май—июнь — печально известный поход на половцев. В битве на Каяле русское войско уничтожено, все князья попали в плен. Половецкое нашествие на Русь.

1185, конец — 1186, начало — при помощи половца Лавра бежал из плена, прибыл в Новгород-Северский, оттуда в Чернигов, а затем в Киев. Получил помощь от Ярослава Черниговского в обороне Посемья от половцев хана Гзы.

1186, осень—зима — примирил Владимира Ярославича с отцом.

1186—1187 — сын Владимир женился в плену на Кончаковне.

1188, 24 июля — сын Святослав женился на Ярославе Рюриковне.

Июль—август — Владимир Игоревич вернулся к отцу с женой и сыном Изяславом. Заключен мир Игоря и Кончака.

1189 — выдал дочь замуж за Давыда Ольговича, внука Святослава Всеволодовича.

1191 — совместно с Всеволодом Трубчевским совершил набег на земли половцев.

1191, конец — 1192, начало — вместе с Всеволодом и двоюродными племянниками отправился в поход против половцев, но отступил, не решившись вступить в бой с превосходящими силами врага.

1194, март—апрель — на снеме с Всеволодовичами в Карачеве обсуждал возможный поход со Святославом на Рязань (не состоялся).

1195—1196 — вместе с Ярославом Всеволодовичем возглавил Ольговичей в войне против Мономашичей.

1196, май — смерть Всеволода Трубчевского.

1198, конец — 1199, начало — смерть Ярослава Всеволодовича Черниговского. Игорь — великий князь Черниговский.

1199—1200 — захват Чернигова Владимиром Святославичем и его смерть. Игорь возвратился в Чернигов.

1201, весна — смерть Игоря Святославича в Чернигове.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М., 1966.

«Слово о полку Игореве» — памятник XII в.: Сборник статей. М., 1962.

«Хожение» игумена Даниила в Святую землю. СПб., 2007.

Бабаев К. В. Монеты Тмутараканского княжества. М., 2009.

Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

Высоцкий С. А. Древнерусские записи Софии Киевской XI-XIV вв. Киев, 1966.

Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. Т. 2. М., 1913.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Древнерусские княжеские уставы XI—XIV вв. М., 1976.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010.

Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985.

Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. М., 1978.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.

Зимин А. А. Слово о полку Игореве. М., 2006.

Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

Инков А. А. Древняя Русь и кочевники южнорусских степей в X—XIII вв. М., 2007.

Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999.

Манн Р. «Песнь о полку Игореве»: новые открытия. М., 2008.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997; Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998; Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000; Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000; Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004; Т. 38.

Радзивилловская летопись. Л., 1989; Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003; Т. 41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.

Рыбаков Б. Л. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 2000.

Татищев В. Н. История Российская // Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 1995.

Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси: В 3 т. Т. 1. М., 1970.

Jacobson R. O. The Selected Writings. Vol. 4. Slavic Epic Studies. Paris, 1966.

Keenan E. L. Josef Dobrovsky and † he Origins of the Igor' Tale. Cambridge, 2003.

Mann R. The Igor Tales and Their Folkloric Background. СПб., 2005.

ИЛЮСТРАЦИИ

Князь Игорь. И. Глазунов. Фрагмент. 1962 г.

Навесная печать Игоря Святославича, найденная в Пскове

Навесная печать Олега Святославича, родоначальник черниговских князей. На лицевой стороне изображен князь с державой и копьем, на обороте — его небесный покровитель архангел Михаил. После 1094 г.

Дядьа Игоря Всеволод и Игорь Ольговичи. «Титулярник». 1672 г.

Святослав Всеволодович, великий киевский князь с 1174 по 1194 год (с перерывами).

Гравюра XIX в.

*Поход Святослава Всеволодовича на половцев в 1184 году. Лицевой летописный свод.
Середина XVI в.*

Каменный декор Борисоглебского собора

Борисоглебский собор — усыпальница черниговских князей. 1120-1123 гг.

*Спасо-Преображенский кафедральный собор в Чернигове. Первая половина XI в.
Современный вид после перестроек XVII и XVIII вв.*

Новгород-Северский со стороны Десны

Путивль в начале XX века

Цитадель Путивля с памятником Ярославне

Гора Кременец (Изюмский курган) «шеломянь», за которым начиналась Степь

Степь с половецким каменным изваянием

Доспехи русских ратников — кольчуга, наруч и шлемы. XII-XIII в.

Взятие Киева князьями во время междоусобицы 1169 года — возможно, первая боевая операция с участием Игоря Святославича. Лицевой летописный свод

Половецкий набег. Радзивилловская летопись

Разгром половцев на реке Орели 30 июля 1184 года. Радзивилловская летопись

*Поход Игоря Святославича на половцев в мае 1185 года. Захват половецкого стана.
Радзивилловская летопись*

Битва дружины Игоря с половцами. Радзивилловская летопись

«Буй Тур» Всеволод. Реконструкция М. М. Герасимова

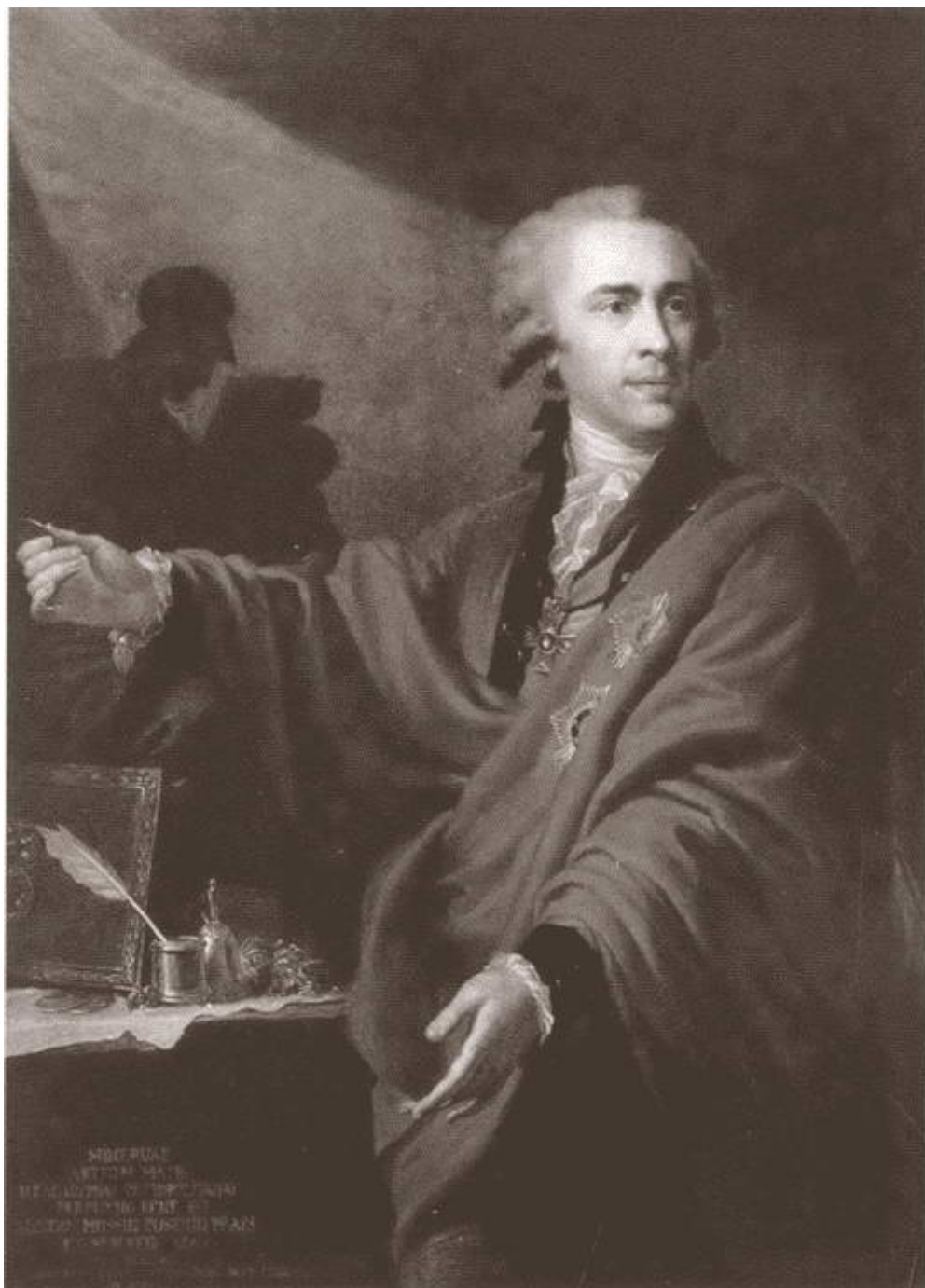
Победа половцев над войском Игоря. Радзивилловская летопись

Истребление половцами войска Игоря. Радзивилловская летопись

Побег Игоря из половецкого плена и погоня Кончака. Радзивилловская летопись

Собиратель рукописей А. И. Мусин-Пушкин открыл «Слово о полку Игореве». И. Лампи.

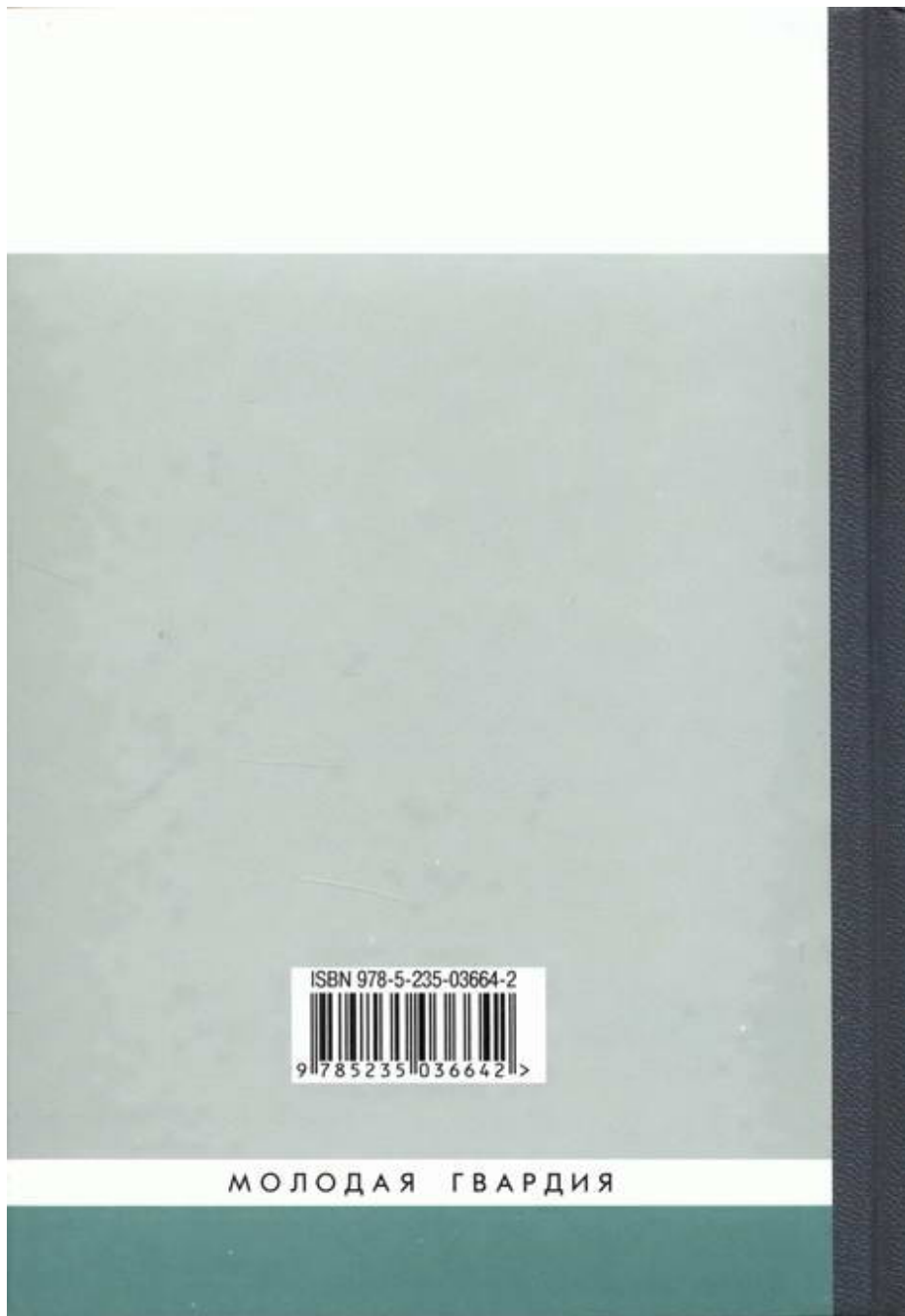
1798 г.

Композитор А. П. Бородин обессмертил имя князя Игоря в одноименной опере

Князь Игорь Святославич. И. Билибин. 1929 г.

ISBN 978-5-235-03664-2
9 785235 036642 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

Касоги — древнерусское название адыгских племен. Мстислав Владимирович Тмутараканский подчинил касогов, убив на поединке их вождя Редедю.

В нашем переводе «Слова» мы берем за основу издание текста Д. С. Лихачева, в который вносим изменения с учетом новых трактовок. Задача перевода — как можно точнее передать метрику и лексику оригинала. Отступления, помимо перевода «мертвых» к настоящему времени слов, сводятся к отдельным перестановкам определений и подстановкам предлогов и местоимений для сохранения размера. Ритмика поэмы, как отмечают все ее исследователи, очень непостоянна, представляя собой сочетание нескольких встречающихся в славянском фольклоре размеров. В отличие от большинства создателей авторизованных литературных переводов мы сохраняем эту особенность, пытаюсь в то же время, в отличие от академических переводчиков, продемонстрировать стихотворную форму. Возможно, впрочем, что в ряде случаев текст перебивался прозаическими комментариями, теперь слабо улавливаемыми. Поскольку перевод по характеру близок к научному подстрочнику, его совпадения с переводами основывавшихся на сходных принципах ученых, прежде всего Д. С. Лихачева, неизбежны.

Харалужные — стальные, булатные.

Николай Святослав упоминается и в Любечском синодике (см.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 38); правда, Р.В. Зотов считал, что имеется в виду постригшийся в монахи княжич Никола-Святослав Давыдович; но поминаемый определен как великий князь Черниговский. См. также: *Янин В.Л.* Указ. соч. Т. 1.С. 104-105.

О браке косвенно сообщают летописи, называя Мстиславичей шурыями Всеволода (см.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 308; Т. 2. Стб. 308). В. Н. Татищев утверждал, будто Всеволод Давыдович женился в 1116 году на Агафье Мстиславне. Но Агафью (Владимировну, а не Мстиславну) на самом деле получил в жены в 1116 году его тезка Всеволод Городенский. Ошибка Татищева была ясна еще Н. М. Карамзину; тем не менее Агафья Мстиславна вместо гораздо более реальной Марии (см.: ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 111; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 71; *Кучкин В. А.* Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997. С. 201—205) или в непонятном отождествлении с ней фигурирует во многих справочниках по русской истории. Это касается и ряда других, не имеющих ссылки на источник, сведений Татищева о княжеских родословных. Не исключено, что историографом XVIII века руководило то же стремление, что и генеалогами, полагающимися на его сведения: выстроить полную, не имеющую ни малейших лакун и хронологически выверенную родословную русских князей. Мария (?) Мстиславна надолго пережила мужа и умерла в 1179 году, при княжении своего сына Святослава в Киеве. Погребли ее в Кирилловском храме, возведенном ею вместе с супругом (см.: ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 612).

Во всяком случае, в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 309) говорится, что между двумя новгородскими княжениями Святослав сидел именно в Новгороде-Северском.

В 1145 году княживший в Муроме Святослав Ярославич умер, оставив престол брату Ростиславу, а тот, обделив племянника, посадил в Рязани своего сына Глеба (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 318-319).

Если идентифицировать Олега Святославича с князем Феодосием Любечского синодика, то его первую жену звали Евфросиния (см.: *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 41).

Снем — в Древней Руси съезд, официальная встреча.

В. Н. Татищев называет вдову Владимира Андреевича Святославной. Считается, что он основывался на свидетельстве несохранившегося источника. Но на самом деле это недоразумение, основанное на редкостном совпадении. Татищев принял за искаженное отчество дорогобужской княгини имя возглавлявшего ее дружину боярина Славна, упомянутого в Ипатьевской летописи (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 546). Единственным подлинным источником информации о происхождении княгини является надпись из Софийского собора.

Шестокрылец — здесь: сокол. Д. С. Лихачев в комментариях к «Слову» поясняет: «У сокола оперение крыла делится на три части (большие маховые, малые маховые перья и крылышко). Всего как бы шесть крыльев».

Обычно считается, что это была дочь Святослава Всеволодовича, но в летописи Мстислав назван зятем и Ярослава Всеволодовича, и Олега Святославича; то есть был мужем сестры кого-то из них. Наиболее вероятно, что он женился на одной из двух вдовых сестер Олега и Игоря.

Рюрик не был совсем уж чужим половцам. В 1162 году ради мира отец женил его на дочери половецкого хана Белука (Беглюка, Билюка), вождя Бурчевичей (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522). Таким образом, одно время Рюрик состоял в свойстве с Осолуком и И заем, союзниками Кобяка, а возможно, и с донецким Гзой, союзником Кончака, — предполагаемыми степными родичами Игоря Новгород-Северского. Не при поддержке ли Святослава Ольговича, внука старшего Осолука, был заключен союз? Но ко времени описываемых событий Билюковна давно умерла. Старший сын Рюрика Ростислав, вопреки столь частым в нашей исторической литературе романтическим заблуждениям, был сыном не половчанки, а княгини Анны Юрьевны из туровского рода (см.: Там же. Стб. 665, 672, 708, 710-711).

Яруги — большие и глубокие овраги.

Список князей приводят Ипатьевская (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 637—638) и Радзивилловская (Там же. Т. 38. С. 151) летописи. В первом случае говорится только о четырех владетельных князьях, но во втором отмечается, что Игорь взял в поход двух сыновей. «Слово» тоже говорит вначале о четырех князьях, но затем, оплакивая пленников, заменяет Владимира его братом Олегом.

Местонахождение реки Сальницы, ныне пересохшей или утратившей это имя, — предмет споров. Расположение у Изюма надежно подкреплено последним упоминанием названия в источнике XVII века «Книга Большому Чертежу» (см.: Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 38). Неясно лишь, идет ли речь о ныне пересохшем правом (как следует из текста «Книги») или об одном из левых (восточных) притоков Донца.

Обапол — в обеих половинах, около, подле, вокруг, со всех сторон.

Из текста неясно, кто имеется в виду. Некоторые исследователи допускают, что в каком-то месте выше пропущено имя деда Игоря, Олега «Гориславича». Но оснований для такого умозаключения недостаточно, поскольку других следов лакуны в начале поэмы нет. Ранее упоминались Ярослав Мудрый, его брат Мстислав Тмутараканский и брат Олега Роман Святославич. В переносном смысле Игорь мог быть назван «внуком» Ярослава (на самом деле являлся его праправнуком) и Романа (будучи его внучатым племянником). Не исключено искажение оригинала при переписывании (например, «того» вместо «тех», то есть древних князей).

Кметы — здесь: дружинники, воины.

Местоположение Сюурлия — еще большая загадка, чем местоположение Сальницы. Его искали от Орели, то есть днепровского левобережья, до низовий Донца и Дона — на том основании, что в «Слове» сказано, что половцы бежали от Игоря к Дону, и «у Дона» автором помещена Каяла. Судя по всем свидетельствам, русские двигались именно к Дону, а не к Днепру. Скорее всего, как и полагают большинство исследователей, Сюурлий надо искать в том же среднем течении Донца, где находились Оскол и Сальница — может быть, уже на южном берегу, оставляя за спиной переправу и господствующий над бродом с севера «шеломянь» — гору Крымец («Изюмский курган»).

Вероятно, аварские.

Карна и Жля (Желя) — как предполагается, воплощения скорби и плача.

Забрало — городская стена с боевыми площадками и ограждавшими их защитными брустверами.

Возможно, имеются в виду чужеземцы-язычники, говорящие на неизвестных языках.

Именование воронов-падальщиков «бусовыми» вполне может представлять метафорический оборот, связанный с преданием о повешенном готами короле антов Бусе (Бозе) (IV век), о временах которого поют далее готские девы из Крыма.

Одно из нерасшифрованных мест «Слова». Где находилась «дебрь», неизвестно.

Хины — языческий народ, изредка упоминаемый в древнерусских памятниках, как правило, в метафорических оборотах, который предлагается отождествлять с различными этносами, в том числе с гуннами, балтами, финнами, чжурчжэнями, китайцами, монголами.

Засапожник — нож или кинжал, носимый за голенищем сапога.

Сулица — короткое копьё.

Вежи — шатры.

Ростислав, бывало, гостил у тестя; к примеру, в 1189 году ездил к нему в Ростов на освящение храма Богородицы (см.: ПСРЛ. Т. 43. С. 119).

Первая свадьба была в среду 20 июля (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658; Т. 38. С. 157), вторая — в ближайшее воскресенье.

Приводимая В. Н. Татищевым дата кончины Святослава, 27 июля, не подтверждается древними летописями. Если он умер в понедельник перед днем Маккавеев (1 августа), то это было 25 июля; если, что более вероятно, во вторник — 26-е.

В некоторых трактовках зятем Давыда объявляется именно Василько. Это явная ошибка — во владимирском летописании Василько ясно назван союзником черниговцев (см.: ПСРЛ. Т. 38. С. 158). Встречается еще отождествление этого Василька с Васильком Володаревичем Логожским из минских князей, которое только запутывает дело без ясных мотивов. Василько Брючиславич вместе с отцом помогал Святославу Всеволодовичу в 1181 году (см.: Там же. Т. 2. Стб. 620).

По более распространенной сейчас теории, игнорирующей данные Любечского синодика, под 1193 годом Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 679) сообщает о рождении Мстислава Давидовича Смоленского и именно его в крещении звали Федор (см.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Указ. соч. С. 583).

Время смерти Ярослава Всеволодовича определяется известием северо-восточных летописей. Так, в Радзивилловской летописи это событие помещено в статье, относящейся к 6708 году по «ультрамартовскому» счислению (на год опережающему обычное), то есть 1199/1200-му, тогда как Ипатьевская летопись относит его к 6706 (1198/99) «мартовскому» году. Очевидно, известие о смерти черниговского князя достигло Владимира только весной 1199 года.

В Московском своде он явно ошибочно назван Всеволодовичем, но такой князь среди Ольговичей неизвестен; видимо, произошло искажение слов «внук Всеволодов». Автор поздней украинской Густынской летописи то ли знал из неизвестных ныне источников, то ли угадал верное отчество — Святославич (см.: ПСРЛ. Т. 40. С. 108).

Для доказательства этого опережения есть две надежные опорные даты: вокняжение в Новгороде Святослава, сына Всеволода Большое Гнездо (см.: ПСРЛ. Т. 3. С. 44—45), и гибель Романа Мстиславича Волынского (см.: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 148-149).

От Ярослава Владимировича Мудрого, принадлежащего к IV поколению потомков Рюрика.

Родословная мурома-рязанских князей дается по летописям XII—XIV веков. Летописные своды XVI столетия его существенно расширяют и ревизуют.

Здесь и далее за порядковым номером каждого князя в скобках дается порядковый номер его отца.

42

Только упоминаемые в книге.

comments

Ссылки

См.: Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 30— 31, 412-416.

См.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995.

См.: *Шлёцер А.* Нестор. СПб., 1809. Т. 1. С. 563-564.

См.: Шмидт С.О. «Слово о полку Игореве» и становление и развитие понятия о памятнике культуры // Памятники Отечества. 1986. № 1; Он же. А.С. Пушкин о «Слове о полку Игореве» // Древности славян и Руси. М., 1988.

Цит. по: *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV вв. М., 2000. С. 180-181.

См.: *Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.*

См.: Russian Epic Studies / Ed. by R. Jakobson and E. J. Simmons. Philadelphia, 1949; *Jacobson R. O. The Selected Writings. Vol. 4. Slavic Epic Studies.* Paris, 1966. P. 106-300.

См.: *Лотман Ю.М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX в. // Слово о полку Игореве — памятник XII в.: Сборник статей. М., 1962. С. 330-405.

См.: *Зимин А.А.* Слово о полку Игореве. М., 2006.

См.: *Моисеева Г.Н.* Новые материалы по истории Апостола 1307 г. с цитатой из «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1983. № 4. С. 128-132.

См.: *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

См.: *Jakobson R., Wort D. Sovonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. The Hague, 1963.*

См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М., 1966; *Дмитриева Р. П., Дмитриев Л.А., Творогов О.В.* По поводу статьи А.А. Зимина «Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1. С. 105—121; Сказания и повести о Куликовской битве / Подг. текста Л.А. Дмитриева, О.П. Лихачевой. Л., 1982.

См., например: *Иванов В. В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1975.

См.: *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Т. 50. СПб., 1996.

См.: *Keenan E. L. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale.* Cambridge, 2003.

См.: *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.

См.: *Рыбаков Б.А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

См.: *Зотов Б.И.* Кто он — автор «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 118-124.

См.: *Leger L.* Russes et Slaves. Paris, 1890. P. 89-94.

См.: *Шахматов А.А.* Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» (СПб., 1906) // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910; *Он же. Ф.Е. Корш.* Некролог // Известия Императорской Академии наук. 1915. 6 сер. Т. 9. № 5. С. 385—387.

См.: *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 305-345.

См.: *Бобров А.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // *Acta Slavica Iaponica*. 2005. № 22. P. 238-297.

См.: *Володихин Д.М. Рюриковичи*. М., 2013. С. 90—95.

См.: *Франко І. Я.* Історія української літератури // *Франко І. Я.* Зібрання творів. Т. 40. Київ, 1983. С. 183-198.

См.: *Ляцкий Е.А.* Слово о полку Игореве. Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах Русской земли: Очерк из истории древнерусской литературы. Прага, 1934.

См.: *Mann R.* The Igor Tales and Their Folkloric Background. СПб., 2005; *Mann P.* «Песнь о полку Игореве»: новые открытия. М., 2008.

Инков А.А. Древняя Русь и кочевники южнорусских степей в X—XIII вв. М., 2007. С. 126.

См.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 149; Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 137; Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 64. Крестильное имя известно из Любечского синодика (см.: *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любечскому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 33) и сохранившимся печатям (см.: *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 34-35).

См.: ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 182.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 33.

См.: «Хождение» игумена Даниила в Святую землю. СПб., 2007. С. 134; *Зотов Р.В.* Указ. соч. С.34; *Янин В.Л.* Указ. соч. Т. 1.С. 26-30.

См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 192-194.

Киево-Печерский патерик//Древнерусские патерики. М., 1999. С.
21.

См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 183-184.

См.: Там же. С. 183—186; Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. М., 1978. С. 342; *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI-XIV вв. М, 1964. С. 16.

См.: ПСРЈ. Т. 3. С. 17, 186.

См.: Там же. С. 17, 186-190.

См.: Там же. С. 190-191.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 193; Т. 2. Стб. 185; Т. 38. С. 79-80.

См.: Там же. Т. 3. С. 17, 161, 196.

См.: Там же. С. 196-197.

См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 120, 338-340.

См.: *Столярова Л.В.* Указ. соч. С. 19—21; «Хожение» игумена Даниила в Святую землю. С. 134.

См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 197-198; Житие Феодосия Печерского. С. 376.

См.: *Столярова Л.В.* Указ. соч. С. 21-29.

См.: Там же. Вклейка. Рис. 1.

См.: *Высоцкий С А.* Древнерусские записи Софии Киевской XI-XIV вв. Киев, 1966. С. 49-52.

См.: Житие Феодосия Печерского. С. 379-383; ПСРЛ. Т. 3. С. 198;
Т. 2. Стб. 173.

См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 198; Т. 1. Стб. 198-199, 247; Т. 2. Стб. 189—190; Т. 38. С. 81; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. С. 112, 119—121, 157.

См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199; Т. 2. Стб. 190; Т. 38. С. 81.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 247.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 199; Т. 2. Стб. 190; Т. 38. С. 81.

См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199-200, 247; Т. 2. Стб. 190-191; Т. 38. С. 81;
Т. 3. С. 18, 161.

См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. С. 339.

См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199, 247; Т. 2. Стб.190; Т. 38. С. 81.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 199-204, 248; Т. 2. Стб.190-195; Т. 38. С. 81-83; Т. 3. С. 18.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 204; Т. 2. Стб. 196; Т. 38. С. 83; Т. 3. С. 18.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 205; Т. 2. Стб. 196; Т. 38. С. 83; *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 34; *Янин В.Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 24—29.

См.: *Бабаев К.В.* Монеты Тмутараканского княжества. М., 2009. С. 23-30.

См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 226, 249; Т. 2. Стб. 216-217; Т. 38. С. 90.

См.: Там же. Т. 3. С. 19, 161.

См.: Древнерусские княжеские уставы XI—XIV вв. М., 1976. С. 148.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 334.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 228-229; Т. 2. Стб. 219-220; Т. 38. С. 91; Т. 3. С. 161.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 229-231, 236-240,249,252-256; Т. 2. Стб. 220-221, 226-230; Т. 38. С. 91-94; Т. 3. С. 19; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. С. 339.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 256-257, 262-264, 270, 272; Т. 2. Стб. 230-231, 236-239, 245, 247-248; Т. 38. С. 95-99.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 273-280; Т. 2. Стб. 249-256; Т. 38. С. 99-102.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 281; Т. 2. Стб. 258. Прим. 30; Т. 3. С. 19;
Киево-Печерский патерик. С. 2832.

См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281-283; Т. 2. Стб. 258-259; Т. 3. С. 102.

См.: Там же. Т 1. Стб. 284; Т. 2. Стб. 260; Т. 38. С. 103.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 264-268; Т. 2. Стб. 250, 289; Т. 38. С. 103.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 276; Т. 1. Стб. 250.

Русская правда. М., 1940. Т. 1. С. 424—425.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 280-281; Т. 38. С. 104.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 282; Т. 38. С. 104.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 34—35; *Янин В.Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 71, 105-106.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 282-283.

См.: Там же. Стб. 284.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 284; Т. 1. Стб. 293.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 37.

См.: Там же. Стб. 288.

См.: Там же. Т. 3. С. 19,21.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 290-291; Т. 38. С. 106.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 297; Т. 38. С. 107.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 292; Т. 38. С. 106.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 295-297; Т. 3. С. 23; Т. 38. С. 108.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 298-300; Т. 38. С. 108-109; Т. 3. С. 23-24.

См.: Там же. Т. 3. С. 24, 161; Т. 2. Стб. 300.

См.: Там же. Т. 3. С. 24.

См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2. М., 1995. С. 148, 265-266.

См.: Там же. Т. 3. М., 1995. С. 259.

См.: Там же. Т. 2. С. 208.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 38-40.

См.: ПРСЛ. Т 3. С. 24.

См.: Там же. Т. 3. С. 24-25; Т. 2. Стб. 300; Т. 38. С. 109.

См.: Древнерусские княжеские уставы. С. 147—148.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484.

См.: Там же. Т. 3. С. 25; Т. 2. Стб. 300-301; Т. 38. С. 109.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 301-302; Т. 3. С. 25; Т. 38. С. 109— 110.

См.: Там же. Т. 38. С. 110; Т. 2. Стб. 295.

Там же. Т. 2. Стб. 302-303; Т. 38. С. 110.

См.: *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI-XIV вв. С. 28.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 304-307; Т. 3. С. 25; Т. 38. С. 110.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 307; Т. 3. С. 25-26.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 307-309; Т. 3. С. 26; Т. 38. С. 111.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 309-310; Т. 3. С. 26; Т. 38. С. 111.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 309-313; Т. 38. С. 111.

См.: Там же. Т 2. Стб. 308, 313; Т. 38. С. 111; *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004. С. 316.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 314; Т. 38. С. 112; *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 75-76.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313-316; Т. 3. С. 27; Т. 38. С. 112.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 317-318; *Щавелева Н.И.* Указ. соч. С. 316-318.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 319-321; Т. 3. С. 27; Т. 38. С. 113.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 321-328; Т. 3. С. 27; Т. 38. С.113.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 328-338; Т. 38. С. 113.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 337-340; Т. 3. С. 27; Т. 38. С. 113- 114.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 339-343.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 347-354; Т. 3. С. 28; Т. 38. С. 114— 115.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 354-359.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 360-368; Т. 38. С. 115-116.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 374-383; Т. 3. С. 28; Т. 38. С. 116- 117.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 384.

См.: Там же. Стб. 394.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 398-404; Т. 38. С. 120.

См.: Там же. Т 2. Стб. 408.

См.: Там же. Стб. 418-422.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 422-440; Т. 3. С. 28; Т. 38. С. 121- 123.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 443-444.

Там же. Стб. 445-446.

См.: *Высоцкий С.Л.* Надпись с именами героев «Слова о полку Игореве» в Киевской Софии // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 327-333.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 41-42.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею
Даниловым. М., 1977. С. 33.

Там же.

Свод русского фольклора. Т. 1. Былины Печоры. М., 2001. С. 137-138.

Житие Феодосия Печерского. С. 308.

ПСРЛ. Т.1. Стб. 241-246.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 446.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 455; Т. 38. С. 124.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 455-459; Т. 38. С. 124-125.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 459-460; Т. 38. С. 125.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 465.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 468; Т. 38. С. 126.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 469-470; Т. 3. С. 29; Т. 38. С. 126.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 471-476; Т. 3. С. 29; Т. 38. С. 127— 128.

Там же. Т. 2. Стб. 477-478; Т. 3. С. 29; Т. 38. С. 127— 128.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 479.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 481-482; Т. 38. С. 128.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 484-485.

См.: Там же. Стб. 486.

См.: Там же. Стб. 488.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 488-490; Т. 3. С. 30; Т. 38. С. 129.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 490.

См.: Там же. Стб. 493-494.

См.: Там же. Стб. 491-492.

См.: Там же. Стб. 498-502.

См.: Там же. Т. 3. С. 217; Т. 38. С. 129.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 520.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 502-504; Т. 3. С. 217; Т. 38. С. 129.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 504.

См.: Там же. Стб. 505.

См.: Там же.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 504-509; Т. 38. С. 129-130.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 512-517.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 517-518; Т. 3. С. 218.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 521.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 35, 39.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522-524.

См.: Там же. Т. 38. С. 132.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 524-525.

См.: Там же. Стб. 529.

См.: Там же. Стб. 525.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 527.

См.: Там же. Стб. 525-526.

См.: Там же. Стб. 525; *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 72-73.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526.

См.: Там же.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 528; Т. 3. С. 32.

Там же. Т. 2. Стб. 532.

См.: Там же. Стб. 537.

См.: Там же. Стб. 538-540.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 541-543; Т. 3. С. 32-33.

См.: Там же. Т. 38. С. 132.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 543-544; Т. 3. С. 33; Т. 38. С.132.

Там же. Т. 1. Стб. 354; Т. 2. Стб. 544-545; Т. 3. С. 33; Т. 38. С. 132.

См.: Там же. Т. 1.Стб. 248.

См.: Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 59, 73.

См.: Там же. С. 53, 72-73.

См.: Там же. С. 56-57, 72-73.

См.: Там же. С. 44, 73, 96.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13-14; Т. 2. Стб. 10; Т. 38. С. 14.

Там же. Т. 41. Летописец Переславля Суздальского. М., 1995. С. 6.

См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 139-140.

См.: Там же. С. 146-149.

См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248.

Киево-Печерский патерик. С. 27.

Цит. по: *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. Т. 2. М., 1913. С. 25.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 546-548.

См.: Там же. Стб. 551.

См.: Там же. Стб. 633-634.

См.: *Творогов О.В.* На ком были женаты Игорь и Всеволод Святославичи? // ТОДРЛ. Т. 48. М., 1993. С. 48-49.

См.: Там же. С. 49-50.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 614.

См.: Там же. Стб. 602-603.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 41-42.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 73-74.

См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. М., 2006. С. 501.

См.: *Янин В. Л., Гайдуков П. Г* Актовые печати Древней Руси XI-XV вв. Т. 3. М., 1998. С. 53.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 559-568; Т. 3. С. 33-34; Т. 38. С. 135-136.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 604.

См.: Там же. Стб. 568.

См.: Там же. Стб. 716.

См.: Там же. Стб. 548.

См.: Там же. Стб. 569.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 569-571; Т. 3. С. 34; Т. 38. С. 136.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 571; *Янин В.Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 105-106.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 571-572.

Там же. Стб. 572.

См.: Там же. Т 2. Стб. 573-575; Т. 3. С. 34; Т. 38. С. 136.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 575-578; Т. 3. С. 34; Т. 38. С. 136— 137.

Там же. Т. 2. Стб. 578.

Там же. Т. 2. Стб. 578-579; Т. 38. С. 137.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 580-595; Т. 3. С. 34; Т. 38. С. 137— 139.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 596-598; Т. 3. С. 34; Т. 38. С. 140— 141.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 599-600.

См.: Там же. Стб. 600; *Литвина А. Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 589.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 600; Т. 3. С. 34.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 600-603; Т. 3. С. 34; Т. 38. С. 141- 143.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 603-605.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 605-606; Т. 3. С. 35; Т. 38. С. 143— 146.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 612; *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 44- 45, 70-72.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612-613.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 604; *Литвина А. Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 608.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 613.

См.: Там же. Стб. 513, 637.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 614; Т. 38. С. 146-147.

Там же. Т. 2. Стб. 614-617.

См.: Там же. Т. 3. С. 36.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 618-620; Т. 3. С. 36; Т. 38. С. 147.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 620-621; Т. 3. С. 37; Т. 38. С. 147.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 632, 675; Т. 38. С. 150.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 621-624.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 624; Т. 3. С. 37.

Там же. Т. 2. Стб. 624-625; Т. 3. С. 37; Т. 38. С. 147-148. См. также:
Зотов Р.В. Указ. соч. С. 66—67, 69—70.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 629-630, 634; Т. 38. С. 148, 157.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 628-629, 643.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 631-633; Т. 38. С. 150.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 633.

См.: Там же. Стб. 633-634.

См.: Там же. Стб. 634-637.

См.: Там же. Стб. 637, 645.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 73.

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 637-638; Т. 38. С. 151.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 638.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 639; Т. 38. С. 151.

Там же. Т. 2. Стб. 643-644; Т. 38. С. 151.

См.: Там же. Т. 1. Стб. 398; Т. 43. С. 115.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 640-641; Т. 38. С. 151.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 640-641; Т. 38. С. 151.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 642-645; Т. 38. С. 151-152.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 645-648; Т. 38. С. 152.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 648-649.

См.: Там же. Т. 38. С. 152.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 649-651.

См.: Там же. Т. 38. С. 152.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 651.

См.: Там же. Стб. 634.

См.: Там же. Стб. 652.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 171.

См.: ПСРЛ. Т. 38. С. 155-156; Т. 43. С. 118-119.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 652.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 652-653; Т. 38. С. 156.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 654-655.

См.: Там же. Стб. 659; *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 76-80.

См.: Там же. Стб. 662-663.

См.: Там же. Стб. 668.

См.: Там же. Стб. 668-670.

См.: Там же. Стб. 672-673.

См.: Там же. Стб. 673.

См.: Там же. Стб. 673-674.

См.: Там же. Стб. 676.

См.: Там же. Стб. 678-679.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 679-680; Т. 38. С. 158.

Там же. Т. 2. Стб. 681.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 681; Т. 38. С. 158.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 683-686; Т. 38. С. 158.

Там же. Т. 2. Стб. 688-689.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 689; Т. 3. С. 42.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 690.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 690-691; Т. 3. С. 43; Т. 38. С. 158.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 692-694; Т. 3. С. 42.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 694-696; Т. 3. С. 42.

Там же. Т. 2. Стб. 696.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 697-700; Т. 3. С. 42-43; Т. 38. С. 158-159.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 701-702.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 702; Т. 3. С. 43.

См.: Древняя Русь: город, замок, село. С. 56.

См.: Там же. С. 72-73, 163.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 708.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 102-103.

См.: Там же. С. 81,99-101, 103-104, 111-113.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 727.

См.: Там же. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 108.

См.: Там же. Т. 15. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 313.

См.: Там же. Т. 2. Стб. 707; Т. 38. С. 159; *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 40.

См.: *Зотов Р.В.* Указ. соч. С. 73, 171.

См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707-708.

См.: Там же. Т. 38. С. 155.

См.: Там же. Т. 38. С. 160; Т. 25. С. 100.

См.: Там же. С. 154, 160.

См.: *Пятнов А.Я.* К вопросу о дате смерти князя Игоря Святославича Черниговского // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2003. № 4 (14). С. 60—61.

Там же. Т. 3. С. 45; Т. 38. С. 154.